Р/5/349

П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ

ЖИЗНЬ и БЫТ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ФАБРИКИ

1704-1914 г.г.

ИЗДАНИЕ ЛЕНИНГР. ГУБ. СОВЕТА
ПРОФЕССИОН. СОЮЗОВ

П/5
549

П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ

163

ЖИЗНЬ И БЫТ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ФАБРИКИ

за 210 лет ее существования

1704—1914 г.г.

ИЗДАНИЕ
Ленинградского Губернского Совета
Профессиональных Союзов
1925

ГОСУД. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 32097
24-VI-1925
БИБЛИОТЕКА.

Ленинградский Гублит № 10577. Тираж 3.000. Зак. № 203.

Типография Р.-И. О. Ленинградского Губпрофсовета. Красная, 24а.

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Как надо смотреть на предлагаемую вниманию читателя работу.—Затруднения, испытываемые автором.—Российская статистика и российские статистические пособия.—Материалы для работы.—Их скудость и трудность получения.—Классификация производств.--Общие положения.--Петербург—крепость и порт. Появление и образование столицы и административного центра.—Особенность петербургской промышленности.—Ее искусственность.—Разница между «заводом» и «фабрикою».—Схема развития петербургской промышленности.

С первых же строк моей работы я стараюсь определить отношение читателя к моей работе. Мне кажется, что я уже оттенил это в самом заглавии, я умышленно поставил не «История петербургской фабрики», а просто: «Жизнь и быт петерб. фабрики за 210 лет, с 1704 по 1914 год», причем отмечаю здесь, что это—только материалы. Время для написания полной истории Петербурга еще не пришло, долго еще нужно будет опубликовывать материалы, хотя только в отчасти обработанном виде. Для публикуемой мною работы у меня было и еще одно обстоятельство,—я был ограничен размером. Понятно, что вследствие указанных причин в моей работе большие пропуски, многие производства только упомянуты или появляются лишь в статистических таблицах.

Вот об этих таблицах и о статистике необходимо сказать несколько слов с самого начала. Приступая в 1869 году к изданию своих «Ежегодников», министерство финансов писало в введении: «Сведения доставляются статистическими комитетами через посредство губернаторов. В самом составлении этих сведений участвуют два элемента—земская и городская полиция, которая

составляет списки всем промышленным заведениям, рассылает и собирает вопросные ведомости, и сами владельцы промышленных заведений, от которых требуется выполнение ведомостей и ответ на изложенные в них вопросы. Как сведения, составляемые полициею, так и особые ответные ведомости (получаемые, однако, далеко не от всех владельцев) передаются в департамент торговли и мануфактур). В департаменте материал этот подвергался неоднократно предварительной обработке и проверке, причем выяснились все его недостатки, состоящие главным образом в следующем:

«1) Общие перечни фабрик и заводов, составляемые полициею, оказывались крайне неверными во-первых оттого, что нередко пропускаются составителями громадные заведения, во-вторых потому, что включались заведения, вовсе не имеющие характера фабричного или заводского.

«2) Показания о числе рабочих при фабриках и заводах и о стоимости производства весьма часто совершенно неверны и выставляются наобум, потому что сами владельцы вовсе не сообщают таковых. Но даже и в описаниях, сообщаемых владельцами, встречаются неточности и неправильности вследствие неточного понимания программ и недостатка внимания к самому делу. Иногда выставляется цена производства, которая явно недостаточна на насущное пропитание показанного числа рабочих. Вообще почти все показания касательно стоимости производства сильно уменьшены, так как, к сожалению, наш промышленный люд до сих пор не может отрешиться от какой-то безотчетной боязни мнимых фискальных целей.

«3. Подробные описания, представляемые некоторыми владельцами фабрик и заводов, довольно часто страдают неопределенностью и сбивчивостью, и весьма часто так коротки и сжаты, что нет никакой возможности из них получить точное понятие о размерах производства».

Так говорилось в 1868 году.

---

[1]) В былое время, когда работу, подобную моей, читал очень небольшой кружок специалистов, я бы, конечно, не стал утруждать его внимание сообщением сведений, как составлялась статистика. Но для современного читателя, который жил этою фабрикою, эти известные „специалистам“ сведения не покажутся безинтересными и дадут ему возможность сразу понять, как надо относиться к „былой стастистике“.

В 1903 году указывалось, что «вопросные листы были разосланы Редакциею всем владельцам фабрик, но приблизительно только третья часть фабрикантов прислала сведения о своих заведениях исправленными и дополненными...» Таким образом и через пятьдесят лет достоверность полученных сведений была очень сомнительна. Но появлялось и еще одно затруднение. При составлении своих статистических таблиц за период времени 1862—1914 год я пользовался нижеследующими изданиями; привожу их полностью и указываю шифр или Публичной Библиотеки, или бывшего Вольно-Экономического общества:

1. Статистические сведения о фабриках и заводах в С.-Петербурге за 1862 год. Издание С.-Петербургского статистического комитета). Спб. 1863. (Пуб. Биб. 18. 112. 2. 351).

2. Ежегодник министерства финансов. Выпуск I на 1869 год. Составлен под редакциею А. Б. Бушена. Спб. 1869 (Биб. Вол. экон. общ. 434/75).

3. Указатель фабрик и заводов Европейской России с царством Польским и великим кн. Финляндским. Материалы для фабрично-заводской статистики. Составил по официальным сведениям Департамента Торговли и Мануфактур П. А. Орлов. Спб. 1881. (Пуб. Биб. 18. 135. 4. 28).

4. Указатель фабрик и заводов . . . . . составил по официальным сведениям П. А. Орлов. Издание второе, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1887 (Пуб. Библ. 18. 194. 7. 29).

5. Указатель фабрик и заводов . . . . . составили по официальным сведениям П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Издание третье, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1894 (Пуб. Биб. 18. 322. 2. 7).

6. Министерство Финансов. Департамент Торговли и Мануфактур. Фабрично-заводская промышленность России. Перечень фабрик и заводов. Спб. 1897 (Биб. Вол. экон. общ. 126 4/9).

7. Министерство финансов. Список фабрик и заводов Европейской России. Спб. 1903 (Биб. Вол. экон. общ. 54, в. 1).

8. Совет С'ездов представителей промышленности и торговли. Фабрично-заводские предприятия Российской Империи (исключая Финляндию). Издали инж. пут. сообщ. Д. П. Кандауров и сын. Редактор Ф. А. Шобер. Издание второе. Петроград. 1914 (Пуб. Биб. 18. 360. 1. 1).

Первые 7 книг были изданы одним и тем же издателем—министерством финансов, 6 и 7 нумера списка имели одного и того же редактора, и несмотря на то, что все эти издания имели один и тот же материал и одну цель издания, в каждом из них этот материал расположен по разному: в одном, например, указывается год основания фирмы, в следующем—этого указания нет, в третьем—все фирмы расположены по сумме оборота, в четвертом в алфавитном порядке и т. д. Даже в самом существенном—в разбивке производств на группы, и здесь не соблюдено единство. Таким образом, чтобы составить на основании этих восьми книг сводную таблицу, приходится проделывать громадную черновую работу. И во время этой сводной работы указанные еще в 1869 году недостатки статистики ясно всплывают. Эти недостатки особенно проявились в материалах о металлургической промышленности Петербурга. Какое-нибудь предприятие в одном из последних сборников приводится с годом открытия. Этот год ясно указывает, что сведения об этом производстве должны быть во всех сборниках, но оказывается, что, например, предприятие, открытое в 1835 году и зарегистрированное в сборнике 1914 года, исчезает из ряда последующих сборников и появится в одном из первых. Словом, данные, заключенные в указанных восьми сборниках, так разнообразны, что нельзя было составить полную всеоб'емлющую таблицу. Все имеющиеся у меня данные страдают каким-либо недочетом. Затем, вообще был затруднителен сбор материала. Главный печатный материал это — газеты, журналы, различные сборники. И вот приходилось пересматривать не один комплект изданий, перелистывать не одну тысячу страниц, чтобы выловить тот или другой факт из русской действительности.

Нельзя не отметить одного очень характерного явления, относящегося особенно к Николаевской эпохе. Вы начинаете просматривать *русский* (я очень подчеркиваю это слово) журнал по мануфактуре и промышленности, например, за какой нибудь 30-ый, 40-й или 50-ый год XIX века. И вы получаете иногда вполне исчерпывающие сведения о промышленности Англии, Германии, Франции: вы читаете, как развилась та или другая отрасль, какие законодательные меры предпринимались, ка-

кое количество стачек, несчастных случаев и т. д. и т. д.—но «о русской промышленности» вы найдете «ведомость добытого золота на Урале», «список привилегий, выданных и уничтоженных», да иногда заметку в несколько строк, описывающую какое-нибудь похвальное деяние отечественного производителя. Это полное отсутствие известий с мест—очевидно, они не пропускались цензурою—прямо поражает. «Журнал Торговли и Мануфактуры» является таким образом чуть ли не сплошным переводом. Архивы самих заводов едва ли сохранились, а если и сохранились, то к разработке их приступить едва ли окажется возможным скоро, и потому, чтобы получить хоть какой-нибудь материал, приходилось бесконечно много пересматривать печатных известий. Указателей, пособий тоже почти не имелось, и я, приступая к этой работе' пересмотрел весь карточный каталог Публичной Библиотеки—несколько миллионов карточек—и выписал на свои карточки все книги, имеющие то или иное отношение к Петербургу. И составив такой свой каталог, систематизировав его, я увидал, что материал все-таки есть и что его надо хоть немного изучать и главное обнародовать, чтобы таким образом спасти будущих исследователей от утомительной черновой предварительной работы. Все ссылки на материал у меня приводятся в примечаниях. Затем, должен указать, что производства мною разбиты по следующей схеме:

Класс I—обработка волокнистых веществ.
Класс II—обработка дерева.
Класс III—обработка химических веществ.
Класс IV—обработка сала, жира, костей.
Класс V—обработка кожи.
Класс VI—обработка строительных материалов.
Класс VII—обработка металлов.
Класс VIII—обработка питательных веществ.
Класс IX—обработка табака.
Класс X—различные мелкие производства, не вошедшие в вышеуказанные группы.

Вследствие отмеченных выше причин (малый размер издания, неверные статистические данные, недостаток материала и т. д.), я не мог выдержать единый план изложения или хроно-

логический, или по производствам и иногда от первого изложения переходил ко второму и обратно.

Недостатков в моей работе масса, я их знаю и вижу, пожалуй, лучше, чем самый строгий критик, но смягчающее обстоятельство заключается в том, что это первая попытка, попытка, сделанная частным лицом его же частными средствами.

II.

Затем, считаю нужным выставить ряд положений, часть коих общепризнана, а часть хотя и оспаривается, но необходима мне, так как на эти положения я опираюсь в дальнейшем. Эти положения следующие:

1) Река Нева являлась с незапамятных времен началом того водного пути, которым торговля шла с древности «из Варяг в Греки», т. е. с севера на юг. Этот водный путь, конечно, предполагал устройство большого коммерческого порта, и этому порту было более чем естественно сорганизоваться при начале этого водного пути, при устье Невы.

2) Устройство Петропавловской крепости было вызвано вовсе не желанием перенести столицу из Москвы на берега Невы, а исключительно стратегическими целями: запереть вход в Неву для шведского флота, крейсировавшего в Финском заливе.

3) Эта крепость, принимая во внимание первое только что высказанное положение, должна была мало-по-малу превратиться в торговый порт, взяв на себя ту роль в русской торговле, которую здесь же в течение многих лет выполнял Новгород.

4) В виду личных желаний Петра эта крепость и возникающий порт должны были стать и столицею, и административным центром.

Если создание крепости и порта было вызвано действительными, реальными причинами, то образование столицы и административного центра было более чем искусственно. Положение столицы на окраине государства, конечно, затрудняло сношения с большинством мест государства, особенно с перифериями. Затем близость от столицы границы государства ставила столицу под постоянную угрозу неприятельского нападения. Эти причины, конечно, не могли содействовать естествен-

ному логическому развитию экономической жизни нового возникающего центра. Это развитие, как и самое возникновение, было искусственно и должно было поддерживаться искусственными, административными мерами.

5) И петербургская промышленность, и петербургская промышленная жизнь носят на себе явственные следы этого оранжерейного, вызывавшего большие заботы и ухаживания растения, растения, которое нуждалось в постоянных поддержках, покровительствах.

6) В первый период существования Петербурга промышленность в нем возникала исключительно по инициативе и для нужд правительства, возникали только те отрасли промышленности, в которых нуждался в ту или иную минуту возникающий центр; и эта промышленность устраивалась средствами государства, которое с течением времени стало призывать частную инициативу и скоро пыталось взять управление этими отраслями промышленности в свои руки.

7) Дальнейшее развитие промышленной жизни шло параллельно с развитием административного центра; царствование первых императриц связано с появлением тех отраслей промышленности, которые нужны были для процветания столицы и удовлетворения желаний, вкусов двора и приближенных ко двору, и весь XVIII век для Петербурга характерен именно появлением особых родов галантерейной промышленности; при этом мы заметим, что инициатива в этом случае принадлежала правительству, крупным царедворцам и искавшим у нас счастья иностранцам, конечно, с получением субсидий.

8) Для возникновения настоящей естественной промышленности у Петербурга не было данных, не было материала для промышленности, не было рабочих рук, и Петербург был далек от рынка потребления, но покровительственная система и административный центр оказывались настолько притягательными и действительными, что стали возникать разнообразные отрасли, стал развиваться и промышленный центр.

9) В Петербурге, конечно, не было завода, а стала возникать фабрика. В этом случае мы пользуемся терминологией Лошкова, поясняющего, что «промышленность обрабатывающая представляется в двух или даже в трех формах и видах, а

именно: в виде полной, ручной обработки, в виде завода и в виде фабрики или мануфактуры, действующих посредством машин». Прежде всего уясним различие между заводом, известным в России с давних времен, и фабрикою, появляющеюся в ней с Петра. Завод и фабрика имеют между собою то общее, что отличает их от ремесла, а именно: машины, приводимые в движение преимущественно силами стихий,—воздуха, воды, паров и т. п. Различаются же завод и фабрика не только названием, но частью существом, потому что завод предполагает материал для обработки отечественный, даже местный, по отношению к заводу, а фабрика ищет и берет свой материал отовсюду и преимущественно на первых порах своего появления в стране из-за границы. Так, руды и металлы в Нерчинске, Олонце, Туле дают основание для заводов чугунных, литейных, ружейных, соль в озерах, фарфоровая и простая глина известной местности вызывают заводы солеваренные, фарфоровых изделий, кирпичные, тогда как ячмень, рожь, свекловица служат материалом и поводом к действию, вблизи их добывания, заводов пивоваренных, винокуренных, свеклосахарных и т. д. Напротив, материал для фабрик шелковых, бумажных, даже первоначально суконных, а особенно парчевых должно было России приобретать за границею, вывозить из-за границы, размещая производство или фабрики в местах более удобных для торговли заграничной, напр., в столицах, в Петербурге и в Москве. Отсюда вытекали новые точки различия между заводом и фабрикою, потому что как хозяева, так и рабочие на заводе не походят на хозяев и рабочих, занятых на фабрике, равно как там и здесь требуются и разные капиталы, и разные сведения.

Соседние с заводом крестьяне составляют среду, из которой набираются заводские рабочие, с детства привыкающие обращаться с предметом обработки и даже с работами на заводах и охотно посвящающие этим работам все долгое время, остающееся у них после полевых трудов. С другой же стороны хозяевами заводов обыкновенно бывали местные землевладельцы, казенные управления или вотчинники и помещики, которые не могли слишком стеснять положение своих рабочих-крестьян, зависевших, конечно, от платы за работу на заводе, но не вполне и не всецело опираясь на свое крестьянское хозяйство. Отноше-

ния между такими хозяевами и рабочими должны были определяться договорами, взаимными соглашениями, условиями и судом.

Совершенно другой образ представляли введенные Петром фабрики или мануфактуры, для которых материал выписывался из-за границы, местоположение устанавливалось произвольное, рабочие должны были набираться по всей России или со всей России, сходясь отовсюду на фабрике и скучиваясь тут, без всякой связи между собою, вдали от своей земли, своего села и своей семьи и без всякой другой поддержки в других промыслах, так что они уже вполне и всецело зависели от хозяина, капиталиста, не имевшего с ними ничего общего. Понятно, что этими рабочими неохотно становились наши крестьяне, а ставши ими, неохотно повиновались таким хозяевам. И должно было для фабрики создать особый класс крестьян и крепостных, на поссессионном и на крепостном праве, а не на взаимном договоре. Прибавим, наконец, что для действия первых наших фабрик у нас не было ни столько и таких познаний, сколько было нужно, ни столько и таких свободных капиталов, сколько требовалось, и пришлось вместе с материалом выписывать и вызывать из-за границы самих фабрикантов, разумеется обещая и законом обеспечивая им возможные льготы, преимущества, исключительные привилегии, монополии, особенно же право собственности на рабочих.

10) Начавшись с государственной промышленности, удовлетворившей первоначальные нужды, позже ставши придворной и дворянской, заботившейся о нуждах дворца и двора, промышленность впоследствии, конечно, должна была зависеть от общего положения страны. Влияние торгового и промышленного капитала начинает проявляться ярко с 30-х годов прошлого столетия, так же, как перед последней войной, особенно проявился в петербургской промышленности финансовый капитал. Эти обстоятельства отражались на частностях петербургской промышленности.

11) Характер и особенности петербургской промышленности особенно интересно выразились в территориальном распределении фабрик; здесь мы встретимся с такими особенностями, которые присущи только Петербургу.

12) Наше исследование охватывает 210 лет, или вернее, 202 года. Официально год основания Петербурга 1703, но город и столица появились только после 1712 года, когда у шведов был взят Выборг и когда Петр заявил, что «положена крепкая подушка для Петербурга»; с этого времени и можно считать историю города. Предельный год нашей работы 1914, до об'явления войны, так как после об'явления войны промышленность вполне видоизменила своей характер, стала служить исключительно для целей войны.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Кирпичное производство. — Монополизация его государством.—Переход в частные руки.—Вторичное появление «казенных» заводов.—Описание частного кирпичного завода.—Невские кирпичные заводы.—Цены обжига кирпича.—Продажные цены 1000 кирпичей.—Контроль над кирпичным производством.—Изготовление черепицы. — Характерные особенности производства строительных материалов в XVIII веке.—Строительные заводы в Петербурге в 1909 году.

Строение Петербурга, при его основании, было поголовным налогом, а жизнь в новой столице приравнивалась к государственной службе: обязанные селиться в столице не могли даже отлучаться из нее на долгое время, и нередки бывали случаи, что в Петербург доставлялись в кандалах те, которым назначено было жить и которые добровольно не приезжали в назначенный срок [1]).

Весьма понятно, что параллельно с привлечением населения в столицу правительству приходилось думать и о том, как бы обеспечить население этой новой возникающей столицы помещением, и так как Петр хотел, чтобы его Петербург коренным образом отличался от Москвы, а последняя по постройкам была деревянная, то Петербург должен был стать городом каменным и, следовательно, население обязано было строить каменные постройки. Отсюда естественно, что вместе с зарождением Петербурга в нем самом или около него должна была зародиться та промышленность, которая бы доставляла материал для постройки, т. е. кирпичная, черепичная, жжение извести, каменотесная и т. п. И Вебер, голландский резидент, в своих записках [2]) говорит: «множество кирпичных заводов доставляют кровельную черепицу и обожженный кирпич для петер-

---

[1]) Ссылки помещены в конце книги.

бургских построек, хотя материалы эти и оказываются еще не довольно прочные, а так как, кроме того, известка там не хороша или же изготовляется и потребляется в дело зимою (постройки в Петербурге продолжаются беспрерывно круглый год), то неудивительно, что возведенные дома и дворцы в два или три года требуют поправки».

Кирпичные заводы стали устраиваться вверх по течению Невы. Первое время эти заводы находились в казенном ведомстве, в ведомстве так называемой «каменной канцелярии». Но 9 октября 1713 года появился сенатский указ, гласивший: «Кирпичные заводы, которые строены из канцелярии каменных дел, продать охочим людям для того, что по именному его величества государя указу велено кирпичи делать и продавать всяких чинов людям по вольною ценою, как и прежде сего, а из казны продажи не быть; также и глину на откуп не отдавать и те доходы, по чему собирались, из окладу выложить, и кто те заводы похочет купить и те б явились в канцелярию правительствующего сената и о том по городским воротам поставить листы, а из каменной канцелярии во что те заводы стали и что из них кирпича было сделано и за тем, на ком, что в доимке, о том в канцелярию правительствующего сената из той канцелярии взять ведение со всяким подлинным известием» [3]).

Таким образом из этого указа видно, что в первые годы основания Петербурга кирпичные заводы устраивались частными лицами — «как и прежде сего», затем производство кирпича было монополизировано, но, очевидно, неудачно, и было решено вернуться к частной промышленности, продав устроенные казною заводы.

В этом указе есть любопытная бытовая подробность — «и о том по городским воротам поставить листы»—указы и извещения прибивались у городских ворот. Надо думать, что «городские ворота» здесь употреблены по московской привычке; в Петербурге «городских ворот» в истинном смысле этого слова, а особенно в 1713 году, когда весь город помещался на Петербургском острове, не существовало, и извещения обыкновенно расклеивались у почтового дома, у Троицкой пристани, на Сытном рынке, словом там, где было наибольшее стечение народа; в Москве же, с ее Кремлем, указы действительно прибивались

к воротам, и сенаторы правительствующего сената внесли в указ невыполнимое для Петербурга требование.

О деятельности первоначальных кирпичных заводов, состоявших в ведении «каменной канцелярии», у нас сохранилось очень мало данных. Мы можем лишь указать, что в 1705 году для Адмиралтейства было изготовлено 75.780, в 1706 году—58.700, и, наконец, в 1707 году—54.000 кирпичей [4]). Можно, конечно, почти без сомнения утверждать, что казенные заводы функционировали неважно: на это указывают и записки Вебера, нами выше цитированные, и только что приведенный указ Петра о ликвидации казенных заводов. Однако и частные заводы, которые должны были возникнуть вместо казенных, не оправдали надежд. 15 июня 1715 года Чернышев жалуется в письме графу Апраксину: «строение адмиралтейское за неприсылкою кирпича остановилось, послали мы от себя работников на своих судах» [5]).

Надо думать, что невозможность помощью частных заводов удовлетворить все время растущий спрос на кирпич как для казенных, так и для частных построек и вызвала новый царский указ от 7 мая 1715 года [6]): «По именному царского величества указу кирпичные заводы вверх по Неве у Черной речки (т. е. около Александро-Невского монастыря), которые строил Федор Соловьев, приписать к санкт-петербургскому адмиралтейству и ведать в адмиралтействе под канцелярией». Таким образом Петр Великий не отменил своего распоряжения от 1713 г., но, разрешая частным лицам строить кирпичные заводы и производить продажу кирпича «по вольной цене», стал устраивать и казенные. Этот принцип господствовал весь XVIII век, при чем каждое мало-мальски значительное казенное учреждение, производившее для себя постройки, старалось устроить свой кирпичный завод. Напр., в 1742 году мы читаем такое извещение: «В ведомстве фортификационной конторы надлежит восстановить кирпичные заводы, чтоб можно было кирпичи делать, також оные в других местах размножать, того ради, ежели кто оную работу своими мастеровыми и работными людьми из своего кошту или из казенного исправить желают, те б для договору о цене в фортификационной конторе немедленно явились» [7]). В 1763 году канцелярия лейб-гвардии Преображенского полка в свою очередь публиковала [8]): «желающие на полковой кирпич-

ной даче, состоящей вверх по Неве реке в 36 верстах, делать в Преображенской полк кирпичи, явились бы в канцелярию того полка». А количество кирпича, потребное для полка, было, особенно по тому времени, не маленькое: в 1766 году требовалось поставить до 1 миллиона [9]). Наконец, в июне 1809 года настоятель Волковского кладбища отец Воцкий, думая о постройке обширного каменного храма на кладбище, просил разрешения [10]) устроить временный кирпичный завод для выделки кирпича из вынимаемой при копании канав на кладбище глины, но это устройство временного завода консистория нашла почему-то неудобным и не дала просимого разрешения.

Устройство чуть ли не каждым казенным ведомством своего кирпичного завода безусловно стесняло частную инициативу; главные каменные постройки производились всетаки казною; обыватель, несмотря на неоднократные запрещения, спокойно строил деревянные хибарки и не на окраинах столицы, а в самых центральных местах. Таким образом, главный потребитель кирпича устраивал свои заводы, конкурировать с ним частному заводчику было тяжело, и больших частных кирпичных заводов, особенно за первую половину XVIII века мы не встречаем. Вот одно из немногочисленных описаний частного кирпичного завода, разысканное нами; оно относится к 1769 году [11]): «На Выборгской стороне, на 10-й версте, по берегу реки Невы, желающим купить мызу с хоромным строением, службами, огородом и прудом; при оной мызе кирпичные заводы, где 7 шатров, 14 печей обжигательных, сарай, 3 избы артельных, бани, кирпича обожженного 300.000, дров трехполенных 300 сажень, да противоных заводов, по сю сторону Невы, двор с хоромным строением и службами».—Владельцем этого завода был петербургский купец Петр Гнеушев, туз купечества былого времени; кирпичный завод был им устроен между прочим и не служил для него главным источником доходов. Петр Гнеушев не представлял собою какого-либо исключения: попутно, не надеясь на значительные доходы, устраивали кирпичные заводы и другие богатеи купеческого мира того времени. Так, в 1770 году «по Неве реке за Смоленскою Ямскою слободою был завод купца Чиркина»[12]).

Наиболее значительным по размеру и долее других просуществовавшим был завод некоего Василия Перфильева, который

был мастером на каком-то казенном заводе, а потом открыл и свой собственный, действовавший чуть ли не всю вторую половину XVIII века: мы нашли сведения об этом заводе и в 1768 г., и в 1785 году. Завод помещался «по Неве реке, близ церкви Спаса Преображения», т. е. около фарфорового завода. На этом заводе желающие могли «купить кирпича разных видов, черепицы прямой до несколько тысяч, плит тосенской отборной и бутовой до несколько сотен», и покупка эта производилась на выгодных условиях» [13]). Затем немало частных заводов было в слободе Рыбной: в 1780 году зарегистрировано в ней 7 кирпичных заводов, а именно: петербургских купцов: 1) Максима Щукина, 2) Фомы Косцова, 3) Дениса Брюхова; крестьян: 4) Алексея Костромина, 5) Ивана Костромского, 6) Дмитрия Семьянова и 7) крестьянской вдовы Мавры Брюховой [14]). Со средины 90-х годов XVIII века мы встречаем указания и на кирпичные заводы немецкой колонии Саратовки, а именно в 1795 году, «в селении Саратовке отдавались на откуп два по берегу реки Невы находящиеся кирпичные заводы» [15]). Из владельцев не купцов и не крестьян укажем, что «на кирпичных генерал-майора Бороздина заводах имеются в готовности кирпича до 800.000, желающие оной купить или ныне на предбудующее лето для строения подрядить могут обратиться в контору завода» [16]).

Заключим наши отрывочные сведения о частных кирпичных заводах оригинальным об'явлением, которое поместил в 1792 году какой-то частный заводчик или, как он себя называл, «обжигало» Иван Тиханов: «Если кому потребен для прочного будущим летом строения нынешним летом деланной первых трех видов лучший и крупный кирпич, тот благоволит оный осмотреть находящийся за Невским монастырем у 7-ой версте заводе и о цене условиться с обжигалою Иваном Тихановым. На лицо состоит оного кирпича около 700 тысяч, будущим летом можно его поставить целый миллион. Величина его аппробована судовщиками, которые обыкновенного, других заводов, кирпича по 38 тысяч возят, оного же не могли более 27 тысяч накладывать». Таким образом самое главное достоинство этого кирпича—его величина.

Обращаемся теперь к казенным кирпичным заводам и, главным образом, к известным под названием «невских заводов»,

т. е. расположенных около Александро-Невского монастыря. Эти заводы были устроены, как мы и указывали выше, Федором Соловьевым: на них производилась выработка кирпича для главных казенных построек и для частной продажи; наконец, администрация этого завода, как будет видно ниже, была снабжена особенными правами надзора за частными заводами. Конечно, à priori можно предположить, что этот завод представлял не коммерческое учреждение, а что-то в роде особой кирпичной канцелярии, особенно в первые годы своего существования.

В 1723 году на Литейной стороне, на нынешней Французской набережной, строились постоялые дворы, для которых нужно было класть печи. И сочиняется в петербургской гарнизонной канцелярии указ в канцелярию над строением. «По его императорского величества указу и по присланному ордеру за подписанием светлейшего римского и российского государств князя и герцога ижерского его императорского величества верховного тайного действительного советника генерала фелтмаршала, кавалера, генерал-губернатора, санкт-петербургского, военной коллегии Александра Даниловича Меньшикова: строится при Санкт-Питербурхе на Московской стороне к прежним вдобавок еще постоялые домы да две бани; для кладки печей надобно зженаго доброго кирпича двадцать две тысячи. И об отпуске оного числа кирпича по приеме за них по цене почему на заводах становяцъ денег канцелярия над строением заблаговолить учинить по его императорского величества указу [18])».

Итак, чтобы получить всего 22 тысячи кирпича, т. е. произвести расход не более сорока рублей (по цене того времени) потребовался указ самого Петра и ордер «светлейшаго римского и российскаго государства князя Меньшикова». Конечно, с течением времени порядок сношения несколько облегчился: то или иное учреждение посылало запрос уже не в канцелярию от строений, но прямо в контору кирпичных заводов; затем, требование на кирпич исходило или от начальствующего над учреждением, или даже от архитектора, но все же «бумажное производство» слишком стесняло деятельность кирпичных заводов. Особенно тяжела была уплата денег по ассигновкам по получении кирпича: учреждения платили туго, оставаясь по многу лет должниками кирпичного завода, поэтому

последний всегда был стеснен в оборотных средствах и, следовательно, не мог расширять своей деятельности. Но должниками кирпичных заводов были не только правительственные учреждения, но и те частные лица, которые или имели непосредственное отношение к администрации кирпичного завода, или могли влиять на нее при помощи каких либо-связей. Вот один из характерных примеров. В 1792 году контора кирпичных заводов об'являет, что «умерший коллежский советник и государственной юстиц-коллегии лифляндских, финляндских и эстляндских дел член Николай Федоров сын Алфимов состоял оной конторе за учиненною от него уплатою должным некоторою суммою: то в рассуждении долговременной незаплаты оных в письме от имени оставшихся его наследников и сына его Николая Николаевича сына Алфимова на недвижимое имение крепостей закладных и других крепостных сделок запрещается до того времени, доколе означенные должные деньги в заводскую контору заплачены будут[19])». — Заводская контора ждала 17 лет и дождалась, наконец, смерти должника. Это был вовсе не единичный случай.

Процедура ведения дела на невских казенных кирпичных заводах была такова. Каждую осень канцелярия завода помещала об'явление в «С.-Петербургских Ведомостях», подобное следующему: «На ново-невские кирпичные и черепичные заводы для дел кирпича и черепицы к предбудущему 1744 году потребно мастеровых людей до 500 человек, того ради желающие оное число мастеровых поставить явятся на заводы» [20]). Несмотря на заблаговременный вызов людей, невские заводы терпели большое затруднение [21]): «Хотя из дальних мест на невские кирпичные и черепичные заводы и подряжено до 600 человек ко делу и обжогу нынешним (1756 года) летом одного ординарного до 10 миллионов, а разных нумеров и сортов знатного числа, кроме черепицы гончарного дела, однако уповательно, что они к означенному сего 1756 года маию 1 числа не будут, как они прежде делали, хотя им при выдаче на задаток денег и наикрепко подтверждаемо было: чего ради желающим делать оный кирпич явиться в конторе тех заводов немедленно». — Какою патриархальностью веет от этого извещения и как хорошо выражалась контора невских заводов: «однако уповательно, что они

не будут!»—Контора со своей стороны сделала все, что могла: «наикрепко подтверждала при выдаче задатков», но наученная горьким опытом, она решалась нанять временных рабочих до «прихода из дальних мест законтрактованных».

После найма рабочих контора извещала [22]), что «на дело кирпича и черепиц потребно выкопать глины несколько сот куб и ежели кто из охочих людей для валки той глины желает подрядиться посаженно, может явиться в контору». — За этим вызовом делался новый—приглашение кирпичеобжигателей для выяснения цены, за которую они подрядятся выжечь 1000 кирпичей. По обыкновению того времени торги назначались несколько раз. Появлялся желающий, заявлял свою цену, и контора тотчас «припечатывала» в С.-Петербургских Ведомостях, что желающие жечь кирпич спрашивают столько-то и столько-то, и буде имеются те, которые возьмут меньше, приходили бы на завод. Понятно, что такой порядок торгов был слишком медлителен: отсюда происходила заминка и в обжоге, и в доставке кирпича на место строения, что вызывало, конечно, удлинение срока строения. И нередко от этого происходили следующие курьезы — построенное здание сдавалось учреждению, которое вместо того, чтобы переселиться в это новое здание, должно было раньше приступать к ремонту.

Нам удалось найти следующие цены за обжиг кирпича:

В 1756	году	1 р. 24 к.
» 1769	»	1 р. 33 к. и 1 р. 37 к.
» 1772	»	1 р. 50 к.
» 1775	»	1 р. 44 к. [23])

Считаем нужным подчеркнуть, что приведенные цены только на первый взгляд поражают своею незначительностью: нельзя забывать, что в XVIII веке деньги были на много дороже современных. Цены на кирпич росли гораздо быстрее и значительнее цен на обжиг его. Нам удалось составить нижеследующую таблицу цен за 1000 кирпичей [24]):

В 1741	. . . . .	2 р.
» 1747	. . . . .	3 р. 40 к.
» 1749	. . . . .	2 р. 25 к.—2 р. 50 к.
» 1756	. . . . .	2 р. 30 к.
» 1761	. . . . .	3 р. 80 к.

в 1764	1 р. 85 к.
» 1767	3 р. 40 к.
» 1770	1 р. 81 к.—2 р. 70 к.
» 1775	2 р. 65 к.—3 р. 40 к.
» 1779	5 р. 70 к.
» 1782	4 р. 98 к.
» 1784	6 р. — к.

Таким образом, за промежуток времени в 40 лет (с 1741 по 1784 год) цена на кирпич увеличилась втрое: с 2 рублей (1741 г.) до 6 р. (1784 г.). Резкое падение цен в 1764 году (1 р. 85 к.) об'ясняется тем обстоятельством, что к 1762 году закончилась постройка в Петербурге Зимнего дворца, спрос на кирпич упал. Но с восшествием на престол Екатерины II очень скоро началась ее усиленная строительная деятельность, и уже в 1767 году тысяча кирпича стоила 3 р. 40 к., и цена продолжала расти, увеличившись до 6 рублей.

Такие же цены существовали и на частных заводах, с которыми невские казенные заводы вступали в конкуренцию. Так в 1749 году [25]), в разгар строительного сезона, 2 июня, контора завода поместила такое извещение: «на невских кирпичных и черепичных заводах продается кирпич казенный, добротою лучше делаемого от партикулярных заводчиков, ценою на месте по 2 р. 50 к». Извещение, как видим, лаконическое, указывается только, что «казенный кирпич» добротою лучше партикулярного. Но в 1792 году эта же контора составляет об'явление по всем правилам самого записного торговца: [26]) «Контора невских кирпичных и черепичных заводов об'являет, что по ведомству ее делаются и за удовольствием (т. е. удовлетворением) дворцовых строений и в посторонние места в продажу отпускаются материалы: 1-ое кирпич ординарный, всех пяти видов, хорошей доброты, а мерою длины англинского фута 11 дюймов, ширины 5½, толщины без четверти 3 дюйма, делаемой с песком, а потому при кладке его и извести выходит не более 3 бочек на каждую 1000, какового на партикулярных заводах нет; 2-е—черепица желобоватая с шипами, полужелезная, красного и алого видов, к покрышке строений прочная и не токмо продающейся на бирже не хуже, но иной еще и лучше; 3-е—плита тосенская, как отборная и в теску годная, так и бутовая, из которой большая часть лучшей доброты; 4-ое—вы-

жигаемая из оной известь. Ежели кому в оных для строения в будущем сего года лете надобность настоять будет, чтоб о потребном количестве, сколько чего кому надобно, об'являли заблаговременно заводской конторе и не далее будущего февраля месяца, дабы она, предвидя количество требуемых к отпуску материалов, как для заготовления оных, так особливо к найму для дела работных людей с разменнаго числа приступить могла» Как видим, контора невских заводов не стесняется восхвалением своих изделий,—они лучше не только и местных, но, как, например, черепица лучше заграничной (на бирже продавалась черепица заграничная).

Контора невских заводов не только стремилась конкурировать с партикулярными заводами, но и должна была контролировать эти заводы. Вот ряд данных, показывающих, в чем заключался этот контроль,

Первое указание на контроль мы нашли в 1756 году [27]): «сим об'является, чтоб промышленники кирпичного дела из невываленной в осени глины на своих заводах кирпича не делали и без свидетельства конторы тех заводов оного не продавали под опасением штрафа и конфискации того кирпича, также и обыватели не свидетельствованного не покупали для избежания сих обывателей о худом качестве кирпича нареканий». Через десять лет—в 1766 году [28])—повторилось это указание на контроль в несколько иной, изменившейся с течением времени форме: «Через сие об'является, ежели в какое-либо казенное место или партикулярное строение у партикулярных кирпичных промышленников кирпич брать договоренной будут, тоб прежде поставки оной, чрез кого следует, в доброте свидетельствовать на тех заводах и по осмотре, ежели не годен явится, не брать, а об'являть о том конторе невских кирпичных черепичных заводов, дабы ежели без такового свидетельства принимать и в числе оного негодной явится в строении употребляться будет, на той конторе взыскивано не было».—В 1756 году кирпичные промышленники карались штрафом и конфискацией плохого кирпича; об этих карах нет указаний в последнем распоряжении, которое заботится об обывателе, чтоб он не строился из плохого кирпича, и о добром имени конторы кирпичных заводов, что она разрешает, будто бы, делать плохой кирпич. Наказа-

нием для заводчика служило лишь то, что заказчик мог отказаться от заказа, выполненного нехорошо. В следующем 1767 году предупреждение было повторено с некоторым видоизменением [29]): «Через сие об'является, что ежели в какое присутственное или партикулярное место к строениям кирпич подрядом или покупкою бран будет, то прием оному чинили против зделанных, по данным тех заводов промышленников формам пробных кирпичей, которые требовать от них же, дабы оные промышленники, зная таковые за ними свидетельства против тех проб кирпича хуже делать не отваживались».—Облегчилась самая форма свидетельства; не нужно было ездить в контору невских заводов, просить или требовать тех, чрез кого надлежит производить осмотр—достаточно было взять у торговца «пробный», так сказать, образцовый кирпич и сравнить с ним предлагаемую к покупке партию.

Мы нашли некоторые данные, по которым можно заключить, что делались также попытки урегулировать производство различных сортов кирпича. Так, в 1759 году при невских кирпичных и черепичных заводах по указам канцелярии от строений велено партикулярным кирпичного дела промышленникам делать и продавать с заводов кирпича железистого с полужелезистым, да красного по $^1/_2$, а белого не более $^1/_5$ части [30]).

Кроме наблюдения за качеством кирпича, существовал надзор за ценою. Нельзя забывать, что в Петербурге были страшные пожары в 1736 и 1737 годах, когда погорела значительная часть Адмиралтейского Острова, и пожар 1772 года, когда та же участь постигла Васильевский Остров. После таких пожаров, конечно, начиналась усиленная строительная деятельность, и кирпичные промышленники были рады повысить цену. С одной стороны, такому повышению цен препятствовали казенные заводы,—они усиливали свою деятельность, не повышая черезчур цены, и аппетиты кирпичных промышленников, естественно, уменьшались. Но, кроме того, принимались и особые меры: так, 9 августа 1737 года был издан сенатский указ о запрещении под смертною казнью возвышать цены на лесные, кирпичные и прочие материалы.

Помимо пожаров, промышленники хотели использовать в целях наживы усиленные дворцовые постройки, особенно тот

момент, когда Елизавета Петровна велела гениальному Растрелли строить Зимний Дворец. Однако, и в этом случае надежды промышленников не оправдались. Прежде всего специальною мерою [32])—нарядом разночинцев, живших в Шлиссельбурге и его уезде, для делания кирпича к строению Зимнего Дворца правительство значительно увеличило контингент рабочих своих заводов, а затем прибегло к широкому оповещению обывателя, что дело обстоит не так, как стараются убедить обывателя заводчики. 17 января 1737 года петербургский обыватель мог прочесть следующее извещение [33]): «Из канцелярии от строений сим об'является, что партикулярным кирпичного дела промышленникам в деле и поставке кирпича на партикулярные строения от помянутой канцелярии запрещения нет и в нынешнем году к строению Зимнего ее императорского величества дому от них, промышленников, кирпича взято не будет, и дабы они на канцелярию от строений напрасных оговорок в том не имели и цены не возвышали, то от конторы невских кирпичных заводов велено об'явить о том им с подписками». Заводчики подписки, конечно, дали, но не унимались, и канцелярия от строений в том же году помещает второе раз'яснение [34]): «Сим об'является, что у кирпичных промышленников кирпича в нынешнее лето должно быть более 15 миллионов, из которого на строение Зимнего ее императорского величества дому взято будет в три месяца сего года только 4 миллиона с безобидною ценою, а судов для возки оного с такою же безобидною платою две доли, а достальной кирпич и с третью долею судов велено ставить им по договорам своим и прочим казенным строениям и на продажу». В этом последнем извещении небезинтересно указание на общую производительность петербургских заводов в 1757 году—она равнялась 15 миллионам кирпичей.

Приведем еще ряд данных, характеризующих другие отрасли промышленности, изготовлявшей строительные материалы. Здесь интересные данные выясняются при рассмотрении производства черепицы. 5-м пунктом указа 2 апреля 1718 года [35]) приказывалось крыть кровли черепицею. Но для того, чтобы крыть кровли черепицею, необходимо иметь последнюю, и на графа Апраксина возлагается еще новая обязанность: «иметь под своим ведением черепичный завод» [36]). Но специально заведенный

завод работал плохо, на частных заводах также неохотно выделывали черепицу — «а черепичные и кирпичные промышленники подписками показали, что у них той черепицы готовой тысяч с тритцать»—общая потребность черепицы по подсчету комиссии от строения выразилась в 622.500 штук [37])—поэтому в 1736—1737 году хотели «учредить особливый завод [38])», на котором «оная как возможно делана была крепкая и легкая и добротою во всем против голландской сходная и не дороже голландской становилась». Комиссия от строений отклонила от себя устройство особого завода, а предложила живущим в Петербурге голландцам заняться выделкою черепицы «красной выгибной, а не плоской, понеже оная для удержания течи удобнее будет, а муравленную делать только по заказу». А чтобы голландцы могли начать выработку черепицы, им предполагалось оказать пособие в размере 1.000 рублей каждому, при чем в счет этого пособия у них должна была браться черепица. Но и эта попытка потерпела фиаско: голландцы ссуду получили, она стала числиться «в доимках», т. е. в недоимках, а Петербург попрежнему потреблял черепицу, выписываемую из-за границы.

Рассматривая вопрос об извести, ее выработке и доставке в Петербург, мы видим, что в этом вопросе был назначен со всего государства сбор деньгами. В 1710 году велено было собрать 40 т. рублей, в 1712 году губернии дали еще 20 т. р., затем дело извести поручили частным промышленникам, которым по всей вероятности отдали устроенные первоначально государством обжигательные известковые печи.

Таким образом ясно выявляются особенности этой отрасли промышленности за XVIII век:

1) Правительство брало на себя инициативу по устройству завода, устраивало его на свой счет и затем сдавало его в аренду частным предпринимателям.

2) Устраиваемый и содержимый правительством завод должен был исполнять несколько функций:

а) удовлетворять нужды и запросы не только казенных учреждений, но и частных лиц;

б) быть образцом и руководителем для частных предпринимателей по технической части;

в) иметь контроль над частными промышленниками, регулировать цены и количество и тем самым защищать обывателя от предпринимательского гнета.

3) Затем правительство оказывало ссуду частным предпринимателям, для того, чтобы поощрить их инициативу и побудить их к созданию той или иной отрасли промышленности, которая в данный момент имела общегосударственное значение

4. Поощряя частную промышленность, государство, устраивая свои казенные промышленные учреждения, тем самым образовывало опасного для частной промышленности конкурента; таким образом одними законодательными мерами правительство само же парализовало, уничтожало другие такие же законодательные меры.

Это мы могли видеть, рассматривая строительную промышленность, это мы заметим и при рассмотрении других начинаний и Петра I, и вообще всего XVIII века.

Что же касается в частности развития строительной промышленности, то мы наблюдаем следующее обстоятельство: кирпичные заводы первое время устраивались по Шлиссельбургскому тракту, здесь были сосредоточены целые кирпичные слободки; с течением времени цена на землю в этой местности росла, содержать кирпичный завод стало невыгодно, и кирпичный завод, бывший на окраине города, мало-по-малу начинает удаляться от города, он или превращается в более специальное строительное производство—гончарное, керамику, изразец, цемент (глухо-озерский цемент под Петербургом) или же просто земля продается и на ней устраивается более выгодное промышленное учреждение. Например, в 1909 году в Петербурге мы не находим ни одного кирпичного завода, и вся деятельность Петербурга в этой строительной отрасли выражается:

5	алебастровых	заводов	с	92	лош. сил.	173	рабоч. 249	т. р. оборотом
4	гончарных	„	„	17	„ „	101	„ 83	„
3	цементно-бетонных	„	„	34	„ „	67	„ 79	„
2	асбестовых	завода	„	54	„ „	138	„ 322	„

В приводимых нами данных очень характерно возникновение в Петербурге асбестового производства — асбестовая руда находится, главным образом, в Оренбургской губернии, но оказывается выгоднее производство сосредоточить далеко от места нахождения.

II.

Варение пива при Петре. — Устройство казенных пивоварен.—Ввозное в Петербург пиво: шведское, английское.— Местное пивоварение. — Громадное количество пивоварен в Петербурге. — Завод Крона и Даниельсона. — Калинкинский завод.—Его состояние в 1896 году.—Даты открытия петербургских пивоварен. — Производительность пивных заводов Петербурга.

Вторая группа промышленных производств возникла в только что нарождавшемся Петербурге: 13 ноября 1718 года [39]) появился собственноручный указ — сделать пивоварню на Выборгской стороне, каменную для варения пива на флот, также погребов деревянных на 6000 бочек. Постройка пивоварни считалась делом большой важности, как это вполне ясно из последующего распоряжения [40]): «о строении каменной пивоварни, которую велено построить при Петербурге для варения пива на флот, дать торг архитекторам Фонармусу и Устинову с другими архитекторами с Дрезгиным (т. е. Трезини) и Матерном (т. е. Матернови)». «Дать торг» — надо понимать по современному—«об'явить конкурс». Таким образом, все главные петербургские архитектора приглашались к этой постройке и на этом, одном из первых в Петербурге, архитектурном конкурсе победил Фонармус—11 марта 1719 года появился «именной указ о постройке в Петербурге пивоварни по голландскому манеру архитектором Фонармусом» [41]). 2 апреля того же года последовало дальнейшее раз'яснение [42]): «для варения пива во флот голландским манером, построить каменную солодовню в линию с каменною пивоварнею, которая построена на Выборгской стороне, да по сторонам той пивоварни, в гору построить деревянных погребов на 6000 бочек, из подрядной адмиралтейской канцелярии».

В этом последнем распоряжении важны два указания: первое—пивоварня строилась на Выборгской стороне.

Ниже мы заметим, что на той же Выборгской стороне были расположены и сахароваренные фабрики и, наконец, сюда же был перенесен и пороховой завод. Таким образом, Выборгская сторона уже при Петре приобрела значение местоположения нарождавшейся петербургской промышленности.

Второе указание заключается в том, что пиво должно было варить на голландский манер.

Постройка пивоварни вызывала громадный по тому времени расход в 9674 р., и деньги подрядчик получил в срок [43]). В том же 1720 г. был назначен мастер на новопостроенную на Выборгской стороне пивоварню для постановки котлов [44])—пивоварня начала, таким образом, функционировать, а осенью 1721 г. пришлось ее чинить, так как «от приблой воды ноября 5 дня каменная пивоварня и солодовня повредились».

Где же находилась эта каменная пивоварня? В докладе о регулировании Выборгской стороны, поднесенном 20 августа 1739 года [45]), в пункте 5-ом читаем: «Ниже той нынешней казачей слободы, между канатною купца Скетлера фабрики и построенной на Неве реке в прежних годах для морского флота каменной пивоварни, которую по определению Адмиралтейской Коллегии ныне велено употребить для поклажи смолы, гарпиуса и прочих материалов по требованию Канцелярии Главной Артиллерии место под литерою XX отвесть для пушечной и мортирной экзерциций, длинника от Невы реки в гору на 1000 сажень, а поперечником 100 сажень, которое место по ведомости из Главной полиции никому в отдаче не показано и строения на том месте не имеется; а понеже близ об'явленной прежней каменной пивоварни находятся принадлежащие к ней деревянные не малые строения, також и летние Таможни, от которых, впредь по поклаже в той пивоварне от Адмиралтейства смолы и гарпиусу признавается быть к пожару опасность того ради оному Адмиралтейству те пивоварни, деревянные строения сломав, снесть немедленно, и ежели потребно будет при той каменной пивоварне быть деревянной караульне, то оную построить во отдалении и сделать дощатый забор, а летнюю Таможню снесть и построить выше того места, где назначена литера ZZ».

Сравнивая эту выписку с планами Петербурга 1738, 1804 и 1914 г.г., мы видим, что первые казенные пивоваренные заводы в Петербурге помещались на том месте, где когда-то была богадельня Тимченко-Фролова.

Пивоварение в Петербурге таким образом возникло как часть казенного хозяйства, пиво считалось необходимою при-

надлежностью обихода флота, поэтому пиво и делалось Адмиралтейством; но эта казенная пивоварня, конечно, не оказывала никакого влияния вообще на пивоварение в Петербурге, где по древнему русскому обычаю существовали чуть ли не в каждом доме, а у «больших господ» обязательно «хозяйственные» пивоварни, на которых изготовлялось пиво для домашнего употребления.

Не забудем, что на месте нынешних небоскребов и модернических построек в былое время существовали чуть ли не полные помещичьи усадьбы с громадными садами, прудами, различными хозяйственными постройками, занимавшие не одну десятину пространством. Затем надо отметить, что, несмотря на обычай домашнего способа изготовления пива и, казалось бы, весьма естественной отсюда эволюции в завод, в Петербурге, первое время не появлялось такого предпринимателя, и находили выгодным выписывать заграничное пиво. В Петербурге сперва одобряли «шведское» пиво—так, в 1746 году [46]) купец Матвей Белоусов имел у себя «вывозного шведского пива 20 бочонков, чего ради, ежели кто оное пиво купить пожелает, тем б явились во второй переведенской, идучи от Красного кабака, на правой руке, во 2-ом дворе у купца Василия Девятинина». Петербургские дома того времени не имели нумеров, поэтому приходилось делать чуть ли не топографическое описание: кабак был надежным пунктом, его знало большинство.

Шведским пивом торговали еще до шестидесятых годов XVIII века. Одна из знаменитостей того времени Иван Чиркин выписывал это пиво целыми кораблями; например, в 1748 году «привезенное к здешнему купцу Ивану Чиркину из-за моря шведское пиво, называемое битель Юль Тальстром Дубель, продаваться будет бочками на судне, называемом «Санкт Александр Чупоре». С 60-х годов XVIII века «шведское пиво» уже пропадает с петербургского рынка и заменяется «английским» — «в Большой Морской в погребу купца Нагеля у купора Демута продается привезенное вновь из-за моря Аглинское пиво, эль называемое» [47]), или «в Кадетской линии, в бывшем Веленином доме в погребу купца Демута (Демут уже сделался из купора, т. е. из наблюдающего за винными бочками, с.-петербургским купцом) продается изрядное аглинское пиво

побутылочно по вольной цене» [48]).—«По вольной цене»—термин XVIII века, когда иностранные товары продавались или по таксе, составленной администрациею, или же с аукциона, который производился, особыми казенными аукционистами. Оба эти способа продажи, конечно, были неудобны, торговцы старались от них избавиться и делали продажу по назначенным ими самими ценам или, как тогда называли, «по вольной цене». Какова была первоначальная цена «привезенному из-за моря» аглинскому пиву, мы не знаем, но в 1778 году [49]) «в итальянском погребу, на углу в Луговой Миллионной (угол бывшего Невского проспекта и Большой Морской улиц, на солнечной стороне Невского проспекта) продается аглинское пиво по 20 копеек бутылка», а напротив этого «итальянского погреба», во «французском погребу», то же аглинское пиво предлагалось вдвое дешевле, по 10 копеек бутылка [50]).

Но «привозное пиво», видимо, не оказывало большого значения на функционирование частных пивоварен, и их в XVIII в. в Петербурге было громадное количество, они вырастали точно грибы после дождя и так же быстро исчезали, переходя из рук в руки и, наконец, очевидно, за невозможностью конкурировать исчезали с петербургского горизонта. С 1746 года мы встречаем указание [51]): «на пивоварни против Малой Охты», с 1755 года [52]) появляется пивоварня купца Тесина на Матисовом острове, на Пряжке; с 1759 года [53]) пивоварня на Фонтанке у Калинкина моста (о ней подробнее ниже); на Петербургской стороне были две пивоварни: одна близ Инженерного (впоследствии 2-ого) Корпуса с 1761 года [54]), другая «на Малой Невке и Большой Неве на самой стрелке»; эта последняя пивоварня была построена на 10 котлов в 1771 году [55]); на Васильевском острове целый XVIII век вплоть до первых годов XIX столетия функционировала пивоварня купцов сперва Ивана, а затем Александра, его сына, Чиркиных. В центре города пивоваренные заводы были у купца Щукина — нынешний Щукин двор [56]), у купца Гнеушева [57]), в том же Чернышевом переулке, только по другой стороне Фонтанки; наконец, была пивоварня Усачева «в Большой Коломне на берегу реки Фонтанки». Современный Усачев переулок остался в память былых громадных земельных владений в этом месте купца Усачева [58]).

Теперь проследим некоторые из этих пивоварен более подробно. Упомянутая Чиркинская пивоварня начала функционировать с конца 40-х годов XVIII столетия. Пожар 1771 года, истребивший чуть ли не весь Васильевский остров, пошатнул дела и Чиркина, и 4 октября этого года петербуржцы могли прочесть нижеследующее об'явление [59]): «У г. директора Ивана Родионовича сына Чиркина (он был директором компании, взявшей на откуп торговые сборы в Петербурге) на пивоварнях будут в исходе сего ноября 1771 года варить пиво и полпиво; желающие оное заказывать варить благоволят в нынешнем месяце присылать деньги на покупку хмеля и хлеба, ибо он, Чиркин, от бывшего пожара понес большой убыток, а в принятии денег он будет давать своеручные расписки, цена пиву из 8 четвертей вари без гущи 36 р., а полпива вари без гущи же 26 рублей». Таким образом, мы имеем любопытный и, пожалуй, единственный не только в нашей, но и вообще в промышленности образец своеобразного кредита: потребитель должен дать средства на продолжение производства. И, видимо, Чиркин пользовался таким авторитетом, что этот кредит ему был оказан, и он мог возобновить деятельность своего пивного завода, который и просуществовал вплоть до 1800 года,—к этому времени умер не только Иван Родионович Чиркин, но и его сын и наследник Александр Иванович, и, кажется, прямых наследников и продолжателей дела Чиркиных не оказалось.

На Охте, на нынешней Калашкинской набережной, пивоварня существовала тоже сыздавна, ее содержал местный купец Василий Калашников, сохранивший память о себе в названии проспекта и набережной. Этот завод в 1795 году приобрели английские купцы Крон и Даниельсон. В 1818 году министерством внутренних дел было издано по высочайшему повелению: «Описание пивоваренного завода, находящегося в С.-Петербурге, и способов приготовления на оном пива и портера по англинской методе, сочиненное содержателями сего завода».—Оказывается, что завод Крона и Даниельсона нельзя было рассматривать как частное торгово-промышленное предприятие, нет, за ним следовало признать и обще-государственное значение. «Не взирая на общее предубеждение против всех отечественных изделий — читаем мы в указанной брошюрке — заводчики, т. е.

Крон и Даниельсон, решились на сие предприятие. Они не устрашились никаких издержек, ни трудов для доведения своего завода до возможной степени совершенства. Старания их наградились желаемым успехом. По поручению министра внутренних дел, служащие по сему министерству и сведущие в хозяйственной части чиновники были на этом заводе и засвидетельствовали, что все вообще хозяйственное устройство сего отличного заведения, а равно чистота и порядок в работе превзошли их ожидания, что заведение сие есть одно из лучших сего рода и может служить образцовым; особого примечания достойно то, что по составленным сими заводчиками правилам, при употреблении меньшего количества материалов и числа рабочих людей против прежнего пиво вываривается самой превосходнейшей доброты». За все это заводчики Крон и Даниельсон были награждены золотыми медалями с надписью «за полезное» для ношения на шее на анненской ленте, а описание их завода и способа изготовления пива было напечатано на казенный счет. Здесь мы сталкиваемся со своеобразным поощрением отечественной промышленности. Такая форма поощрения практиковалась в России в первой четверти XIX века.

Приведем некоторые детали из описания этого завода, которые, конечно, должны быть не безинтересны для истории пивоваренного производства. «Завод сей занимает,—читаем мы в описании,—вообще пространство 2.673 кв. саж. и состоит из восьми зданий. Первое в три яруса назначено для приготовления солода и имеет $20^1/_2$ сажень длины и $6^1/_2$ ширины. В нижнем ярусе ячмень переделывается в солод, в среднем лежит готовый солод, а вверху сырой ячмень. Оттуда спускается оный в находящиеся в нижнем ярусе три чана через проведенную трубу. Подле чанов выведена другая чугунная труба, из коей вода, нужная для смочения солода, бьет в виде фонтана, проходя 40 сажень под землею. Лежащий во втором ярусе солод очищается посредством машины и переносится оттуда на мельницу подле пивоварни. Непосредственно к сему зданию примыкаются с двух сторон два строения со сводами и в два яруса, назначенные для сушки солода. В нижнем ярусе находится восемь больших каменных столпов, заключающих в себе печи. Во втором строении такие же два каменные столпа, устроенные равным

образом как печи и служащие притом подпорами своду. В столпах сих находится род камина с железными решетками, на коих беспрестанно горят каменные уголья, для сушения лежащего во втором ярусе солода. Полы сушильни сделаны из просверленных камней и расположены так, что жар может действовать токмо исподволь на солод, но не может зажечь его. Четвертое здание, в коем варится пиво, имеет 12 сажень в длину и 8 в ширину и построено также в два яруса. В нем устроена чугунная машина которую приводят в движение лошади. Сею машиною производятся в одно время два действия; с одной стороны обращаются цилиндры для растирания солода, а с другой насосом поднимается на 6 сажень в вышину вода для снабжения оною пивоварни и солодовни и пивной затор с низу в находящиеся во втором ярусе котлы. В пивоварне поставлены три медных котла, простирающиеся от низу до второго яруса. В двух из них входит до 24 бочек портера или 480 ведер, а в третий 12 бочек или 240 ведер. Между сими котлами находятся в верхнем ярусе два большие четыреугольные ящика, в кои складывается готовый для употребления солод, всего до 60-ти четвертей. Подле машины, приводящей в действие цилиндры, и насоса устроено водохранилище или преогромный чан для вмещения воды, подымаемой в него насосом, из коего вода проводами сообщается в пивные котлы, и, протекая сорок сажень под землею, поднимается еще в солодовню для смочения в чанах переделываемого в солод ячменя. В нижнем ярусе пивоварни, между пивными котлами, находятся два большие чана, длиною в $6^1/_4$, а шириною в $4^1/_4$ аршина, в коих растворяется по 60 четвертей солоду и под коими стоит еще один круглый чан, имеющий $4^1/_4$ аршина в поперечнике. В сей чан стекает из верхних пивной затор и чрез приделанный к нему насос машиною приводится во второй ярус в котлы. Сваренное в сих котлах пиво течет посредством крана и жолобов в три большие холодильника, длиною в $3^2/_3$, а шириною в 2 сажени, кои для сбережения внизу места повешены в верху на крючках. Под сии холодильники подведены медные трубки, чрез кои пиво само собою стекает в бродню и принимается в три большие чана. Из чанов сих пиво по окончании брожения разливается в бочки посредством медного насоса с кожаным рукавом, простирающимся чрез всю бродню.

Под другим жилым домом находится второй глубокий погреб в 12 сажень длины, назначенный для хранения изготовленного пива и портера. В нем помещены два чана, из коих один в 12 аршин длины, 6 аршин ширины и 3 аршина глубины вмещает в себе жидкости до 300 бочек или 6 тысяч ведер; второй чан поменьше, в который входит 200 бочек или 4.000 ведер. Посредством вделанных в сии чаны кранов, готовое пиво цедится и разливается по бочкам. В прочих строениях помещены: бочарня, в коей работает 8 человек; амбар для угольев, нужных к сушению солода; конюшни для 15 заводских лошадей и жилища для 60 человек фабричных и мастеровых людей».

Такого всестороннего описания завода в первой четверти XIX века мы, к сожалению, почти не встречаем в других производствах. Любопытно отметить, что рабочие—60 человек—жили при заводе, в особой артельной избе. Завод Крона существовал до 1864 года, когда 25 декабря 1864 года было образовано «Товарищество Невского пивоваренного завода» [61]); под таким названием этот завод просуществовал всего 10 лет и 14 февраля 1875 года он принял название «Калашниковское общество пиво- и медоваренного завода» [62]). Это стремление сохранить старое название и старое местоположение особенно рельефно проявляется в петербургской промышленности, и очень характерный пример имеем мы в истории Калинкинского завода.

28 сентября 1756 года появилось распоряжение «о собирании сведений, с чьего разрешения отведено место с.-петербургскому купцу Кириллу Попову под постройку в С.-Петербурге пивоварни у Калинкина моста на берегу реки Фонтанки» [63]). Пивоварня эта была крайним строением по реке Фонтанке. Каким образом было обращено внимание, мы не знаем, но результат был очень неутешителен для Попова: оказалось, как и нужно было ожидать, место ему никто не отводил, пивоварню он построил самовольно, и 25 марта 1759 года появилось высочайшее повеление о сломке в С.-Петербурге пивоварен, построенных по Фонтанной речке [64]), а через 3 дня, 28 марта, новое высочайшее повеление о том, чтобы не ломать [65]). Эти распоряжения очень характерны для Елизаветинского времени. Пивоварня осталась, но видимо эта неопределенность, эта возможность повторения распоряжения о ломке спугнула первоначального владельца

Попова, и он продал свою пивоварню английскому купцу Шмидту, который испросил дозволения варить пиво на английский манер [66]). К сожалению, опять несколько неясно, зачем нужно было получить высочайшее разрешение, почему заводчик сам, по личной инициативе, не мог улучшить своего производства, ввести новый способ. Но это высочайшее повеление—опять-таки характерный признак XVIII века. Получив разрешение, Шмидт продолжал свою пивную деятельность ряд лет, причем он видимо находил удобнее вести оптовую продажу; так, например, он извещал, что «менее 2 бочек продажи полпива не бывает» [67]); наконец Шмидт, очевидно, нашел, что он достаточно поправил свои обстоятельства, что он может вернуться к себе на родину, и в 1790 году он продал свою пивоварню купцу Демуту [68]), тот перепродает эту «у Калинкина мосту» пивоварню (она была известна не под фамилиями владельцев, а по местоположению; выше мы указали, что когда-то пивоварня была последним зданием по Неве, в 1799 году [69]) ее местоположение обозначалось точнее — она отделялась каким-то частным участком от Калинкинской секретной больницы, т. е. занимала участок по современной нумерации под № 162) англичанину Джемсу Стину, последний продержал её до 1800—1801 года, когда он, об'явив, что «поелику аглинская пивоварня, состоящая у Калинкина мосту № 852, рушится», распродал остатки пива, солода, хмеля, а также и самое место. Последнее ценилось в 10 т. р. [70]). Через несколько лет, когда соучастник Крона в его вышеупомянутом Калашниковском заводе купец Казалет открыл свою пивоварню, то он сознательно избрал себе место неподалеку от бывшей пивоварни, носившей название «у Калинкина моста» или попросту Калинкинской, и хотя новооткрываемая пивоварня и была удалена от Калинкина моста, сохранил за нею то же название «Калинкинская». В 1842—1843 году постройки на этой пивоварне были сделаны по проекту знаменитости того времени— академика Бонштедта [71]), в 1847 году двигательная сила ручная или помощью лошадей была заменена паровою.

В 1861 году из единичного владения завод переходит в руки товарищества на паях, с капиталом в 2 мил. рублей, разбитых на 4000 паев по 500 рублей каждый. После этого деятельность завода развивалась и развивалась, и в 1896 году завод занимал

площадь в 11 десятин земли, солодовни состояли из двух соединенных в одно зданий вышиною в 5 этажей, на заводе находилось 11 паровых котлов с поверхностью нагрева в 3000 кв. ф. и 15 паровых машин в 200 лошадиных сил. Постоянных рабочих было до 700 человек. Для этих рабочих был построен так называемый артельный дом, представлявший трех-этажное каменное здание с двумя лестницами. Во всем здании асфальтовые полы на кирпичных сводах, положены они между железными балками, поддерживаемыми чугунными колоннами. Здание было расчитано на 500 человек, для которых устроено 6 больших спальных зал по 60 человек каждая и несколько спальных комнат меньшего размера. Кровати в спальнях железные, причем при каждой кровати имелся ящик для вещей. Воздух в спальнях очищался посредством искусственной вентиляции; отопление во всем здании водяное; в боковых флигелях каждого этажа устроены сушильни для просушки сырого платья рабочих, устроен приемный покой. Кроме артельного дома, имеются два здания, в которых помещаются семейные рабочие [72]).

Количество и время открытия пивных заводов в Петербурге видно из следующей таблицы:

1795 год Калашниковский пивоваренный завод;
1809 год Калинкинский пивоваренный завод;
1839 год Пивоваренный завод Ив. Дурдина;
1861 год Пивоваренный завод «Гамбриниус»;
1863 год Пивоваренный завод «Бавария»;
1874 год Славянский пивоваренный завод, переименованный впоследствии в «Новую Баварию».

Нам удалось составить таблицу производительности этих заводов (оборот в тысячах рубл.), а также и количества рабочих, но, конечно, нужно помнить, что эта официальная статистика страдает всеми недостатками, которые нами выявлены в введении.

	1879		1884		1890		1894—95		1903		1908	
	рабочие.	оборот.	рабочие.	оборот.	рабочие.	оборот.	рабочие.	оборот.	рабочие.	оборот.	рабочие.	оборот.
Бавария	231	900	220	900	280	768	404	1886	—	—	525	1874
Бавария Новая. .	—	—	—	—	—	—	189	747	227	782	223	771
Гамбриниус. . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дурдина	288	535	183	575	250	510	291	950	—	—	516	1440
Калашниковский .	332	853	240	615	180	396	238	450	272	800	255	717
Калинкинский . .	622	2800	590	2400	562	2400	619	1487	729	2214	1043	3581
											2862	

III.

Появление сахарных фабрик. — Первые сахарные фабрики.— Статистика сахарного производства в Петербурге в 1812 г.— Свекловица и свекловичный сахар.—Уменьшение сахарного производства в Петербурге. — Завод Кенига.

Точно также при Петре I в Петербурге зародилась и еще одна отрасль промышленности—сахарно-рафинадная: появилась сахарная *фабрика*, подчеркиваем, не завод, а именно фабрика. Свеклосахарный завод, но уже не фабрика, стал образовываться тогда, когда вместо обработки привозимого издалека сахарного тростника, полуфабриката, стала обрабатываться растущая здесь же на месте свекловица, и завод приблизился к месту производства фабриката. Первая сахарная фабрика была построена в 1718 году московским промышленником Вестовым на Выборгской стороне, приблизительно там, где в последнее время был завод сахарный же Кенига [73]). Это место в былое время звалось Сахарным двором. Отвод места и для сахарной фабрики на Выборгской стороне показывает, что в петровских предположениях Выборгская сторона должна была служить местонахождением для зарождающейся петербургской промышленности. Конечно, и этот выбор, как выбор самого города на Васильевском острове, нельзя назвать иначе, как «рассудку вопреки, наперекор стихиям». Выборгская сторона отделена от остальной России рекою Невою, следовательно, доставляемый из глубины России для переработки на фабрике продукт должен перевозиться через

Неву, что́ при отсутствии мостов сопровождалось большими затруднениями; те же затруднения возникали, когда нужно было изготовленный продукт везти обратно в Россию. Появлялись таким образом накладные расходы, увеличивающие стоимость продукта. На это не обращали внимания не только при Петре, но и в последующее время, в расцвет нашей промышленности. Выборгская сторона стала территориально главным местом пребывания петербургской промышленности. Конечно, в этом отношении значительную роль играла дешевизна земли.

Возникнув при Петре, сахарная промышленность в Петербурге продолжала расти и увеличиваться. Для этой промышленности в Петербурге был надежный постоянный покупатель, покупатель, который расплачивался наличными, покупатель, которого можно было эксплоатировать, сколько угодно—царский двор. Он потреблял громадное количество сахара. Затем все приближенные ко двору, все знатные лица, все крупное дворянство, громадная масса чиновничества—все это было безусловно потребителем «сахара». В глубине России, в провинции, к сахару относились скептически, повторяли, что сахар пропускается через собачью кровь и кость, и потому есть сахар—грешно.

Сахарные предприятия стали возникать по различным уголкам Петербурга. Так, в 50-х годах (в 1756 году) действует на Васильевском острову по набережной Невы на 11 линии сахарная фабрика Каванаха [74]); эта фабрика существовала до конца XVIII века, когда ее помещение было прикуплено к Морскому Кадетскому корпусу. Затем мы читаем: на «Московской части Каретной слободе, близ Ямского почтового двора Володимерова сахарная фабрика» [75]), о которой скупой на похвалы Георги и тот отзывается: «каменная и весьма знатна» [76]). В 1789 году упоминается сахарная фабрика Себека на 4-ой версте Петергофской першпективы [77]). Затем в 90-ых годах стали функционировать в Московской части в 5 квартале за Калинкиным мостом № 2129 нарвского купца Ивана Лидера [78]), у Аларчина моста Пешехоновская сахарная фабрика [79]), на Вшивой бирже—т. е. на перекрестке бывших Литейного и Невского проспектов—фабрика Шредера [80]). В 1812 году сахарная промышленность в Петербурге была представлена следующими цифрами [81]):

1)	Фабр.	Севериных	6	котл.	33	раб.,	сахара	на	24.495	р., патоки	на 12.269 р.
2)	»	Лемтюгина	6	»	40	»	»	»	20.000	»	—
3)	»	Банге насл.	6	»	44	»	»	»	18.900	»	8.300 »
4)	»	Шредера	7	»	28	»	»	»	15.500	»	11.000 »
5)	»	Шатихина	6	»	22	»	»	»	12.089	»	4.000 »
6)	»	Бруна	6	»	20	»	»	»	10.000	»	4.000 »
7)	»	Зилина	4	»	17	»	»	»	7.000	»	—
8)	»	Самсонова	5	»	5	»	»	»	5.700	»	—
9)	»	Володимерова	4	»	30	»	»	»	5.773	»	2.000 »
10)	»	Мольо	8	»	11	»	»	»	4.500	»	2.500 »
11)	»	Белкова	3	»	4	»	»	»	1.150	»	—
12)	»	Андреева	—	»	4	»	»	»	772	»	401 »

Таким образом, мы имели 12 заводов с 55 котлами, 258 рабочими и оборотом (как сахар, так и патока) на 170.018 р.— по тому времени это был значительный оборот. Из 258 рабочих только 30 человек, работавших на заводе Володимерова, были крепостными, все остальные были вольные работники.

Сахарные заводы успешно функционировали в Петербурге вплоть до развития свекло-сахарного производства, которое у нас в России сильно поощрялось с конца 20-х годов, как это видно хотя бы из следующего обстоятельства: в 1829 году одновременно появились в продаже три книги о производстве сахара [82]).

Но если первое время петербургские сахарные заводы могли еще конкурировать, то в 1841 году был запрещен вовсе сухопутный привоз колониального сахара, а с песка, привозимого морем, пошлина была назначена в размере 3 р. 80 к. с пуда [83]), и это произвело первый значительный удар по петербургской сахарной промышленности, число заводов сокращается и сокращается: в 60-х годах функционируют всего на всего три завода: Шухова, Васильевский остров, по 14 линии (видимо, бывший завод Водовозова, действовавший в 20-х годах [84]), Кешнера, там же по 5-ой линии, и Кенига на Выборгской стороне. К 90-ым годам прошлого столетия первые два завода исчезли, завод Кенига функционировал вплоть до революции.

На примере завода Кенига ясно видно, что вообще фабрика или завод относительно места своего положения являются страшно консервативными. Завод Кенига, оказывается, помещался на том самом месте, на котором открылся первый сахарный завод на Выборгской стороне. Этот завод принадлежал компа-

нии двух английских купцов Стефенсу и Мею [85]), затем в 70-х годах XVIII века английские купцы нашли, что они достаточно заработали, и завод перешел к Михаилу Кошкарову [86]), затем этот завод переходил из рук в руки, пока в начале 40-х годов прошлого столетия его не приобрел финансовый гений России барон Штиглиц. Кажется, недолгое время этот завод был в руках другой петербургской знаменитости того времени Алферовского, но в 1842 году на заводе был большой пожар [87]), после которого Алферовский продал завод Штиглицу, а последний перепродал английскому купцу Карру. Карр обратил серьезное внимание на свой завод, начал его перестраивать, причем была приглашена архитектурная знаменитость того времени Боденштейн [88]), который и выстроил круглое здание завода, впоследствии перестроенное и вошедшее основною частью в фабричные постройки. В 1862 году завод Карра приобрел Кениг и вполне радикально его перестроил [89]). Прежде всего Кениг урегулировал земельный участок своего завода. Этот участок, в 5 десятин 1765 кв. сажень разбивался небольшою улицею на две части. Кениг вошел в соглашение с городскою думою: улица, перерезывавшая участок, была уничтожена, но взамен ее по бокам своего участка Кениг пробил два переулка—Гардеровский и Сахарный—и устроил набережную по Большой Невке. Весь фабричный участок был окружен каменным забором. Здесь постепенно разрастались фабричные постройки, здесь появился изящный дом-особняк владельца, с хорошо устроенным садом, а позади фабричных зданий вырос и корпус для помещения рабочих. Все рабочие завода Кенига жили на заводе, причем состав этих рабочих был до известной степени определенный,—уходивший с завода рабочий оставлял за себя заместителем своего родственника. Рядовой рабочий получал от 17 до 24 р. в месяц, старшие от 25 до 50 руб, за рабочий день в 10 рабочих часов; работа шла в 2 смены, причем перемена ночной на дневную и обратно происходила понедельно. После революции 1905—1906 года администрация завода нашла, что общежитие рабочих служит удобным местом для пропаганды и агитации, и рабочие, замеченные в стачке, в действии скопом, удалялись из общежития под всяким удобным предлогом и стали получать квартирные деньги на руки. К 1913 году

в общежитии завода оставалось только 100 человек, которые не прерывали работ в заводе.

Кениг работал на привозном сырце. Этот сырец скупался в окрестностях Одессы и Николаева, железною дорогою или гужом доставлялся в Одессу, а отсюда водным путем, вокруг Европы, шел в Петербург; провозка пуда сырца обходилась около 20 к., доставка же сырца из Одессы железной дорогою стоила до 60 коп. И, несмотря на такие значительные накладные расходы, все же было выгодно работать, и заводчик Кениг получал громаднейшие барыши. 22 сентября 1870 года [90]) этот завод едва не сгорел. С того времени на заводе было введено правило: не курить; этому правилу подчинялась как администрация, так и рабочие, причем рабочему, уличенному в курении, грозил немедленный расчет.

Такова была история последыша сахарной промышленности в Петербурге. В этой отрасли промышленности, в 1741 году, мы встречаемся с таким извещением: «Во всенародное известие при сем об'является: потребно быть в Санктпетербурге при сахарных заводах в ученической работе к варению оного сахара добрых и охочих людей 7 человек, которые б были люди свободные и с добрыми пашпартами, также чтоб молодые и добрые, которым дано будет каждого месяца на человека по 3 рубля, да сверх той платы квартира и дрова, свечи готовые; а ежели кто из оных может, то ученическое дело рачительнее исполнять, которым за то будет прибавлено денежное жалование, и чтоб те люди от сего известия явились бы при тех сахарных заводах в контору не в продолжительном времени для заключения контракта со оными на 7 лет»[91]). Таким образом, мы встречаемся с одной из форм приготовления мастеров из русских для продолжения данной отрасли промышленности. Сейчас мы приводим этот пример, разбор же его и вывод следствий будет сделан впоследствии, когда мы познакомимся и с другими образцами ученичества, практиковавшегося в XVIII в. Сообщим, наконец, к сожалению, очень немногочисленные данные о цене на патоку и сахар. 13 июня 1743 года [92]) пуд патоки продавался по 40 алтын, в 1751 году [93]) цена патоки достигла 1 рубля за пуд. Приблизительно в это же время сахар расценивался: кенарский по 7 р. 35 к., средний по 5 р. 45 к. [94]).

IV.

Военная промышленность в Петербурге.—Пороховые заводы.—Взрывы на снаряжательных заводах.—Заработок на них.—Условия работы.—Жертвы Василеостровского патронного завода.—Артиллерийские учреждения.

При Петре же в Петербурге зародилась и особая промышленность или, вернее, ряд промышленностей, служащих для военных целей. Сосредоточивание этих видов промышленности в Петербурге до известной степени об'ясняется причинами, которые не могут назваться рациональными; далее образование этих заводов иногда сопровождалось такими обстоятельствами, которые очень характерны для XVIII века. Эти роды промышленности мы не будем рассматривать с технической точки зрения, мы постараемся выяснить некоторые специфические черты их, характерные вообще для данной эпохи.

Пороховое дело в начале XVIII в. было передано в руки частных заводчиков, и оно сосредоточивалось близ Москвы, где расположены были заводы самых крупных поставщиков пороха в казну, называвшихся пороховыми уговорщиками. Последний пороховой казенный завод был сдан в частное содержание в 1704 году, и вдруг через несколько лет Петр изменяет свой взгляд, отнимает пороховое дело от частных заводчиков, сосредоточивает его в казне и переносит заводы в Петербург. Главная причина, побудившая Петра на такие поступки, была очень своеобразная, и ее вполне характерно отметил историк артиллерийского дела Н. Е. Бранденбург — «стремление к децентрализации технических артиллерийских учреждений, группировавшихся до того времени в Москве», т. е. желание сделать Петербург самостоятельным центром всего военно-технического производства. Пожалуй дешевле, легче было использовать имевшиеся около Москвы заводы, но тогда пришлось бы иметь дело с Москвою, а это было так нежелательно для Петра, что ни на какие другие неудобства не обращалось внимания.

Но самое устройство пороховых заводов в Петербурге тоже характерно. Оказывается, что в Петербурге одновременно

устраивается не один, а целых два казенных пороховых завода, в двух местностях — первый на Петербургской стороне, второй в окрестностях Петербурга на Охте, и эти два казенные пороховые завода сравнительно долгое время функционируют одновременно. К. И. Каменев, автор «Исторического описания Охтенского порохового завода», таким образом пытается об'яснить эту двойственность: «Учреждение казенных пороховых заводов было мыслью самого Петра Великого, а не его сотрудников; весьма возможно, что продолжительная шведская война, удовлетворение порохом флота и новых укреплений требовали большого расхода пороха именно в районе Петербурга; кроме того и готовый уже порох сильно портился при хранении его—по неудобству помещения, так что постоянно приходилось исправлять порох—иногда вскоре после его приготовления. Понятно, что отвозить порох с кораблей или же из остзейских крепостей в Москву для переделки было бы крайне невыгодно, не только в экономическом отношении, но и по медленности перевозки, последствием которой мог быть недостаток в порохе. Кроме того, надо заметить, что даже и новый порох для потребностей петербургского района было выгоднее готовить в Петербурге, чем готовый привозить из Москвы. Ко времени основания заводов в Петербурге ощущался уже недостаток в селитре внутреннего приготовления, почему значительные количества ее приходилось выписывать из-за границы. Эта селитра, а также и сера должны были доставляться на судах в Архангельск, откуда удобнее было привозить в Петербург, чем везти в Москву, да оттуда (в составе пороха) снова в Петербург. Сказанным выше можно себе об'яснить, до некоторой степени, основание казенных заводов в Петербургской губернии; понятно также, что Петербургские пороховые заводы в том состоянии, в каком они находились к началу 1715 года, вероятно, не могли готовить и переделывать все необходимое количество пороха; таким образом, следовало их усилить, прибавить еще несколько пороховых мельниц по надлежащему расчету. Однако, вместо этого устраиваются совершенно новые заводы, совершенно в другом месте, в расстоянии от первых 7—8 верст, т. е. настолько близко одни от других, что не может обнаружиться в выгодную сторону разницы в доставке и

отправлении пороха и других припасов на те или другие; но вместе с тем настолько далеко, что теряется выгода совместного управления, как было бы в том случае, если бы заводы сосредоточены были в одном месте. *Все это заставляет думать, что при учреждении пороховых заводов сделана была какая-либо ошибка* [95])».

В результате этой ошибки в Петербурге действовали два казенные пороховые завода. Первый [96]), Петербургский, находился на конце С.-Петербургского острова, близ Аптекарского, на реке Карповке; он действовал лошадьми и состоял из 3 пороховых амбаров для приготовления пороха голландскими камнями, 1 порохового крутильного амбара, 1 пороховой сушильни, 1 селитерной варницы, 1 селитерной сушильни, 10 магазинов для хранения, 2 караульных изб, 1 кузницы, 1 конюшни, 1 конторы и 12 квартир для служащих. Вокруг порохового городка был поставлен палисад на протяжении 398 сажень, в палисаде было 2 ворот. Рабочих и служащих на заводе было 65 человек. Пороховыми работами заведывала и обучала русских учеников новому способу фабрикации вдова мастера Елена де Валь. Таким образом, очень большая странность — во главе порохового дела стояла женщина. Но странность эта об'ясняется довольно просто—был выписан из Голландии мастер, который должен был открыть секрет приготовления пороха, но он умер, не открыв секрета, которому обучил свою жену, и таким образом volens-nolens пришлось обратиться к вдове этого мастера.

Охтенские заводы состояли из двух частей—большого завода на реке Охте и малого завода на притоке реки Охты, речке Луппе; на этих заводах было 90 рабочих.

Петербургские пороховые заводы существовали до 28 мая 1801 года, когда на землю, занимаемую этими заводами, была выдана данная гардеробмейстеру Геслеру (отсюда в этой местности и Геслеровский переулок), а постройки завода частью проданы, частью перенесены на Охтенские пороховые заводы.

Эти пороховые заводы были ведомственными заводами, они отделялись от других производств, тщательно изолировались, но в их производстве было нечто такое, что сильно отзывалось не только на жизни рабочих других производств, но

и на жизни всего города. Над этими заводами, в зависимости от их производства, царила постоянная угроза, вечный страх за возможность производства взрыва. Принимались всевозможные предосторожности. Вот что, например, читаем в 1874 году [98]): «Охтенский пороховой завод построен таким образом, что все опасные фабрики расположены по окраинам городка, в одну линию, одна от другой в расстоянии до 50 сажень. В каждом здании три стены каменные, а четвертая легкая деревянная, обращенная в поле, крыша односкатная легкая, железная, имеющая наклон в поле; кроме того, каждое здание обнесено с трех сторон, обращенных к заводу, высоким земляным валом, за которым находится станция для проволочных канатов, передающих движение от турбин к фабричным механизмам. Здания, менее опасные, бегунные фабрики расположены внутри городка, одно от другого в расстоянии до 10 сажень, устройство их такое же, как и опасных, но без окружающих земляных валов. Пороховые погреба удалены от завода на большое расстояние (около 7 верст). Заводских зданий—каменных 86 и деревянных 44. Механические силы завода—4 турбины Жонваля, 30 вододействующих колес и 6 паровых машин». На заводе во время полного хода работ находилось около 850 рабочих, оборот завода в 1873 году достигал 1.421.910 р.

15 апреля 1803 года [99]) «стоящие в городке по течению р. Охты с левой стороны деревянные две пороховые сушильни, розымочную, закладочную и каменную крутильни взорвало. Повреждены пильная мельница и стоящие на оной же стороне пороховые амбары с частью русел; погибло 18 человек». Таковы были официальные сведения, которые, конечно, уменьшали размеры бедствия. Взрыв с жертвами был и в 1858 году, когда не только в пороховой слободке, но и на Охте потрясли здания и не осталось ни одного цельного стекла.

Обыкновенно [100]) подобные несчастия приоткрывали занавеску, которая была спущена над «военным» производством. «Военная тайна» всегда звучало и очень внушительно, и очень убедительно. После взрыва 9 сентября 1878 года в так называемом снаряжательном отделе с.-петербургского патронного завода писалось следующее [101]): «Вот некоторые фактические подробности, собранные на месте. Снаряжательный отдел, как

оказывает самое название, занимается насыпкою гильз или заготовлением боевых патронов, а также их разоружением. Отдел помещается в глубине пространного двора, в длинном одноэтажном, из кирпича построенном здании. Отдел разбит на мастерские или отделения, раз'единенные между собою толстыми железными дверями. Небольшие окна заделаны двумя рядами решеток, в переплет которых невозможно просунуть человеческую голову. Ежедневно более 200 человек, добровольно, вступало в этот склеп. За работу с самого раннего утра до позднего вечера начальство завода выдавало по 35 копеек. Эта цифра вследствие начетов за малейшие опоздания и другие повинности сводилась средним числом на 25 к. дневного заработка. 10 сентября уже похоронено 16 человек, причем четыре трупа до того оказались обезображенными, что не было никакой физической возможности удостоверить личность этих несчастных жертв. Девятнадцать человек изувеченных, но еще с признаками жизни, в ужасных страданиях были доставлены в клинику, им была оказана самая энергичная помощь, но трое, 2 женщины и 1 мужчина, не выдержали страданий и в страшных муках покончили свое существование. В клинике остались на излечении 14 женщин и 2 мужчин, жизнь большинства из них находится в опасности».

«Говорили о невозможности катастрофы, если бы рамы в окнах были деревянные».

Печальные последствия этих взрывов сильно действовали на массы, как об этом сообщает Плеханов [102]).

Петр не ограничился переводом в Петербург только порохового дела: произошел перевод и вообще литейного, и артиллерийского производства. Последнее к середине царствования Петра представляло из себя:

1. Литейный двор—с литейным, кузнечными и столярными небольшими амбарами, с магазинами, мастеровыми покоями и пристанью.

2. Старый пушечный двор с магазинами, сараями и прочими помещениями для хранения запасов артиллерии.

3. Новый пушечный и Деловой двор с кузницами, столярными, токарными и слесарно-сборными мастерскими, магазинами, сараями и мастеровыми светлицами для жилья [103]).

В царствование Николая I к этим учреждениям отчасти прибавился, отчасти заменил некоторые из них «Новый Арсенал», и вплоть до 60—70-х годов прошлого столетия дело снаряжения русской армии находилось исключительно в руках правительства, и только с этого времени начинает привлекаться и частная промышленность. Но об этом ниже.

V.

Первый указ о величине рабочего дня, о штрафах и наказаниях.—Развитие казенного судостроительства.—Отличительная черта его.—Новое адмиралтейство.—Его описание.—Неудобство в техническом отношении.—Охтенское адмиралтейство.—Судьба охтенских плотников.—Надзор за ними.—Инструкции.—Выводы о казенном судостроительстве.—Заработная плата у нас и за границею.—Бюрократизм отечественного судостроения.

«1708 году мая в 20 день *). По указу великого государя и великого князя Петра Алексеевича, всея великие и малые и белые России самодержца, адмирал и президент адмиралтейств Федор Матвеевич Апраксин с товарищи приказал при Санкт-Питер-бурхе в адмиралтейской канцелярии сей великого государя указ записать, чтоб мастеры, и подмастерья, и плотники ходили на работу на свои дела марта с 25 сентября по 15 число в 5 часу пополуночи и работать до 11 часу, а с первого на десять часа отдыхать до 1 часу, а с первого часу быть на работе до 7 часу, а как ударит 7 часов отдыхать, не отпуская в домы полчаса и с полуосмого часа работать до вечернего пушечного с крепости выстрелу, а сентября с 15 числа марта по 25 число ходили-б на работу по пушечному выстрелу с крепости рано и отдыхать в полдни с 12-го часу до полу одного после полудни, а после полуодного часа быть на работе до вечернего пушечного выстрелу, а ежели из мастеров или из подмастерьев или из плотников в вышеозначенные часы на работе в полчаса по делам не будет и у того будет вычтено из жалованья за час один

*) Передается без соблюдения орфографии.

день. А кто прогуляет день и у того будет вычтено за семь дней и для сего велено быть фискалом капитану-порутчику Фалку, и дабы сего смотреть накрепко и ежели кто явится преслушником и у того будет вычтены деньги противу вышеписанного и четвертая доля будет тому фискалу, а три доли на государя, а ежели после прилучитца какая крайняя нужда в те вышеписанные работные часы быть в своем доме или в другом месте, тогда взять соизволение от того фискала, а без ведома его никому с адмиралтейского двора никуда в работные часы не отлучатца также, чтоб всех дел мастера и подмастерья подавали ведомости по вся месяцы, сколько у них плотников и работников здоровых.

«И что чего у него в этом месяце сделано, также чтоб все мастеры и подмастерья по посланным к ним из канцелярии указам исправляли дела свои без умедления, а ежели к которому мастеру по присланному к нему указу исправить невозможно за каким недостатком плотников или лесных припасов о том по восприятию указу поведать ведомость в канцелярию в три дня. А ежели кто противу вышеписанного учинитца преслушен и за оным будет дело ево неисправлено и у того будет вычтено жалованье за месяц, также мастерам и подмастерьям, плотников и работников, которые у кого будут под командою, ни на какие свои дела без ведома не имать, а ежели кто противу сего ево, великого государя указу, учинитца преслушен, и за то будет на нем доправлено за всякого человека за плотника 10 алтын, за работника 2 алтына 4 деньги на день, и сей великого государя указ для известия всем мастерам и подмастерьям и плотникам прибить на адмиралтейском дворе [104])».

Вот тот документ, который является первым актом в истории рабочего законодательства. Официально он был издан для Адмиралтейства и адмиралтейских рабочих, но затем постепенно вводился в обиход и других государственных предприятий и, конечно, служил как образец и для частных. В этом государственном акте выявлены уже все те характерные черты, которыми полно наше рабочее законодательство, а именно:

1) определяется размер рабочего дня;
2) устанавливаются принципы надзора за рабочим;
3) вводятся наказания (штрафы) за нарушения.

Рабочий день—осенью и летом—начинался в 5-м часу и кончался в 9 или в 9-м часу, т. е. длился не более, не менее как 16 ч.; в этом рабочем дне делались два перерыва: днем около 12 ч. на 1½ ч., в том числе и обед, и вечером на ½ часа, т. е. всего 2 часа и, следовательно, фактически рабочий должен был работать 14 часов. На зиму или, вернее, на темную пору года рабочий день точно не регулировался. Он должен был начинаться «по пушке», т. е. по пушечному выстрелу, который делался на адмиралтейской крепости, и также «по пушке» оканчивался. Пушка стреляла по усмотрению начальства, достаточно ли светло, чтобы начинать работу, и достаточно ли темно, чтобы ее кончать, причем эта работа, выражаясь поэтически, «от зари до зари» имела всего на всего прекращение на полчаса. Когда рабочие обедали зимою—неизвестно: или до начатия работы, или после окончания ее.

Штрафы за опоздание были таковы: за каждый час опоздания штраф выражался в поденной плате, так что прогулявший целый день платился вычетом недельной платы. Наконец, существовала система фискалов, наблюдающих за выполнением рабочих правил. Этот фискал получал в свою пользу ¼ штрафа; таким образом он был денежно заинтересован. Не менее интересны и те штрафы и их размер, которым обкладывались мастера, виноватые в упущениях по работам. И, несмотря на то, что эти первые правила, на наш современный взгляд, не могут быть названы иначе, как драконовы, все-таки, в то время, когда они были изданы, они считались облегчением. В других учреждениях, где не было этих правил, работа могла продолжаться чуть ли не целые сутки, и рабочие штрафовались и наказывались гораздо сильнее.

Каковы были наказания, видно из следующего примера от 5 февраля 1709 г. [105]): «Великий государь указал сим об'явить, как и прежде сего об'явлено было, чтоб около кораблей и прочих судов також у галер в гавани при Санктпетербурхе никакого огня не держать, также и табаку не курить, а с теми, кто в оном сыщется виновен, будет бит: по первому приводу наказан под 10 ударами у мачты, а ежели приведен будет в другой раз, оной будет под киль корабель-

ный подпущен и у мачты будет бит 15 ударами, а потом вечно на каторгу сослан».

Но все же это были правила, и рабочие предприятия казны одно за другим ходатайствовали о введении в своем обиходе этих правил. Так, в артиллерийских заводах эти правила были введены в 1728 году.

Первые правила для работы появились на том производстве, которое возникло одновременно с Петербургом, которое являлось одною из главных задач возникавшего города и которое долгое время было исключительно в руках правительственной власти. 5 ноября 1704 года состоялась закладка большой судостроительной верфи «Главного адмиралтейства», после того, как Петр убедился на опыте, что провод новопостроенных судов по бурной Ладоге очень затруднителен и что, следовательно, нельзя оставлять судостроительство на берегах этого озера. Место для Адмиралтейства было выбрано очень неудобное: фарватер идет по середине реки, а вдоль берега Адмиралтейства тянется довольно широкая отмель, мешавшая, конечно, спуску судов. В 1713 году для постройки мелких судов, известных под названием галер, появилась новая судостроительная верфь, впоследствии получившая название «Новое Адмиралтейство». В 1720 году возникает Охтенское поселение, в 1721 году появляется Галерный порт и, наконец, в 1828 году возникает еще новое место для постройки мелких судов—«Галерный Островок». Таким образом мы имеем в Петербурге пять мест, где производилось казенное судостроительство. Эта разбросанность одного и того же производства являлась характерною чертою для казенных заводов и фабрик и, конечно, вызывала ряд непроизводительных расходов, увеличение и даже разбухание штатов, и удорожала производство.

Н. Дмитриев и В. Колпычев, историки русского судостроения, следующим образом характеризуют эту отрасль промышленности, составив особую диаграмму за время 1704—1908 г.г. Диаграмма эта, пишут цитируемые авторы [106]), отличается одною общею для всех периодов характерною чертою, столь свойственной всему русскому—бессистемностью, обращающей на себя внимание даже при ее поверхностном рассмотрении. Действительно, известную систему, в смысле аккуратного вы-

полнения раз задуманной программы в определенный срок, можно рельефнее всего заметить в последние 20 лет и, пожалуй, еще ярче в царствование Петра Великого (период с 1700 по 1715 г.); во все остальное время рост судостроения производит крайне хаотическое впечатление и зависит не столько от широких политических замыслов и выработанных программ, сколько от характера правителя и, еще более, от требований насущной минуты. Мы никогда не готовили флота исподволь и постепенно, так, чтобы быть в состоянии не только построить суда и вооружить их, но и снабдить достаточным количеством команды, а действовали всегда согласно русской пословице—«на охоту итти—собак кормить»: к нужному моменту ничего не было готово.

Затем, относительно наших казенных судостроительных заводов, если не о всех, то о главном из них—«Новом Адмиралтействе» нужно подчеркнуть его местоположение, чуть ли не в самом центре города, всего в 200 саженях от Николаевского моста. Ни один большой петербургский завод не лежит настолько в дорогих по условиям жизни районах города, как Новое Адмиралтейство. Центрально-расположенные заводы непременно бывают принуждены по мере развития городской жизни уходить в более дешевые пригороды, потому что в противном случае рабочим или приходится жить очень далеко от завода или же, живя близко от завода, платить непомерно дорого за помещение.

Главное Адмиралтейство перестало быть заводом, верфью еще со времен Николая I, с 1844 года, а в 1872 году была устроена Адмиралтейская набережная, и Адмиралтейство окончательно потеряло и вид верфи, оставаясь лишь административным центром Морского Министерства и дорогим для истории русского зодчества памятником творчества большого русского архитектора Захарова. Новое Адмиралтейство было создано при Николае для деревянного судостроения, а впоследствии решено было, не делая капитальных ломок, приспособить для железного судостроения, и вследствие этого, не делая капитальных ломок, получили в высшей степени неудобную верфь. И появлялась такая ненормальность. Мастерская для железных судов № 1 оказалась зажатой между двумя эллингами, причем ворота для подачи сы-

рых материалов и для вывоза обработанной стали были устроены только одни, что значительно затрудняло сообщение; склада для стали вблизи мастерской вовсе не было устроено, и сталь возили из склада, расположенного в другом сарае, на противоположной стороне эллинга, т. е. кружным путем вокруг последнего. Чтобы попасть к гидравлическим прессам, поставленным в самой удаленной части мастерской, надо провозить сталь на вагонетках через всю мастерскую, мешая всем мастеровым, работающим у станков. Далее, следует обратить внимание на расположение котлов, типичное для большинства старых мастерских Петербургского порта: котлы не расположены в отдельной каменной выгородке, как это требуется правилами фабричного надзора да и здравым смыслом, а поставлены или в пристройке, примыкающей к мастерской, но не отделенной от нее стенами, или непосредственно внутри самой мастерской. Таким образом, первейшим и безнаказанным нарушителем правил фабричного надзора являлось казенное учреждение. Приведем еще ряд примеров, показывающих всю неправильность устройства «казенного завода». На рельсовых путях Адмиралтейства не редкость видеть встречу двух груженых вагонеток на одноколейном пути, причем одной из них или приходится возвращаться обратно, или сворачивать в сторону, чтобы дать проехать другой. Помещения для обрубки стального литья и хранения готовых, но еще не принятых другими цехами изделий не имелось вовсе, и для этой цели служило каменное, построенное при Николае I отхожее место для мастеровых, вместо которого было устроено другое—временное деревянное—на берегу Мойки, просуществовавшее около 12 лет в крайне антисанитарном состоянии.

В этом здании следует отметить фальшивые брандмауэры, устроенные между различными мастерскими завода, расположенными в первом этаже здания, и, особенно, фальшивые арки, якобы поддерживающие пол второго этажа, а на самом деле сделанные из дерева и подвешенные к полу. Фальшивость этих арок, сделанных совершенно той же толщины, что и настоящие, и снаружи заштукатуренных, обнаружилась только тогда, когда над одной из них пожелали поставить стенной кронштейн для вала; оказалось, что арка состоит из двух полтора-дюймовых досок и аршинной прослойки воздуха между

ними. Таким образом, эти арки и брандмауэры представляли громадную опасность в пожарном отношении, вместо того, чтобы являться защитой от него. Наконец, еще один пример, наиболее характерный. В последние годы (1905—1907 г.) решили построить новую дымовую трубу для электрической станции как раз в проходе между станцией и главным корабельным зданием; выбрать более неудачное место было бы нарочно невозможно, так как при указанном ее расположении для мастеровых, работающих в судостроительном отделе, не осталось бы никакого прохода к мостику, ведущему через Мойку, единственному входу мастеровых в Адмиралтейство. Работы по устройству громадного фундамента для трубы высотою в 70 метров были начаты столь близко от стен станции, что последние дали опасные для самого существования здания трещины; когда уже летом 1907 года грунт оказался негодным для постройки большой трубы, то яма, сделанная для фундамента, была засыпана, трещины же в стенах здания остались, так что стены станции стоят подпертые балками снаружи и изнутри.

Вышеприведенные примеры вполне характеризуют способы устройства казенных судостроительных заводов в «доброе старое время», как тогда было принято говорить. Почти также, с такими же неудобствами, с такою же безалаберностью производились постройки и в Галерном порту и на Галерном островке. Что же касается до Охты, то тут российский бюрократизм дошел действительно до геркулесовых столбов.

21 февраля 1720 года появился указ Петра о построении в С.-Петербурге по берегу Невы пятисот изб с сенями. Эти избы должны были быть построены и отданы безденежно вольным плотникам, которые бывали у судовых работ, «чьи б оные ни были, податей с них никаких, также и на помещиках их за них и за детей их не имать, и ежели кто из оных домов пожелает и те б явились и записывались у полковника Кошелева с сего об'явленного числа в два месяца, а кормиться им плотничною своею работою по прежнему вольно. А ежели когда они, плотники, понадобятся для работы в Адмиралтейство, и им тогда даваны будут заработанные деньги по указу против других вольных работников». Цель образования Охтенской слободки ясна—она должна служить резервом для Адмиралтейства,—в случае уве-

личения работы, в случае необходимости иметь большее количество плотников не приходилось бы искать их по сторонам, зависеть от случайностей, этих плотников всегда должна была доставлять Охта, но эти плотники «вольные», и им нужно платить заработную плату «против других вольных работников». И что же сделала Адмиралтейств - коллегия, а затем морское министерство? При кончине Петра I гражданское положение охтян было следующее:

1. Они переселены на берега Невы в качестве вольных плотников.

2. Они освобождены от всяких податей и налогов.

3. Повинности их заключаются в обязанности исполнять адмиралтейские работы, когда представится к тому надобность, с тем, впрочем, чтоб за эти работы им давать против других вольных плотников или по 3 р. 50 к. в месяц.

4. Промысел им предназначен исключительно плотничный.

5. Дома и огороды, к домам следующие, состоят в их полном владении.

6. Для выгона обещано и повелено отвести плотникам земли, сколько им следует по указу.

7. Управление ими возложено на контору Партикулярной верфи.

Прошло около 20 лет, и высшее морское управление создает для управления Охтою особую инструкцию в 16 параграфов. Параграф 4 гласит следующее:

4. «Наблюдать самому (надзирателю Охты) и чрез десятских и сотских за скромною и тихою жизнью поселян, затем, чтобы они не держали корчем, ни в какие игры не играли, с воровскими людьми не знались, пришлых людей у себя не держали, без ведома из домов своих не отлучались ни на одну ночь, а временно отлучались из слобод только с дозволения его капитана или управления верфи с надежными поруками в том, что воротятся, а в случае надобности на казенной работе заменятся другими; наконец, чтобы о своих нуждах просили всякий о себе, а сходбищ себе не дозволяли».

Не менее интереса представляют из себя още четыре параграфа, а именно:

6) «Ежедневно утром и вечером в восьмом и девятом часу через сотских и десятских осматривать все дома; все ли поселяне дома ночуют, нет ли пришлых и беспаспортных, а о подозрительных людях доносить конторе, за отлучку брать под караул и наказывать.

10) «Охтянам вступать в брак не иначе как с письменного на то дозволения.

13) «Охтянам не подряжаться ни в работы, ни в поставки и не давать поручительств выше 10 рублей без дозволения конторы; а ослушников наказывать кошками публично, с запискою о том в особую книгу.

14) «Читать охтянам сию инструкцию по субботам и в шабашные дни».

Как видим, инструкция 1746 года в корень изменила положение Петра об охтенских плотниках, превратив их в крепостных, принадлежавших не определенному лицу, а целому учреждению. Конечно, большинство тех предписаний, о которых упоминалось в инструкции, не могли применяться в жизни и не применялись, но они существовали как правило, при желании можно было требовать выполнения их, а это последнее превращало жизнь в сплошную каторгу.

Эта инструкция просуществовала до 1818 года, когда она была изменена, дополнена, но по существу оставалась тою же самою, что видно из нижеприводимых двух параграфов:

«Старшины вместе с смотрителем должны иметь отеческое попечение, чтобы охтенские поселяне в семействах своих жили миролюбиво и младшие старших почитали и во всем им повиновались по долгу сыновьему, а где и когда возродится в семействах вражда, стараться оную между ними прекратить, а буде за всем тем прекратить оную будет невозможно и дабы оная не возросла до высочайшей степени и не последовало какого-нибудь пагубного последствия, позволить той семье разделиться, но таким образом, чтобы старое хозяйство было сохранено, а новое заведение было успешно; раздел сей позволить только отцу с поженившимися и имеющими свои семейства, брату с братом, а холостым детям отнюдь с родителями не делиться, и хотя бы действительно от них видели неудовольствие, должны оное сносить. Непочтительных детей наказывать строго, да и родителей

невоздержного жития, имеющих излишнюю над детьми строгость, удерживать по мирским приговорам».

И следующий параграф таков:

«Если кто из поселян имеет на старшин или старост какое неудовольствие, то может принести жалобу смотрителю; только наблюдать строго, чтоб каждый просил сам о себе порознь, а не вместе; поселянам нигде, ни под каким видом самим собою сходок не чинить и подписок без ведома правления отнюдь не делать, а буде окажутся где таковые сходки, то брать тех поселян немедленно в правление и по рассмотрении сделать мирской приговор, с утверждения исполнительной экспедиции наказывать виновных зачинщиков строго».

Таким образом вспомогательная рабочая сила для Адмиралтейства, по мысли Петра, превратилась в своеобразное не то военное, не то исправительное заведение, причем в этом заведении особенно применялся параграф о действии «скопом».

Выводы, к которым пришли исследователи казенного судостроения, конечно, как и следовало ожидать, не могут быть названы благоприятными. Прежде всего нужно указать на высокую стоимость сырой фасонной и листовой стали; для Петербурга эта цена не падает ниже 1 р. 45 к. за пуд, при ценах Англии от 75 до 90 коп. Аналогичным образом для Петербургского района очень невыгодна стоимость топлива—в среднем около 22 коп. для русского и около 17 коп. для английского угля; в английских судостроительных районах стоимость тех же сортов угля около 6—7 коп. пуд. Таким образом, уже главные материалы, требующиеся для больших судостроительных заводов, обходятся нам на 25—60% дороже, чем в Англии.

Большая разница в стоимости материалов окупалась (все эти выводы относятся к 1909 году) в значительной степени таковою же разницею, но уже в нашу пользу, в стоимости заработной платы. Хотя разница эта, действительно, очень велика, но все же она не дает заводам той большой экономии, которую можно было бы ожидать вследствие очень малой производительности наших рабочих. Последние в очень сравнительно редких случаях являются образованными специалистами своего дела, с детства работающими по данной отрасли производства, а большею частию начинают заниматься на заводах (это имеет место

именно на судостроительных, а не на машиностроительных заводах) уже в зрелом возрасте, когда обучение идет значительно медленнее, чем в молодости, и когда даже при всем желании часто трудно бывает достичь совершенства в работе. В результате, чтобы дать какой-либо заработок нашим мастеровым, приходится назначать им расценки значительно высшие, чем те, которые приняты на иностранных судостроительных заводах. Приведем некоторые цифры в копейках сравнительного заработка в России и Англии:

	Петербург.	Лондон.
плотники	от 700 до 900	от 1430 до 1850
сборщики	от 840 до 1380	от 1752 до 1850
кузнецы	от 720 до 1200	от 1600 до 2800
котельщики . . .	от 780 до 1380	от 1600 до 2800
литейщики . . .	от 720 до 840	от 1216 до 1400
столяры	от 720 до 1200	от 1540 до 1922
чернорабочие . .	от 360 до 600	от 876 до 1164

Одним из существеннейших непорядков являлся постоянный недостаток и неподготовленность чертежей, так что почти ни одно судно не имело разработанных чертежей к началу своей постройки. Морской технический комитет имел штат из нескольких чертежников, делавших только одни эскизные чертежи, по которым, как по известным заданиям, заводы, получившие заказы, должны были разрабатывать детальные чертежи. Если строилось несколько судов одного типа и постройка производилась на нескольких заводах одновременно, то получалось иногда, что чертежи одного и того же судна разрабатывались на заводах, лежащих в одном и том же городе, дважды, причем, очевидно, суда должны были получаться различными в своих деталях.

Параллельно с желанием нашим постоянно вводить изменения шло не менее яркое желание все улучшать и совершенствовать, причем улучшение это шло обыкновенно таким темпом, который никак не мог быть допущен на практике. При составлении, например. всевозможных технических условий стремились потребовать от контрагентов почти невозможного, чтобы получить сооружения, так сказать, идеальные, между тем наши заводы, в большинстве случаев не без труда справлявшиеся и со скромными требованиями, в погоне за идеальными качествами только задерживали и затягивали, насколько это

только было допустимо, изготовление предметов, и в конце если и давали какую-либо последнюю новость, то она оказывалась чисто теоретическим измышлением, вовсе не проверенным на опыте и крайне неудобным для пользования. До сих пор шла речь только о центральных инстанциях, но, конечно, и низшие инстанции не могли останавливаться на чем-либо определенном и делали всевозможные нововведения и улучшения в мелочах, влекшие за собою только увеличение стоимости изделий и удлинение сроков изготовления. Всевозможные клапаны, тройники и различные другие мелкие фасонные отливки и кованые части, в большом количестве идущие на суда, для каждого нового судна делались по новым чертежам и моделям, причем изменения касались не чего-либо принципиально важного, а несущественных мелочей и деталей, благодаря чему — тем не менее — приходилось переделывать модели.

Такова критика наших казенных судостроительных заводов, критика, сделанная специалистами и напечатанная в неофициальном отделе официального «Морского Сборника». Понятно, что эта критика смягчена, прилизана, и настоящее положение казенных судостроительных заводов было еще гораздо хуже.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Описание промышленности в 1762 и 1794 годах.—Богданов и Георги.—Воспрещение устройства новых фабрик в 1759, 1762 и 1799 г.г.—Стеклянные заводы.

В дополнение к своему «Историческому, Географическому и Топографическому описанию Санкт-Петербурга» автор его, А. Богданов, говоря о заводах и фабриках, согласно требования своего времени начал свое описание более чем витиевато, пожалуй даже туманно, но очень характерно для XVIII века. Вот это вступление [1]): «Как будучи государь император Петр Великий дважды в иностранных государствах и довольно там изволил многие фабрики, мануфактуры и всякие заводы осмотреть, возревновал, дабы тож и в его империи тоже возможно завести. И для всеобщей пользы своего народа в разные годы отправлял в чужие государства для обучения всяких мастерств и мануфактур из школ ученых юнош из шляхетства и купечества, дабы там будучи, обучась могли бы в своем отечестве завести. Напротив же того изволил его величество выписывать из тех государств разных художников, мастеров и фабрикантов, дабы кто хотя и туда не ездя из купечества, могли б у себя тож в домах завести, обещая им дать свободную привилегию. Что по его императорскому желанию многие из купечества разные фабрики по всей России и завели, так что ныне без всякой нужды всякие художества уже в добром порядке находятся и в несравненную славу и силу произведенные видим, так что российская мануфактура с иностранною ныне равнятися может,

которые своими художествами не только всю Европу наполняют, но и Азию, Африку и Америку довольствуют».

Отдав дань времени риторикой, Богданов как практический деятель не удовлетворился этой шумихой фраз, а привел фактический перечень заводов и фабрик, существовавших в его время в Петербурге, и, приведя это перечисление, не заметил такого резкого несоответствия между введением и перечнем.

Перечень следующий:

1) На Литейной стороне фабрика позументная купца Ивана Кистенева, заведена с 1749 г.

2) Фабрика его же Кистенева делает блестки серебряные.

3) Фабрика канатная в баталионе на Выборгской стороне купца Ивана Терентьева, заведена в 1750 году.

4) Другая фабрика канатная ж с багорной Василия Десятильникова.

5) Сургучева фабрика в Миллионной улице фабриканта Андрея Заирова заведена в Миллионной улице иноземцем Барса.

6) На Васильевском острове заведен сахарный завод подле шляхетного кадетского морского корпуса, в 1752 году заведен.

7) Шляпная фабрика купца Филиппа Сокоминкова, на которой делаются шляпы шерстяные и пуховые, в 1752 году.

8) На пороховых Охтенских заводах под все пороховые амбары зачаты строить каменные фундаменты в 1753 году.

9) Завод пивоваренный на Васильевском острове купца Ивана Чиркина, который варит полпиво английское и голландское.

10) Фабрика его ж Чиркина, на которой делают пудру и крахмал.

11) Фабрика купца Данила Свинцова в Ямской — Московской, на которой делают вощанку холстину, в 1753 г. заведена.

12) У него ж прежде заведенный завод перья калит для письма по манеру заморскому.

13) Фабрику он же Данила Свинцов вновь заводит коптить сажу по манеру голландскому.

14) Котельная фабрика купца Ивана Роговикова вновь заводится в 1753 году.

Сравнивая список фабрик с предисловием, нельзя не заметить несоответствия. Предисловие—о важности мануфактуры

и фабрики—совершенно не соответствует списку в 14 скорее даже не фабрик, а незначительных ремесленных учреждений, заведенных в Петербурге.

Теперь приведем взгляд другого современника, взгляд, относящийся к концу XVIII столетия и принадлежащий перу академика Георги. Академик писал в своем «Описании столичного града Санкт-Петербурга» в 1794 году нижеследующее [2]): «Здешние мануфактуры и фабрики суть частью казенные или такие, на коих работа для казны производится, частию же принадлежат оные частным людям. Хотя последние имеют всегда позволение на содержание оных от правительства и пользуются некоторыми преимуществами в таможне или малою податью с невыделанных товаров, или высокою пошлиною с чужестранных произведений таких мануфактур и фабрик, кои здесь заведены уже; но никогда не подается им повод к учреждению единопродавства или монополии совершенным запрещением ввоза чужестранных товаров или другим каковым-либо принуждением. А как по сему продажа здешних работаемых на мануфактурах и фабриках вещей зависит единственно от внутренней и внешней доброты, также и низкой цены, в столице же квартиры, работники, дрова, даже и некоторые материалы весьма дороги, а притом новые заведения сначала не могут равняться с старыми и полное течение имеющими ни в ценах ни во множестве, ни в славе, сверьх же того есть много способов наличные свои деньги употребить легче, безопаснее и скорее на другое, нежели на фабрики, то наши частные мануфактуры ни многочисленны, ни знатны, исключая немногие». В этом месте характерно указание—«есть много способов наличные свои деньги употребить легче, безопаснее и скорее на другое, нежели на фабрики»—помещение капитала на фабрику считалось делом совершенно невыгодным; далее в приведенном отрывке отмечается особенность политики государства, не поощряющей развитие отечественной мануфактуры. Продолжаем нашу выписку: «некоторые из сих заведений не приходят никогда в совершенство, другие имеют медленный успех, а иные остаются малыми и как таковым образом они получают малую прибыль, да еще и никакой, а иногда и убыль, то по мере заводимых вновь старые уничтожаются. Хотя к заведению фабрики венецианской яри и

нашатыря за несколько перед сим лѣт художники и об'являли о себе в ведомостях, однакож не нашлось ни одного охотника, который бы нашел в сем выгоду, отчего сие и осталось без действия».

Как видим, взгляд на фабричную деятельность в Петербурге вполне пессимистичен. Не менее безотрадны и описания отдельных заведений. Вот ряд примеров: «Императорская Шпалерная мануфактура находится в Литейной части. Она состоит в ведомстве особой конторы и управляется главным начальником и директором. Отсюда выходят изящные работы, из коих иные к редкостям по справедливости причислить можно, но работа производится единственно для двора». Так описывается казенная фабрика, а вот указания на частные: «Две небольшие мануфактуры для шелковых платков и прочего. Две обширнейшие сии мануфактуры для шелковых материй, одна построенная в 1757 г., а другая в 1772 году более уже не существуют». «Небольшая мануфактура полушелковых материй» или далее: несколько небольших мануфактур для нюхательного и курительного табака, «одна фабрика для Лионских позументов»— как видим, подчеркивается незначительность, убожество фабричной промышленности.

Со времени царствования Елизаветы Петровны появился очень любопытный и характерный для описываемой эпохи взгляд на петербургскую фабрику. Этот взгляд закристаллизован в высочайшем указе от 12 января 1759 года—«о воспрещении в ближних к Санкт-Петербургу местах учреждать вновь фабрики и заводы». Оказывается, что «в собрании правительствующий сенат, слушав выписки, учиненной по именному ее императорского величества указу, об'явленному в сенате октября 9 дня 1758 года, от сенатора генерала-фельдцейгмейстера и кавалера графа Петра Ивановича Шувалова о подаче ее императорскому величеству от сената рапорта, какие обстоятельства были тому причиною, что высочайший ее императорского величества указ своего исполнения не взял о сохранении для Петербурга лесов, и как в Петербургской губернии всей, так и Новгородской тех провинций, которые дровами и лесом Петербург снабдевать могут и о принятии о непереводе тех лесов предосторожности, не

упуская времени по причине, что Сестрорецкие оружейные заводы и доныне в своем месте находятся».

И вот, оказалось, что в Петербурге вздорожали дрова, и явилось сомнение, обеспечен ли Петербург дровами и строительным материалом. И для этого во 1) прекращен был отпуск за море всякого лесу, во 2) решено было перевести от Петербурга подальше ряд заводов, в 3) закрыть те из них, которые можно было закрыть—прекратили действие Старорусских соленых заводов и в 4) решено было не дозволять открытие фабрик и заводов как в самом Петербурге, так и его окрестностях.

Подлежали переводу и Сестрорецкие заводы, но на них переделывалась в монету медь, они занимались очень выгодным делом, и потому перевесть заводы сразу не решались, а решили принципиально перевести их в Ямбург или околичности его «и для того к переносу оных заводов удобные там места определено осмотреть и сделать план».

А одна из отраслей промышленности, существовавшая в Петербурге со времени Анны Иоанновны [4]), была уничтожена.

Мы подразумеваем те стеклянные заводы, которые занимали значительное пространство на левом берегу реки Фонтанки, между нынешними улицами Бородинской и Гороховой (долгое время здесь было место мещанской управы). Уничтожение этих заводов явилось безусловным следствием только что приведенного нами указа Елизаветы, но продолжалось ряд лет, последние заводские постройки—деревянный шатер и горшечная мастерская—были проданы и снесены с места в начале 1774 г. [5]). К сожалению, мы имеем очень немного сведений о производстве этих заводов, но одно из таких сведений все-таки позволяет предполагать, что заводы серьезно думали об удовлетворении запросов потребителя. Так в 1765 году [6]) мы читаем: «Желающие иметь для употребления в лагере зделанные вместе с рюмками стаканы, могут их видеть и покупать за умеренную цену на казенных стеклянных заводах. Оные там изготовлены в футлярах по полудюжине; также охотники по выбору там же зделанную для такова же употребления разными видами посуду заказать могут». Затем у нас имеются данные, что в 1756 году [7]) «в резьбе хрустальной и стеклянной посуды и в позолоте оной

червонным золотом, имеющий достаточное искусство и желающий быть на здешних заводах мастером, может явиться в контору»—очевидно, на заводе выделывалась и изящная посуда. Наконец, производство на этих заводах велось, видимо, не в малых размерах, ибо «имеющиеся на здешних стеклянных заводах разного звания деланные в прошлых годах хрустальная и прочая посуда, шкатулы, зеркальные рамы, зеркала и прочие вещи будут продаваться на тех заводах с публичного торгу при штаб-офицере и аукционисте с 19-го апреля сего 1753 года и оная продажа будет продолжаться по средам и четвергам [8])».

Забегая несколько вперед, мы должны указать, что, уничтожив уже устроенные и видимо сильно функционирующие заводы, спустя некоторое время снова завели их, но уже на другом новом месте и завели затем, чтобы снова уничтожить.

Распоряжение о неустройстве в Петербурге и близ Петербурга фабрик из-за боязни, что не достанет дров для отопления обывателей, было вовсе не блажью императрицы Елизаветы, нет, оно было повторено Екатериной II 23 окт. 1762 года [9]), когда появился именной указ: «о нестроении в Москве и С.-Петербурге вновь фабрик» и 11 мая 1799 года [10])—о неутверждении заводов ближе назначенного указами от С.-Петербурга расстояния. Таким образом, весь XVIII век в правительственных сферах была одна и та же тенденция—не заводить в С.-Петербурге фабрик. Но, конечно, несмотря на эту тенденцию, фабрики росли, как видно из собранных нами таблиц. Эти данные, конечно, не могут быть названы статистическими, они имеют лишь наглядное показательное значение.

Материал этот дали С.-Петерб. Ведомости; они были мною просмотрены за весь XVIII век и выписаны все самые мельчайшие известия о той или иной фабрике или заводе, открывавшемся или действовавшем в Петербурге. Очевидно, что такой материал не может считаться исчерпывающим. В отмечении той или иной отрасли за некоторые года имеются пропуски, но, конечно, эти пропуски вовсе не свидетельствуют, что в эти года не существовало той или иной отрасли, а просто в обрабатываемом мною источнике не нашлось указания,—заводчики почему-то не пожелали себя опубликовывать в этот год. Однако, если собранные данные не позволяют нам учесть количество функциони-

рующих производств, то до известной степени они позволяют определить время возникновения того или другого производства. Вполне естественно, что открывая новое производство, содержатель его предпринимал меры, чтобы о его предприятии знали, и лучшим средством для этого, конечно, являлись рекламы, об'явления. Отсюда можно с большою вероятностью утверждать, что первые годы, под которыми у нас указание на то или иное производство, могут считаться в то же время и годами возникновения этого производства.

Возникновение большинства производств надо отнести к концу 80 и началу 90-х годов XVIII-го века. До этого времени производства в Петербурге считались единицами. Что же касается расположения производств, то оно представляется в следующем виде:

1. Васильевская часть	31	производство.
2. Московская	27	»
3. Петербургская	24	»
4. 2-я Адмиралтейская	23	»
5. 3-я Адмиралтейская	21	»
6. 1-я Адмиралтейская, 7. Выборгская — по . . .	12	»
8. Литейная	8	»

Таким образом, самое малое распространение производства имели в Литейной части, которая и до нынешнего времени сохранила тот же характер. Большинство производств сконцентрировалось на Васильевском острове, который долгое время был населен преимущественно иностранцами, а известно, что иностранцы были главными двигателями отечественной промышленности. Затем значительное количество было во 2-й Адмиралтейской части—нынешняя Казанская улица звалась Большая или Первая Мещанская, кроме нее в этой части были еще две Мещанские—Средняя и Малая, и эти улицы своими названиями подчеркивали, что жители их—мещане, ремесленники, кустари.

II.

Материал для описания промышленности XVIII в.—Территориальное расположение заводов. — Чулочные фабрики.—Фабрика Меллера и гр. Ягужинского.—Монополия чулочного производства.—Фабрика Ягужинского.—Шелковая промышленность в Петербурге.—Проект «компании шелкового производства» в 1754 году.—Шелковые фабрики.—Детский труд на шелковых фабриках. — Законодательство о роскоши.—Фабрика Я. Меллера и Рихтера.—Фабрика Роговикова.—Ленточные, тесемочные и басонные фабрики.—Указ о лентах 1798 г.—Ситцевые фабрики.—Фабрика Броувера.—Полотняная фабрика в Екатерингофе, на Охте.—Полотняная фабрика Удельного ведомства.—Суконные фабрики.—Канатное производство.—Канаты в Адмиралтействе.—Производство канатов с 1862 по 1914 год.—Даты открытия канатных фабрик.—Шпалерная мануфактура.—Обои.—Обойные фабрики 1862 и 1914 г.

Производства, применительно к нашим данным, мы разделили на 10 классов: 1) обработка волокна; 2) обработка дерева; 3) обработка химическая; 4) обработка мыла и свечей; 5) обработка кожи; 6) обработка строительных материалов; 7) обработка металлов; 8) обработка питательных припасов; 9) обработка табака; 10) разные обработки. Дальнейший наш анализ будем вести, приноравливаясь к этой классификации.

Из первой группы в XVIII в. заслуживают особого внимания чулочные фабрики. Первое сведение об этом производстве мы находим в записках Вебера под 1714 годом [11])—«из Берлина приехал в С.-Петербург один француз, взявшися устроить чулочную фабрику, для которой и начали уже строить большой каменный дом».—Но дальнейших сведений об этой фабрике мы не имеем, так что не можем даже утверждать, была ли открыта эта фабрика, функционировала ли она. Затем у нас имеется опять-таки отрывочное сведение, что в 1738 году в Петербурге уже функционировала чулочная фабрика Ягужинского [12]), но более подробные сведения о ней мы находим лишь позднее. Видимо, дело обстояло следующим образом.

В Петербург явился немец Вениамин Меллер, который в конце 50-х годов XVIII в. открыл на Васильевском острове, в самом конце его на 23 линии, шелковую чулочную фабрику. Нуждаясь, как и большинство фабричных заведений того времени в рабочей силе, Меллер прибегнул к обычному в XVIII в.

способу. Появилось такого рода характерное извещение [13]): «Сим об'является, чтоб российские и иностранные люди, желающие детей своих отдавать на несколько лет учиться шелковые чулки ткать и красить и к тому потребные чулошные машины, те могут контракт заключить с чулошным фабрикантом Вениамином Меллером, живущим на Васильевском острове 23 линии, а которые будут отдавать детей своих на чулошные фабрики на своем иждивении, те гораздо на меньшие лета принимаемы быть имеют». Это был один из излюбленных способов в XVIII веке обеспечивать себя рабочими и этим же способом фабриканты исполняли, как они особенно подчеркивали, и культурную миссию—просвещали россиян, способствовали развитию и процветанию российской мануфактуры. В самом деле, пока дети еще обучатся, пока они смогут сделать «чулошную машину»—из вышеприведенного об'явления Меллера видно, что обучались на его фабрике не только «ткать чулки», но и делать машины—пройдет значительный промежуток времени, в который эти дети-ученики будут, конечно, с большим избытком эксплоатированы. Но, видимо, дела Меллера шли не важно и ему каким то образом удалось заинтересовать своим производством большого петербургского магната, а главным образом большого капиталиста графа Ягужинского. Перед этим обращением Меллер, видимо, пытался заставить петербургскую публику стать его заказчиком. Так, в 1761 году он [14]) «сим об'являет, что желающие шелк свой, шелковые материи, ленты, старое и новое платье, обои и прочее в какую-нибудь краску красить, те б приносили оную на чулошную фабрику, состоящую на Васильевском острову в 23 линии, где оные вещи принимаемы и по окрашению отдаваемы быть имеют в конторе оной фабрики с 3 до 6 часов пополудни, а в приеме оных вместо расписки даван быть имеет круглый знак из белой жести под литерою В. М. с нумером». Но и расширение чулочной фабрики, присоединение к ней красильни не помогло. Нужны были и капиталы, и покровительство, и Меллер достиг этого. 19-го июля 1762 года [15]) появилось такое—почти официальное, хотя и без подписи, извещение:

«Заведенная в С.-Петербурге здешним купцом Веньямином Меллером, а потом по имеющимся в ней действительного камер-

гера и кавалера графа Ягужинского весьма знатным капиталом, отданная ему графу Ягужинскому шелковая чулошная фабрика Мануфактур - Конторою усмотрена в хорошем производстве и в великом умножении, а сверх того оный граф Ягужинский обязался подпискою не только делаемыми на оной фабрике чулками Российских подданных удовольствовать, но и оные продавать с уменьшением цен против иностранных. Того ради по указу Правительствующего Сената велено для наивящего оной фабрики размножения и для придания помянутому содержателю к большему распространению оной дальней охоты к положенной по взятию по тарифу с вывозных чужестранных чулков пошлин прибавить во все генерально при портах и пограничных таможнях портовые пошлины по 6 рублями недоимками на дюжину и не давать отныне впредь о заведении таковых же фабрик чрез 5 лет другим позволения, а с той фабрики чулки продавать не свыше следующих цен, а именно:

№ 24	мужские	по 2 р. 75 к.,	женские	по 2 р. 10 к.
№ 28	»	» 3 р. 25 к.,	»	» 2 р. 50 к.
№ 33	»	» 4 р. 50 к.,	»	» 4 р. — к.
Белые	»	» 3 р. — к.,	»	« 2 р. 35 к. дюж.

Таким образом, с фиктивным переходом фабрики к Ягужинскому, она получила ряд преимуществ:

1) пятилетнюю монополию, так как в течение 5 лет не могло быть открыто ни одной фабрики;

2) для развития этой фабрики была назначена очень высокая пошлина на заграничный товар.

Что фабрика гр. Ягужинского носила лишь его фамилию, мы видим из об'явления 1768 года [16]): «желающим взять состоящую на Васильевском острове генерал-порутчика и кавалера графа Сергея Павловича Ягужинского шелковую чулошную фабрику в арендное содержание и дать за оную за всеми расходами, свыше даваемой цены 6000 рублей, являлись на помянутую фабрику»—цена аренды 6000 р. является показательной, доходность фабрики, конечно, была на много больше, а принимая во внимание стоимость денег в то время, мы видим, что эта фабрика была большим капиталистическим производством. И, действительно, она развила свое производство, на ней делали

не только чулки [17]), но и «коленки [(гамаши), галстухи, штаны, перчатки, нарукавники и котелки», а сама фабрика представляла из себя [18]) на набережной Невы угол 23 линии, (на этом месте теперь помещается главная физическая обсерватория) участок «в 253 сажени длины и поперешнику 36 сажень. В ней находятся каменные о двух жильях палаты над погребами (т. е. трехэтажный каменный дом) деревянного же строения: фабрика мужская для ткания чулок с 124 станами, а сверх того и еще несколько оных уже вновь заготовляется; фабрика женская со 120 станками для разматывания шелка, слесарня, кузница, игольня, столярня снабженная всякими как для починки, так и для делания станов вновь инструментами; красильня с 8-ю медными котлами для крашения шелку, шелковых и шерстяных материй, деревянная связь, в коей находится каландра, т. е. каток для лощения окрашенных материй; покой для мытья чулков с котлом и жомом, светлица для сверения чулков; ледник с сушилом; 3 сарая; баня; 14 связей жилых; печей надворных 15; пожарная труба с потребными к тому инструментами; людей принадлежащих к сей фабрике мастерами, мастерицами, подмастерьями и работниками разного звания мужеска полу 202, женска 180 душ».

Это описание очень важно, так как оно является одним из немногих описаний фабрики XVIII века, причем это описание так подробно, так полно, что облик фабрики встает вполне перед нами: мы видим, что на этой фабрике были и вспомогательные мастерские, на которых производился ремонт и изготовление инструментов; затем рабочие жили при этой же фабрике, для них было построено на участке «14 связей жилых». Принимая во внимание, что на самой большой фабрике трикотажных изделий в наше время—Керстен число рабочих доходило до 313 человек и что к фабрике Ягужинского было приписано 382 человека, мы находим еще лишнее подтверждение, что фабрика Ягужинского мало чем отличалась от большой фабрики.

Судьба ее была печальна, она исчезла вместе с исчезновением другого имущества гр. Ягужинского, распроданного за долги... Место же под этой фабрикой перешло в городскую собственность.

Не менее любопытна и судьба «шелковой промышленности» в Петербурге. К 1754 году [19]) относится нижеприводимый любопытный документ: «От мануфактур-коллегии сим об'является, что ежели кто, выбрав достаточную компанию, желает содержать в однех руках кроме шелковых фабрик, на коих ткачество производится, разборку и размотку шелков и к мотанию оных мельницы, к крашению их красильни, так как оные в других государствах состоят, дабы всяких сортов крашеный шелк хорошим мастерством был всегда в готовности без всякой остановки и по требованию фабрикантов, какой потребен будет, являлись в означенной коллегии».

Как видим, мануфактур-коллегия хочет сосредоточить шелковую промышленность в «одной компании», придать ей заведомо капиталистический характер. Это не удалось, конечно.

Инициаторами и организаторами шелковых фабрик в Петербурге были приезжие армяне. О первой такой фабрике мы имеем следующие данные [20]): «На Васильевском острове в 1-ой линии на малой перспективе в доме Олонецкого купца Авраама Шарова продаются и по заказу делаются разные шелковые и полушелковые материи, т. е. разных манеров и цветов перувьены, тафты, платки, персидские кутни, персидские халаты, бархаты с золотом и без золота, весьма дешевою против прочих ценою». В 1773 году мы имеем уже две фабрики — на 6-ой линии шелковую фабрику Богдана Хахвердова [21]) и еще какую-то на 3-й линии. В 1774 году к этим фабрикам присоединяется еще и француз Дериадо, его фабрика по Невскому проспекту за Аничковым мостом [23]). Упомянутая выше фабрика Хахвердова, видимо, успешно развивалась и в 1778 году [24]) на ней делалось: «для кого потребно по заказу шелковые платки, тафты, занавеси, обои, флеры разным манером, ленты не хуже немецких, самые хорошие, золотые и серебряные, кавалерские и прочие простые басоны, позументы, глазеты шелковые и на заказ кому надобно против немецкого подзолотного шелка». Затем мы можем еще отметить следующие шелковые фабрики: «Алексей Деза, 25 линия Васильевского острова» (1776) [25]), «позади Государственной Военной Коллегии, в маленьком переулочке, в доме принадлежащем императорскому Сухопутному Кадетскому корпусу» (1784) [26]), «на Васильевском Острове на малом проспекте

в 4-ой линии д. № 310» (1784)[27]), «фабрика шелковых материй Пишо, по Мойке, дом полковницы Ваколевой, против Галерной верфи № 578» (1794)[28]), «Васильевский остров 15 линия д. № 431, Каменная слободка» (1794)[29]), «в 19 линии дом № 146» (1795)[30]).

Как видим, число шелковых фабрик росло, и постепенно с Васильевского острова они переходили в город. Кроме таких указаний, у нас сохранилось описание одной из фабрик, описание хотя не столь подробное как приведенное выше чулочной фабрики Ягужинского, но все же позволяющее сделать некоторые заключения[31]): «На Васильевском острове 15 линия д. № 431 продается года за 3 заведенная шелковая фабрика, на которой на 15 установленных станках производится работа, со всеми к ней принадлежащими инструментами, материалами, на будущее время заготовленными станками и при оной особо находящимся и фасадом на улицу вновь построенным о 16 больших комнатах и 4 кухнях домом, которого нижний этаж каменный, а верхний деревянный. Сия наилучшим образом расположенная фабрика рекомендуется наипаче дворянам, кои могут крепостных своих обоего пола людей уже в 8-ми летнем их возрасте с пользою употреблять к работе и для домашних своих надобностей по вкусу своему приказывать делать разные материи. Хозяин же той фабрики обязуется из умеренного платежа если покупщику угодно будет, первые годы руководствовать ему в производстве работ и способствовать выручке барыша или быть в доли, потому что собственной его капитал к продолжению такого заведения недостаточен».

В этом извещении характерно указание, что работать на фабрике могут уже 8-летние дети. Детский труд, надо думать, был широко распространен.

Петербургские фабрики заставляют вспомнить нечто из нашего законодательства. Чуть ли не с самых первых дней своего существования российское имперское правительство поставило себе задачу—оберегать российского обывателя от излишней роскоши. 11 Декабря 1717 г. появилось, как кажется, первое узаконение на этот счет—«о том, что по случаю предстоящей войны не продавать и не носить никакого золота и серебра»[31]). Затем 17 декабря 1740 г.[32])—указ о воспрещении носить дорогие парчи

и штофы с золотом и серебром как и неуместный, и разорительный расход. Этот указ получил следующую редакцию 11 дек. 1742 г. [32]) «именной указ о запрещении вследствие недостатка денежной казны носить богатые платья с золотом и серебром, кроме военнослужащих и приезжих иностранцев под опасением взыскания: штрафа, о наблюдении чтоб на российских мануфактурах делаемы были шелковые парчи добротою против иностранных; о неношении неимеющим рангов подбоев шелковых под платья (т. е. шелковой подкладки), о дозволении носить кружева известного размера только пяти первым классам, о неделании на российских фабриках золотых и серебряных парчей и об изготовлении на них только такого количества позументов, сколько на строевое платье и в церковь разойтись может».

Указ этот повторялся, например, в 1743 году [33]), затем несколько варьировался—так, например, воспрещение делать позументы на российских фабриках более определенного количества дополнялось запрещением ввоза в Россию немецких мишур, мишурных позументов, лент [34]). И чуть ли не в тот же год, когда правительство издавало распоряжение «о не употреблении шелковых попон» содержатель шелковой фабрики извещал, что у него делаются уборы для лошадей [35]), а торговец шелком продавал шелковую «материю на обивку карет» [36]).

Далее, борясь указами с роскошью, правительство поощряло устройство подобных фабрик. Так, первая фабрика золотого, серебряного и шелкового дела Я. Моллер и Я. Рихтера пользовалась громадным покровительством: рабочие для нее вызывались со всей России особыми извещениями; для устройства этой фабрики или, как писали фабриканты в своем прошении: «показанное б наше дело, которое и с великим трудом и коштом произведено в славу российского государства в вящую силу распространить», была выдана 5-го августа 1736 года ссуда в 10 тысяч рублей под поручительством действительного тайного советника барона Шафирова; наконец и с монетного двора выдавали также в ссуду золото и серебро для делания золотых и серебряных галунов и шитья на одежду [37]).

Так поступала Анна Иоанновна относительно иноземцев фабрикантов предметов роскоши, точно также она покровительствовала и российским предпринимателям этого рода. 4 марта

1735 года[38]) было об'явлено генерал-полициймейстером Салтыковым высочайшее повеление об отводе в С.-Петербурге места комнатному истопнику Алексею Милютину для содержания волочильной позументной фабрики; место это теперь известно под названием Милютин ряд. Инициатором позументного дела у нас был царский истопник, продолжателем его — именитый гражданин Семен Федорович Роговиков, обер-директор откупа, который завел близ Пустого рынка (на нынешней Гагаринской улице) фабрику, на которой «делают разных сортов золотые и серебряные газы (материя), позументы, разных манеров блонды и прочие галантерейные золотые и серебряные вещи[39])». Фабрика эта была, видимо, значительных размеров, с большим количеством рабочих, так как 5 апреля 1758 года происходило освящение устроенной на этой фабрике церкви, предназначенной специально для рабочих[40]).

Ленточные, тесемочные, басонные фабрики процветали в С.-Петербурге. Например, в 1794 году[41]) продавалась «близ Калинкина моста № 626 ленточная фабрика со всеми находящимися на ней машинами, из которых каждою можно выткать 18 разных сортов лент»; в 1817 году[42]) продавалась другая такая же фабрика на 6 станов. — Производство, как мы видим, во всяком случае не кустарное. Ленточное производство вызвало появление даже особого политического акта 4 мая 1798 года[43]): «По высочайшему его императорского величества повелению сим высочайше об'является запрещение всякого рода фабрикантам делать вообще трехцветные ленты и всем купцам торговать таковыми же под опасением неизбежного наказания, ослушникам закона положенного».

Перейдем теперь к рассмотрению полезных — если так можно выразиться — производств и начнем с ситцевого производства. Первая специальная ситцевая фабрика в Европе основана была в Мюльгаузене братьями Кехлин в 1746 году, первая таковая же появилась в Англии в 1763 году, а в 1760 году[44]) «от Мануфактур-конторы сим об'является, чтобы всякого чина люди ситцов выбоек и полотен набивных, печатанных на бумажных и льняных полотнах, также и платков, кои делаются на фабрике Козенса и состоят ценою не свыше 70 копеек, кроме печатанных синею краскою на масле, за учиненным от правительствую-

щего сената запрещением не делали и не продавали под опасением по указам штрафа».

Таким образом видно, что в России ситец появился почти одновременно с Западной Европою, причем у нас была дана привилегия и монополия ситцевой фабрике Козенса.

В Петербурге первое указание на ситцевую фабрику нашли мы в 1786 году [45])—она помещалась на Выборгской стороне. Затем в 1792 году [46]) немец, который «несколько лет в иностранной земле управлял ситцевою и выбойною фабриками, был заводчиком оных и который все потребное к заведению, печатанию и составлению красок знание имеет и с оными сопрягает (т. е. соединяет) искусство печатания на бумазее, холсте и мусселине для жилетов и для больших дамских косынок, также нужные сведения торговли и разумение французского и английского языков, предлагает в управление, так и заведение фабрик свои услуги, кои на самом опыте докажут истину его знаний. Требуемая им плата по важности дел умеренная».

Появление этого обстоятельного уведомления безусловно свидетельствует, что был спрос на ситцевые фабрики, и с 1794 года на Петербургской стороне [47]) «за Инженерным корпусом на Ситцевой г. Броувера фабрике продаются партиями на той же фабрике отделанные и ни в чем английским и другим заморским сего сорта товарам ниже в узорах, ниже в живности красок не уступающие ситцы». Однако, фабрика эта просуществовала всего три года. В 1797 году [48]) появилось такое длинное об'явление о продаже этой фабрики: «На Петербургской стороне, на устьи малой Невки, против Петровского острова, продается и в откуп отдается дача купца Броувера принадлежащая пред сим покойному гоф-банкиру барону Фридрихсу (предок последнего министра двора), на котором месте, как в каменных, так и деревянных строениях, во всей исправности, на 20 станов основанная ситцевая фабрика, со всеми к ней принадлежащими инструментами, как то: медными большими котлами, медными валами и медными для тиснения досками и несколько сот вырезанных на грушевом дереве новейших узоров и довольное количество запасенных лучших красочных материалов и несколько тысяч аршин на оной фабрике напечатанных выбоек,

полуситцев, ситцев, новейших узоров, и отменного бордюру для обоев. Сие обширное место обнесено каменною стеною по фасаду более 130, а по поперечнику более 60 сажень, включая в себе планированной земли для отбелки и сенокосу более 8 т. кв. сажень».

На этом месте вплоть до революции была такая же фабрика братьев Леонтьевых.

В 1799 г. появилась новая фабрика на Выборгской стороне [49]): «...по малой Невке продается ситцевая с 26 печатными станами, 570 станами, разными образцами ситцев, выбойки, прессом, котлами и прочими принадлежностями дача, под которой место 100 сажен длины и 62 сажени поперешнику и сверх того к ней принадлежит 13 строений». Об этой фабрике мы находим указания и в 1800 году [51]) и в 1801 году, и надо думать, что о ней же, но уже с указанием имени владельца упоминается в 1802 году [52]), к которому относится такое указание: «на ситцевую Сигмунда Нисселя фабрику, состоящую на Выборгской стороне, насупротив Аптекарского острова и возле дому купца Перлера, принимаются для печатания ситец, полуситец и выбойки, равно как и таковая же цветная материя».

Затем за тот же промежуток времени встречаются еще две фабрики: в 1805 году [53]) на Васильевском острову, 2 линия, о 50 станах Андреаса Тома, и в 1808 году [54]) там же на Васильевском острове, но уже «в Гавани».

Первая полотняная фабрика появилась в Екатерингофе; ее устроило само правительство, но 29 сентября 1727 года [55]) появился указ об отдаче в частное содержание Екатерингофской полотняной фабрики. Никаких других сведений об этой фабрике мы не нашли. Также бедны данные и, видимо, о второй по времени образования полотняной фабрике [56]): «На Охтенской даче его превосходительства генерала и кавалера, лейбгвардии подполковника ее императорского величества генерал-адьютанта Андрея Ивановича Ушакова по большой реке Охте на речке Малиновке отдается в наем дом, в котором имела быть парусинная фабрика и в оном жилых светлиц восемь, баня, погреб, два анбара; за двором на речке мельница со всякими ко оной принадлежностями, строением и инструментами, да при реченной фабрике инструменты: чего ради, ежели кто желает взять в наем оной

дом со всем вышеописанным, те б явились в дом его превосходительства у адьютанта его Михаила Ярославова».

Генерал, а впоследствии граф Андрей Иванович Ушаков, начальник тайной канцелярии, как видим, был не только искоренителем крамолы, но и поощрял отечественную мануфактуру. «Парусинная фабрика» изготовляла полотно для парусов.

Таким образом потребителем этой фабрики должна была быть казна, т. е. сбыт был обеспечен, и почему фабрика Ушакова не пошла — трудно понять, по всей вероятности возникли какие-нибудь трения между Адмиралтейством и Ушаковым. В следующем, т. е. 1744 году [57]) «его превосходительства Андрея Ивановича Ушакова полотнянная и парусная фабрика на Охте, при устье реки Малиновки, стоит ныне праздно». Кажется, она в 1765 году [58]) перешла в руки известного петербургского купца и фабриканта Чиркина, который изменил несколько ее производство, а именно: «С.-Петербургского купца питейных сборов директора Ивана Чиркина на фабрике в С.-Петербурге, на Малой Охте делаются на продажу хорошего мастерства на полотне настольные и обойные, травчатые, также зеленого, черного и прочих цветов вощанки, половые брезенты и разных манеров бумажные шпалеры».

В 1797 г. [59]) только что образованный повелением Павла Петровича Департамент уделов стал заводить на Петербургской стороне, там где когда-то было Инженерное училище, а впоследствии 2-ой кадетский корпус, полотняную фабрику. Рабочим этой фабрики должны были быть воспитанники воспитательного дома и эта фабрика, кроме того, что спасала «незаконнорожденных» от гибели — нищенства и тунеядства—должна была заботиться о прогрессе производства. Фабрику предполагалось открыть на 60 станов [60]). Через 10 лет, в 1807 году [61]) эту фабрику «за убыточностью» пришлось закрыть.

Таким образом на Петербургской стороне в XVIII веке сосредоточивались два больших производства — ситцевое и полотняное, здесь же зародилось и суконное. Земельные участки на Петербургской стороне были вообще слишком велики, на Большой Пушкарской, например, продавался каменный дом с местом в три тысячи квадратных сажень, тут же где-то помещалось огородное место такой значительной величины, что ему

было даже дано особое название «Розенгоф». Один из таких громадных земельных участков, на котором впоследствии находился лицей, был отведен под суконную фабрику. В разысканных нами данных сохранились имена трех владельцев таких фабрик, но мы полагаем, что это были не владельцы трех различных фабрик, а одной и той же, которая переходила путем продажи из рук в руки.

Первый владелец и, надо полагать, основатель фабрики барон фон Штейн в 1760 году [62]) вызывал желающих работать из полы ткачей и ткальщиц, прядильщиков и прядильщиц, но, очевидно, таких рабочих было мало, фабрика не пошла, и барон Штейн продал ее архитектору Фростинбергу, в свою очередь переуступившему барону Вольфу; последнему удалось и фабрику, и свой земельный участок продать Екатерине II, которая на приобретенном участке решила открыть оспенный дом; понятно, что действовавшая суконная фабрика прикончила свое существование [63]).

Затем с 1779 года [64]) у нас появляются сведения о какой-то суконной фабрике на Охте; эта фабрика также довольно часто меняла владельцев, по крайней мере в 1816 году тогдашний ее владелец Никонов продал ее барону Ралю, одному из крупных дельцов Александровского времени, а барон Раль вскоре перепродал ее также сиятельному владельцу графу Комаровскому [65]); в 1823 году фабрика сгорела [66]), была возобновлена, но граф Комаровский разорился на своих многообразных аферах, имущество его пошло с молотка, и этим был положен конец существованию суконной фабрики на Охте.

Затем в 1824 году появляется какая-то суконная фабрика близ Екатерингофа [67]), в 1809 году была заведена суконная фабрика при работном доме [68]),—арестанты должны были работать на этой фабрике и приготавливать сукна для солдат, но из этой затеи ничего не вышло. Наконец, два француза Битепаж и Парот получили привилегию на открытие фабрики волосяных материй к обивке мебели [69]); эта фабрика была устроена на только что проведенном Обводном канале [70]), и фабриканты удостоились чести представить Александру I материи с своей фабрики [71]). Эта фабрика существовала до 20-х годов, к своему основному производству присоединив впоследствии и выделку ситца [72]). Но суконная промышленность в Петербурге никогда

не развивалась, и в последнее время действовало очень незначительное количество суконных и шерстяных фабрик.

Вначале канаты у нас изготовлялись в Москве, и 23 января 1716 года[73]) «царское величество канатов на Москве делать не указал и повелел всех канатных мастеров и прядильщиков прислать в С.-Петербург, чтоб, конечно, они могли бы здесь стать для будущей компании марта в первых числах»; затем в том же году следует и другое аналогичное распоряжение «о производстве работ по изготовлению канатов и канатной пряжи в одном Петербургском Адмиралтействе» и о запрещении приобретать впредь с подрядов эти припасы[74]). Далее в 1718 году в одном январе месяце появилось два указа: первый 15 января «указ Архангельскому вице губернатору о высылке в С.-Петербург на Адмиралтейский канатный двор 150 прядильщиков»[75]), а второй, 31 января[76]) подтверждал этот первый указ, уменьшая число прядильщиков до 100 человек. Эти два указа должны были служить основанием более общему указу, изданному в том же 1718 году о бытии в Петербурге генеральному прядильному двору[77]), и 30 июня 1720 года[78]) было указано и место для этого двора — «прядильню в одно жилье делать позади двора светлейшего князя и уступить от того двора улицу». Этим распоряжением, одновременно с устройством канатного двора прибавилась и позднейшая Галерная улица, но только 2 марта 1721 года[79]) приступлено было к работе, причем работу производили наемными людьми[80]) и к 1723 году канатный двор имел следующий вид[81]). Это описание оставил камер-юнкер Берхгольц: «Отсюда вице-адмирал повел нас на канатные дворы, находившиеся вне Адмиралтейства. Там выстроены рядом, в известном расстоянии друг от друга три дома, из которых каждый тянется ровно на пол версты, имея 750 локтей длины и 20 шириной. Из всех трех с одной стороны проведены вкось галлереи, соединяющиеся с другим, находящимся насупротив мазанковым строением, где смолят якорные канаты и скатывают или плетут их, проводя через упомянутые галлереи. Якорные канаты делаются здесь очень хорошо и охраняются от всякой мокроты крышами, устроенными над дворами».

Казенный Канатный двор в Петербурге существовал до 23 октября 1786 года[82]). Понятно, что этот казенный канатный

двор являлся большим конкурентом для частного канатного фабриканта,—главным потребителем канатов было морское ведомство, которое имело собственный завод. Но несмотря на это, канатное производство все-таки было в Петербурге, и первый частный канатный завод нами отмечен в 1743 году [83]). 15 января этого года с аукционного торга продавался «купца Тесина двор с канатным амбаром недалеко от Смольного двора». На следующий 1744 год мы находим канатную фабрику на Выборгской стороне [84]), а в 1769 году появляется существовавший чуть ли не целое столетие и истребленный пожаром канатный завод на Голлодае, на Васильевском острове [85]); около 1811 года [86]) на Васильевском острове появился один из крупных канатно-заводчиков А. Казолет, и к 1840 году относится первое известие о канатном заводе Гота, который просуществовал вплоть до революции [87]). Размеры первоначальных канатных заводов до некоторой степени определяются нижеследующими данными: в 1755 году продавался «на Выборгской стороне двор английского купца Фр. Гарднера с канатным заводом, оцененный в 700 р.» [88])—эта оценка позволяет до некоторой степени судить о размере производства, которое за 18 век безусловно увеличивалось: так в 1792 году «на Выборгской стороне подле мызы его сиятельства графа Александра Андреевича Безбородко продается или в наем отдается о двух этажах канатная фабрика».

Мы приводим таблицу (стр. 80) канатных фабрик с 1862 по 1914 год с указанием количества рабочих, оборота; из этой таблицы ясно видно, что это производство концентрировалось, уменьшаясь в числе; если в 1862 году было 9 производств с оборотом 769 т. р. и 484 рабочими, то в 1914 году число заводов сократилось до 2, с оборотом в 3.300 т. р. и с количеством рабочих в 1600 человек. Мелкие производства, как и должно было ожидать, вымерли.

И мы видим, что Гот, начав с 261 рабочим и 615 т. р. оборота, довел свою фабрику до 1250 рабочих и оборот до 2.300.000 р.

К сожалению, менее подробны сведения о годах открытия фабрик, мы их тоже группируем в таблицу:

1769 год . .	фабрика Сазонова.	1889 год . .	фабр. Кудряева.
1790 »	» Казолета.	1898 »	» Василеостровского товарищ.
1800 »	» Гота.		

Канатные фабрики.	1862	1868	1879	1884	1890	1895	1903	1909	1914
1. Гот	261/615	241/953	175/1045	181/900	181/900	209/949	136/694	231/1540	1250/2300
2. Нева	—	—	—	17/125	—	34/225	72/333	195/632	350/1000
3. Сазонов	71/55	71/122	76/203	45/160	60/203	75/150	88/265	30/115	—
4. Казолет	65/154	130/254	61/140	40/80	40/125	—	—	—	—
5. Т-во Васил. фаб.	—	—	—	—	—	—	214/310	—	—
6. Мартынов	—	—	13/15	—	—	—	—	—	—
7. Попов	16/5	36/18	11/12	—	—	—	—	—	—
8. Кудряев	18/7	16/6	15/11	17/16	70/60	160/200	—	—	—
9. Адов	—	—	6/7,5	существ.	—	—	—	—	—
10. Родит	—	—	21/7	—	—	—	—	—	—
11. Иванов	—	—	17/5	—	—	—	—	—	—
12. Бурицкий	16/12	9/6	—	—	—	—	—	—	—
13. Щипачев	11/7	8/4	—	—	—	—	—	—	—
14. Цыбип	18/6	3/1	—	—	—	—	—	—	—
15. Миллер	8/9	—	—	—	—	—	—	—	—
16. Хелимский . . .	—	—	—	52/66	—	—	—	—	—

Числитель дробей в этой таблице—число рабочих, знаменатель—оборот в тысячах рубл.

Говоря об обработке волокнистых веществ в XVIII веке, необходимо уделить некоторое внимание тому производству, которое представляло специфическую особенность XVIII века— на производство гобелен или, выражаясь русским языком XVIII века, на шпалерную мануфактуру. В конце лета 1716 года состоялся приезд из-за границы мастеров гобеленов и начало шпалерной мануфактуры при доме Меншикова на Васильевском острове [89]), а 19 декабря 1716 года вышел высочайший указ «о присылке шерсти для пробы на делание шпалер» [89]). В следующий 1717 год приехали 4 француза ткача, с контрактом на 5 лет и с жалованием по 400 р. в год [90]);—затем последовательно в том же 1717 году приехало еще две партии и, судя со слов Богданова, в 1718 году [91]) «мануфактурный двор шпалерный и штофная фабрика, на которой ткут шелковые и шерстяные шпалеры, разноцветные и притом штофы и парчи». Но едва ли это так; работа началась надо думать года на два, на три позже и продолжалась до 1 июля 1858 года, когда решено было упразднить шпалерную мануфактуру [92]).

Гобелен—та же картина, но она нарисована не на холсте, не красками, а разноцветными шерстями, причем в некоторых, особенно французских гобеленах сходство достигается поразительное. Гобелены употребляются в виде ковров для украшения стен и мебели. Опытный гобеленщик может исполнить средним числом не более 28 кв. сантиметров в день или $^4/_5$ квадратного метра в год; за каждый метр тканья, не считая материалов, платилось 2000—2100 франков, целый ковер большого размера обходился в 50.000, 75.000 франков. Весьма понятно, что покупать такие гобелены мог только двор и очень немногие магнаты. Но весь российский двор должен был походить на Версаль — и весьма понятно, что и у нас возникла шпалерная фабрика.

Для этой фабрики отвели место на Литейной стороне, в доме бывшем графа Апраксина,—это дом по Шпалерной № 28, по Воскресенской набережной тот же номер. В 1756 году ремонтировали и перестроили старый - престарый дом Апраксина, потратили на это до 40.000 р. [93]), выписали еще раз из Парижа мастеров и приказано было «на парадную галлерею Зимнего дворца выткать шпалеру с изображением восшествия ее импе-

раторского величества 7 сажень, 8 вершков длины и 3 сажени высоты», но эта шпалера не была сделана.

2 апреля 1762 года «его императорское величество (Петр III) соизволил состоящую ныне под дирекциею господина бригадира де Брессана шпалерную фабрику и притом о учиненных в оной новых преизрядных распорядков и производимых гот и бассемесом удивления достойных работ, не уступающих как в рассуждении живописи и исправности рисовки так и совершенному сходству славных живописцев, доволен остался». Но несмотря на такие официальные похвалы (почти буквально в той же редакции состоялось известие о посещении шпалерной мануфактуры Екатериною II в следующем 1763 году), на шпалерной фабрике все обстояло далеко не благополучно, деньги выдавались очень неаккуратно, мастера сидели голодными, не было и материала для работы, воровство процветало колоссальное—и производительность мануфактуры падала год от года. Изредка появлялись новые работы, некоторые из коих, действительно, изумительны по технике выполнения, но в русских гобеленах отсутствовал тот артист-художник, присутствие которого так ощутимо во французской гобелене. Измышлялся ряд проектов «поднять шпалерное дело», хотели приохотить к нему и россиянина, для чего публиковали, «от конторы императорской шпалерной мануфактуры, что в императорскую шпалерную мануфактуру желающим смотреть ее работы назначен впуск летним временем при начале каждого месяца в первую субботу с $9^1/_2$ до 1 ч. и с 3 до 8 часов» [96]), но положение не улучшалось, мануфактура требовала только расхода, она не могла себя окупать, и ее закрыли.

С гобеленами связана, конечно, если не по технике и по исполнению, то по главной цели и более простая, вполне техническая, но не художественная отрасль промышленности—обои. И обойное производство в своем историческом развитии мало чем отличалось от развития других производств. Также в 1755 году появилось распоряжение «о запрещении в С.-Петербурге и прочих местах изготовлять таких сортов шпалеры, какие изготовляются на фабрике Ботлера» [97]), т. е. была образована монополия, но и эта монополия не могла быть слишком долгою,—силен был спрос на обои, жить в комнате без «шпа-

лер» считалось уже признаком плохого тона; стали появляться и торговцы обоями, и их производители, фабриканты обоев.

Первое время фабрики обоев были очень маленькие и цена на обои была следующая [98]):

простые 15 аршин по 25 копеек кусок
лаковые — » » 60 » »
суконные— » » 80 » »

Но производство обой особенно не увеличивалось, так как очень много и сравнительно не дорого доставляли заграничных, в большом спросе были китайские [99]). В XIX веке производство обоев характеризуется следующими таблицами:

в 1862 г.

1. Смирнова . .	57	рабоч.	150.000	кусков на сумму	50.000 р.
2. Шефера . . .	40	»	30.000	» »	20.000 р.
3. М. Колесовой	11	»	20.000	» »	7.000 »
4. А. Венедиктова	7	»	15.000	» »	3.250 »
5. Толстинского	41	»	—	» »	30.375 »
6. Чупятова . .	8	»	—	» »	2.235 »
7. Гечи	58	»	250.000	» »	125.000 »
8. Камюзе . . .	65	»	300.000	» »	90.000 »
9. Тисье	10	»	12.000	» »	—
10. Деринга . . .	38	»	8.400	» »	17.000 »
11. Лалле	8	»	6.000	» »	3.000 »
12. Эберлинга . .	15	»	20.000	» »	7.500 »

Итого 12 фабрик с 358 рабочими и производством выше 376 т. р.

в 1914 году.

1. Заровский (основан	1909 г.) . .	—	»	—	»
2. Колобов (	» 1902 г.) . .	24	рабоч.	и 50 т. р.	оборот.
3. Лихачева (	» 1887 г.) . .	96	»	—	»
4. Павлухин (	» 1874 г.) . .	150	»	—	»
5. Рикс (	» 1847 г.) . .	200	»	750	»

К сожалению, большинство фабрик за 1914 год не показало своих оборотов, почему и невозможно сделать какие-либо выводы.

III.

Чугунные и металлические заводы XVIII века.—Паноптический Институт.—Бронзовая фабрика.—Слесарная фабрика.—Жестяное производство.—Фабрика часов.

Обработке металлов в дальнейшем посвящена особая глава, где кроме общих сведений даются подробные описания некоторых особенно крупных заводов—сейчас же мы ограничимся лишь замечанием, что конец 18 века и начало 19 ознаменовались для Петербурга основанием в нем целого ряда чугунно-литейных заводов.

Первыми были нам неизвестные заводы, помещавшиеся где-то на Лиговке,—«на Песках, по Лиговскому каналу, отдаются в годы в наем бывшие чугунные заводы»,—такое известие мы имеем в 1794 году; затем в 1800 году [101]) был выстроен на Васильевском острове, 5-ый квартал на Чекушах, вновь чугунный литейный завод, почему желающие заказывать что-либо из чугуна, как-то кухонные и очаговые доски, разную посуду, могут на него обращаться; затем в 1792 году возник завод Берда, но о нем ниже.

К числу механических заводов относится также одно из начинаний царствования Александра I, начинание, носящее совсем не русское название—Паноптический Институт [102]). В конце 1805 года в морском министерстве возникло предположение об устройстве в Петербурге механического инструментального завода для флота под руководством прибывшего из Англии бригадира Бентама. Его предложение, одобренное морским министром, заключалось в том, чтобы основать институт для образования искусных механиков по всем техническим работам, до флота касающимся, и образцового завода, где бы выделывались всякого рода инструменты, машины и вообще изделия, необходимые в морском деле. Но строившееся для института здание, стоившее свыше 400 т. р., сгорело в 1818 году, и на этом дело и остановилось.

Восемнадцатый век оставил нам память устройством, опять таки для прихоти двора, бронзовой фабрики [103]). Фабрика

была устроена, как писали в 1782 году [104]), по высочайшему повелению на Васильевском острове, на берегу Невы, на 19 линии, «и ныне действительно производит разную бронзовую работу с позолотою и без позолоты как казенную, так и партикулярную с хорошим искусством и притом весьма дешевле выписываемой из чужих краев. И как заведение оной фабрики уповательно многим еще не известно, то сего дня и публикуется, дабы желающие отдавать такую работу являлись бы в экспедицию бронзовой фабрики или бы присылали в оную письменное требование и при том модели или самые бронзовые штуки, по которым фабрика будет делать. Что же принадлежит до цены, то оплата партикулярным работам получаема будет та же самая,' в каковую и казенные со всеми материалами, инструментами, платежем за работу, ставятся со взятием только сверх того цены на содержание фабрики не свыше 12% с рубля».

Несмотря на такое обращение к публике, несмотря на то, что работы на фабрике производились не только образцово, но высоко художественно, фабрика не могла себя окупить, и 27 июня 1789 года последовало узаконение «о употреблении на содержание учрежденной в С.-Петербурге бронзовой фабрики ежегодно 4166 р.» Но не помогла и эта ассигновка, и бронзовая фабрика испытала участь, подобную почти всем нашим промышленным казенным начинаниям, —она закрылась.

О первой слесарной фабрике мы нашли указание в 1768 году [106])—приезжий иностранец Гольдс открыл на 21 линии Васильевского острова слесарную фабрику, а в 1794 году [107]) «механик и шлессарного дела мастер Фелкнер, уведомляя почтенную публику, что он изобретенные им в 1791 году печи посредством новой выдумки довел до такого совершенства, что они не выпуская из себя дыма, не могут никогда причинить пожару, просит желающих таковые иметь, относиться к нему своими заказами». Конечно, точно так же как слесарное искусство, так и жестяное искусство в XVIII веке было не ремеслом, а искусством (и очень часто и слесарь, и жестяник называли себя «художниками», а не мастерами)—привезли его иностранцы; в 1760 году читаем [108]): «недавно приехал сюда из-за моря жестяных дел мастер Франц Эгерер, который как на белой и чер-

ной жести, так и на желтой меди делает всякую работу, а живет в доме банщика Кентера в большой Морской».

В 1764 году в Петербург прибыли из Берлина выписанные по личному желанию императрицы Екатерины II часовые мастера. Выписка этих мастеров сопровождалась совершенно особыми обстоятельствами. Несмотря на то, что немцы пред'явили необычайно тяжелые условия, Екатерина II дала согласие, и часовых дел мастера приехали в Петербург. Они получили 12-летнюю привилегию на производство часов, получили значительную денежную поддержку, право беспошлинной выписки частей часов из-за границы, бесплатных казенных учеников, из которых должны были приготовить будущих русских часовых дел «Невтонов и Платонов», наконец, для них был нанят особый дом на Васильевском острове, в так называемой Французской слободке—между 13 и 16 линиями. В Эрмитаже, в отделе драгоценностей, имеются несколько экземпляров часов с надписью «в Петербурге» и мы пока не сможем ответить на вопросы: велика ли была производительность этой фабрики, много ли учеников она выпустила и, наконец, стоила ли она тех затрат, которые на нее произвели.

IV.

Фарфоровый казенный завод. — Фарфоровые частные фабрики. — Фарфоровое производство с 1862 по 1914 год.— Восковой завод. — Парфюмерное производство. — Выделка сургуча. — Карточное производство.—Шоколад.

18 Апреля 1717 года [109]) последовал высочайший указ сибирскому губернатору князю Гагарину о принятии и высылке в С.-Петербург порцелиновых (фарфоровых) печей, сделанных в Китае. Таким образом «фарфоровое» производство по указу Петра должно было возродиться в России, но указы—одно, производство—нечто другое, и, несмотря на страстное желание иметь свой собственный фарфор, мы долгое время довольствовались печатанием известий вроде следующего: [110]) «Из Парижа. В предместии св. Антониа вымыслил некий художник некоторый способ такий фарфор делать, которые на Японский так походят, что те которые его силу знают, оным обмануты быть

могут». Только в 1744 году на 10-ой версте Шлиссельбургского тракта появились первые здания императорского фарфорового завода. Дело в том, что выписанный из-за границы первый мастер фарфорового дела оказался только шарлатаном, умевшим водить за нос русское правительство; к тому же по обыкновению XVIII века не находились деньги, и материальное положение завода было более чем тяжелое. Все шло к неудаче, но нашлись свои люди и между ними «берг-мейстер» Виноградов, вместе с Ломоносовым бывший за границею, талантливый русский самородок и горчайший пьяница, которые сумели поставить дело «парцелина» надлежащим образом и фарфоровый завод стал действовать и развиваться.

В 1808 году [111]) «от конторы императорского фарфорового завода об'является, что оный завод по сделанным вновь распоряжениям нашелся в состоянии продавать свои изделия дешевле прежнего и потому учинена не малая цены вещей сбавка; желающие покупать столовые и чайные сервизы и другие вещи с различными украшениями по сбавочным ценам, могут оные видеть как в самом заводе, так и в магазине его, близ Аничкова моста в кабинетских лавках».

Но, конечно, роль завода не ограничивалась снабжением населения подходящей посудою. Завод играл роль такого же художественного учреждения, как шпалерная мануфактура, как бронзовая фабрика, и эту свою роль — поддерживателя, если так можно выразиться, производства на должной художественной высоте, завод выполнял очень удачно: его работы могли конкурировать с первейшими работами заграничных заводов.

Отметим еще ряд фактов, имеющих не малое значение для характеристики отдаленного от нас времени: 17 декабря 1784 года [112]) появилось приглашение: «не пожелает ли кто приносить в завод битый фарфоровой черепок, всяких фабрик, както Саксонского, Берлинского, Французского, Дацкого, исключая Китайского, то завод имеет приносящему платить за каждой фунт 2 1/2 коп., есть ли же в завод кому нет удобности, тем бы приносить в состоящую в Гостином дворе казенную лавку». Затем не менее любопытно и об'явление берг-мейстера Виноградова [113]), который писал, что «он об'являет всем знатным

особам, а особливо придворным обоего пола, которые имеют парцеленовые табакерки в форме пакета с надписями, те б изволили присылать к господину советнику Монетной Канцелярии Ивану Андреевичу Шлотеру в С.-Петербурге с формуляром, какую кто надпись и на каком языке изволит, которым он, Виноградов, желает всех того требующих удовольствовать, а цена за табакерку с надписью кроме обделки по 20 рублей».

Государственный фарфоровый завод не в достаточной степени мог удовлетворять среднего обывателя, а так как, писали в то время — «понеже чрез отправляющиеся голландцами в Европе торги, вывезенная из Китая и Японии фарфоровая посуда так понравилась, что к общему обыкновению почти ни единый покой изрядно убран быть не может, в котором оная посуда не имеется», то стали появляться в Петербурге и частные заводы.

Первый такой завод возник в конце XVIII века, в 1797 году печаталось [114]): «В Санктпетербургской части, на берегу реки Малой Невки, повыше самсониевского моста, деревянный дом № 504, в коем заведена фарфоровая фабрика, продается как с фабрикою так и с деревнями, имеющими 240 душ, из которых деревень доставляется на оную фабрику водою дрова, глина, кварц и фельдшпат». Фабрику не удалось продать, и в следующем 1798 году она извещала [115]), что «продается разная фарфоровая посуда, как то чашки чайные, чайники, молошники, кофейники, блюда, тарелки, чаши и прочие вещи к сервизу принадлежащие». Эта фабрика, впрочем, прекратила свои действия в начале XIX века.

С 1812 по 1839 год [116]) на Выборгской стороне функционировал в Батенинском переулке фарфоровый завод Батениных; в 1813—14 годах на заводе было 6 горнов при 18 рабочих и было сделано 3972 штуки. Затем в Петербурге был еще завод Корниловых.

Производство фарфора на Петербургских фабриках с 1861 по 1914 год видно из следующей таблицы (стр. 89).

Из этой таблицы ясно видно, что производство фарфора как и по числу рабочих, так и по обороту постепенно росло: если у братьев Корниловых в 1868 году число рабочих равнялось 339, то оно увеличилось до 400, а оборот возрос с 132 т. р.

	1862	1868	1879	1884	1890	1895	1903	1909	1914
Корнилова (1835). . . .	—	339/132	406/222	275/182	282/150	326/216	396/273	388/292	400/400
Императорский (1744). . . .	—	233/94	260/130	161/130	175/100	—	—	213/236	245/250
Бенуа.	—	—	—	—	—	99/79	—	—	—

Числитель—рабочие, знаменатель—оборот в тысячах рубл.

до 400 т. р. Количество заводов не увеличивалось,—появившееся было в 1895 году новое частное предприятие быстро лопнуло.

Еще более особняком стоял в Петербурге появившийся также в 1719 году особый завод, специфическая принадлежность XVIII века и вместе с ним исчезнувший — мы подразумеваем восковой завод. Воск в XVIII веке имел громадное значение в обиходе, заменяя современное электричество. Воску шло для царских дворцов громадное количество, так «про дворцовый расход в нынешнем 1744 году [117]) и впредь про запас потребно желтого воску 500 пудов». Уже 10 ноября 1719 года Петром издано было распоряжение о переводе в С.-Петербург восковых белильных заводов, бывших на Ижоре [118]),—нужно думать, что Для этих заводов отвели место на Петровском острове, по крайней мере, в 1752 году на Петровском острове был построен деревянный восковой завод, который перестроили в каменный в 1777 году [119]), а в 1792 году пристроили еще один каменный корпус, постройка которого по смете должна была обойтись в 5135 рублей [120]). Значительность этой суммы показывает, что флигель был пристроен обширный, что вообще постройки делались так, чтобы производство можно было вести в очень большом масштабе. Но это производство имело вполне определенную цель; оно служило лишь дворцу, на рынок воск этого завода не выпускался легальным путем. Завод этот функционировал до 5 декабря 1836 года, когда, наконец, была признана его ненужность [121]).

Из ряда других производств укажем на некоторые, имеющие какие-либо характерные для XVIII века черты.

Добывание духов в то время представляло собою дело «особливого достоинства», и 9 июля 1781 года [122]) в собрании академии наук представлена была изображенная «господином коллежским советником Дмитрием Михайловичем Лодыгиным для гонки спиртов, благовонных вод и масл, машина», которую он назвал перекубом. «Сия машина освидетельствована господами академиком Лепехином, адьюнктом Георгием и в рассуждении простого и с намерением согласного состава оной найдено особливо похвалы достойною. Почему оная охотникам для гонки спиртов, душистых вод и благовонных масл преимущественно рекомендуется. К употреблению же сей машины мало труда и издержек требуется. И как оная содержится зажженным в ней винным спиртом, всегда одинаковую лампадную теплоту, то действие ее должно быть всегда одинаково и верно, что особливо при гонке уважается». Коллежский советник Лодыгин усиленно рекламировал свою машину для устройства косметической или парфюмерной фабрики.

Иностранец же Франц Симон Рисари «намерен с платою 5 рублей за выучку каждого сорта учить делать сургуч 30-ти сортов» [123]). Как видим, производство сургуча в то время считалось производством довольно сложным—полная выучка обходилась в 150 рублей.

Одно время — 60-ые и 70-ые года XVIII века усиленно распространялось производство карт: карточные фабрики, освобожденные от акциза, росли, как грибы после дождя, и на карточной фабрике в Луговой Миллионной д. № 66 сверх обыкновенных карт «можно еще получить карты о двух головах (очевидно, с рисунком, похожим на современный) и таковой доброты, каковой еще здесь не бывало. Сии же и обыкновенные карты продаются по 3 р. 50 к. дюжина» [124]).

Отметим еще, что с конца восьмидесятых годов XVIII в. [125]) в Петербурге усилилось производство шоколада, причем производство шоколада обыкновенно соединялось и с торговлею другими продуктами [126]): «его императорского высочества шоколадный фабрикант М. Цакория, приехавший недавно из Турции, живший до сего подле католицкой церкви, переменил свою квартиру и переехал ныне в дом покойного генерал-фельдмаршала князя Голицына. У него же можно получать самой луч-

шей доброты шоколад с ванилью и без оной, кокосовое и лукское масло, итальянские минеральные краски, черный карандаш для разных чертежей, также шитые платья». Цена шоколада сильно колебалась—«цена ему неодинаковая и по различию его сорта фунт продается от 80 коп. до 5 и 6 руб.» [127]).

Относительно шоколадного производства покровительство не выражалось чем-либо особенным—разрешалось фабриканту называться поставщиком «его высочества», но «не величества», а вот на производство сургуча взглянули серьезно и в 1811 г. [128]) появилось распоряжение «о неупотреблении ни в одном министерстве иного сургуча кроме российского».

V.

Рабочий вопрос.

«Его императорского величества вице-консул в Любеке Карл фон-Шлецер, занимающийся уже несколько лет доставлением для находящихся в Российском государстве, как казенных, так и частных фабрик рабочих людей, сим извещает господ имеющих всякого рода фабрики, что он охотно примет для себя препоручения доставлять им из Германии искусных мастеров, подмастерьев и учеников» [127]). Это об'явление, появившееся в 1818 г., очень характерно, оно показывает, что доставление на Российскую фабрику немца мастера, подмастерья или ученика было вполне организовано и в нем принимало участие даже официальное лицо — вице-консул. Недостаток рабочих рук ясно виден из приведенного примера, он явствует и из других аналогичных примеров—в 1796 году [128]) на ситцевую фабрику «потребны до 10 работных людей, коим месячная плата назначается по 8 р. 50 к.»; через месяц это об'явление повторяется в несколько иной форме—«содержателю ситцевой фабрики потребны для производства работ до 10 здоровых и трезвого состояния человек, на коих каждому дается по 100 рублей в год» [129]). Очевидно, спрос превысил предложение, почему фабрикант стал через публикацию вызывать рабочих. Наконец, имеется еще одно сведение [130]): «Константин Бург, суконный фабрикант предлагает тем, кои работают на таковых фа-

бриках употребить их в работу на следующих условиях: работники будут получать равную плату помесячно с теми, кои уже находятся на фабрике с начала оной. Каждая семья будет иметь особливый покой (условие совершенно сверх ординарное), в случае нужды давать им будут взаймы по 25 рублей в зачет их работы с тем, чтобы они выплатили в 25 месяцев: почему он будет у них вычитать по 1 рублю в каждый месяц из их жалованья».—Выдав 25 рублей, фабрикант обеспечивал себя на 2 года рабочею силою, что при малом количестве свободной рабочей силы было, конечно, важно.—Затем недостаток рабочей силы стремились пополнить при помощи ученичества. В сахарном производстве мы указали такой пример; аналогичных ему можно привести сравнительно много: «сим об'является что желающие детей своих отдавать учиться чулочному делу, могут договариваться на фабрике» [131]),—«бронзовых дел мастер Валтер через сие об'являет, что он принимает людей для обучения всякую бронзовую работу делать» [132]),—«некоторый иностранец, содержащий на Петербургской стороне фабрику, желает принять в ученье на сходных условиях господских мальчиков» [133]), — «на чугунный завод принимаются молодые люди для обучения на условиях сходных помещикам» [134]),—«желающие отдавать на открывающуюся пуговичную фабрику 12 мальчиков по 14 лет для обучения» [135])—«на бумажной фабрике принимаются для обучения по сходным ценам молодые господские и вольные люди» [136]).

Число этих извещений можно увеличить, и все они с яркою убедительностью говорят о том, что петербургские фабриканты XVIII века и первой четверти XIX особенно охотно эксплоатировали под видом обучения труд малолетних.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Взгляд первой четверти XIX столетия на промышленность, мануфактуру.—Сравнение рабочего с земледельцем.—Путешествие по Шлиссельбургскому тракту.—Мануфактурный городок.—Призыв к образованию промышленного центра.—Изменение общего взгляда на промышленность.—Александровская мануфактура.—Эволюция барского пригородного имения в фабрику.—Специальное исследование о болезнях рабочих 1847 г.—Книжка «Выгодно ли нам употребление паровых машин?»

«Зайди в избу мужика: тепло, обуто, одето, хотя и в лаптях. Посмотрите на фабричного: бледно, бедно, босо, наго, холодно и голодно... Может ли такой человек быть счастлив и сохранит ли нравственность? И поневоле предается разврату и злодеянию... Кто из стариков московских не помнит, что у Каменного моста (там была крупная суконная фабрика, основанная еще при Петре) ни днем ни ночью прохода не было; но Екатерина, истребя гнездо сие, истребила и злодеяния».

Далее: «Мастеровой принужден довольствоваться платою, которую ему дает фабрикант и которая обыкновенно бывает самая малая, особливо там, где мастеровых слишком много. В Англии плата сия столь мала, что еслибы мастеровой не получал сверх оной от своего прихода вспоможения в виде милостыни, то ему пришлось бы умереть с голоду».

«Главнейшее преимущество земледельца перед ремесленником есть то, что первый несравненно вернее обеспечен в пропитании своем, нежели последний... Даже сукно, колеса и обувь у него свое собственное и своего изделия; а ремесленник все сие должен купить... Земледелец работает не взаперти, как мастеровой на фабрике, но всегда на чистом воздухе...

Житие наших мужиков есть самое беззаботное и счастливое... Самый здоровый и веселый народ есть земледельческий. Фабричные по большей части бывают хворые, чахоточные, калеки, скоро пухнут и укорачивают свой век... Работы земледельца бывают весьма многоразличны и требуют большой внимательности, осторожности и много ума... Никакой народ не бывает смышленнее земледельческого (сие об'ясняет то, чему все иностранцы не могут довольно надивиться в русском народе, а именно, что русский мужик имеет такой природный ум... Пусть русский крестьянин сделается батраком как иностранный; куда денется тогда его ум!). Напротив, мастеровой на фабрике целый век занимается одною какой нибудь частицею фабричного производства... Разделение работ много способствует усовершенствованию изделий..., но оно делает мастерового машиною; тут ему не о чем рассуждать, нечего соображать. Ум его тупеет, человеческая природа в нем унижается... Земледелец зарыл в землю зерно, но прозябания его и оплодотворения ожидает свыше... Земледельческий народ есть самый набожный, а также и самый миролюбивый, крепкий и благонравный. Он вместе и самый покорный к царю. Он привязан к своей земле, которая его возрастила. Мастеровой ничего ни ожидает от бога, а всего от машины, и ежели бы господь не насылал на него болезней, то он едва ли бы когда вспомнил о боге. Сообщество нескольких сот или тысяч мастеровых, живущих и работающих всегда вместе, не имеющих никакой собственности, питает в них дух буйства и мятежа».

И наконец:

«Пусть в других странах, которые действительно или мнимо страдают от избытка народонаселения, запирают хилые поколения на фабриках или отсылают их в колонии—пусть там прядут из ваты, хлопка, шелка и даже льна такие тонкие нити, что они получают известную ценность лишь пройдя через сотни рабочих рук, в России ее здоровый народ еще может беспрепятственно бороздить мать сырую землю, чтобы добывать из нее нужные для света продукты, оставаясь здоровым душевно и телесно».

Все эти выписки относятся к 1814—1819 г.г. [1]). Они вполне определенно, категорически проводят отрицательный

взгляд на фабричную промышленность. Фабрика, фабричный являются злом, быть может иногда неизбежным, которое приходится терпеть, но которое, конечно, нельзя поощрять. И прочтите теперь эти нижеследующие, строчки, относящиеся уже определенно к части Петербурга [2]):

«Вы видели, каким очарованием возродилась Петербургская железная дорога, которая теперь каждый день провозит от Петербурга до Павловска и обратно по две тысячи человек. Мы в ней, право, видим детство Геркулеса! Долго-ли ей лечь и до Варшавы, и до Кавказа и до Иркутска! Того и смотри, что этот Геркулес возмужает и воздородничает по русски, т. е. будет Геркулес не Греции, но России, огибающей полшара земли.

«Взгляните же теперь в другую удивительную сторону предместий Петербурга—чуда городов. Прогуляйтесь по Шлиссельбургской гладкой дороге, вдоль струй нашей великой и кроткой Невы, моря-реки и шириною и глубиною, со всем русским благоразумием.

«Сначала вы с благоговением любуетесь огромными зданиями Александро-Невской лавры, изящного зодчества. Потом катитесь через новую, могучую, глубокую реку чистейшей воды, которую матушка Нева вскормила, чтоб окружить ею милый ее Петербург с его полуденной стороны на несколько верст, и реку, уже покрытую сплавами богатств Русской земли. Еще не успели вы перестать удивляться этому Обводному каналу, как уже видите себя среди пригорода казенных стеклянных изделий и зеркал, которые красотою и необыкновенною огромностью своею останавливают любопытство зрителя, когда он любуясь восхищается своеземными богатыми украшениями беспримерных палат великого русского царя.

«По дороге вашей вечное движение и мануфактурства, и торга! И вы катитесь по ее гладкой и твердой насыпи (шоссе), не чувствуя езды. В четверть часа высятся пред вами величественные строения каменные и многие из них поражают глаза неизмеримыми каменными столбами. Это печные трубы паровых машин.

«Десять лет тому назад это место было пусто и земли тут можно было купить, даже по набережной за две, за три

тысячи рублей десятину. Теперь она продается по 30 рублей за квадратную сажень, т. е. до 75 тысяч рублей десятина. Десять лет тому назад некто купил в этой стороне на правом берегу Невы побережное место с упадшим каменным строением все за 6.500 руб., чтоб завести здесь шелковую ткацкую; прошедшим летом, за переменою обстоятельств это место и строение продал за 63.000 рублей под бумажную фабрику. Л вый берег Невы еще несравненно дороже правого.

«Изумленные, воздерживаете вы бег вашей лошади, чтоб успеть обозреть множество предметов человеческого ума и трудолюбия.

«Здесь представляются фабрики шелковых тканей, на которых ежедневно занимается тысяча человек; тут паровая пильная мельница, возле нее мануфактура тканей из льна и пеньки, щедро награждающая смышленную работу своих полутораста ежедневных ремесленников; несколько далее фабрика прядения хлопка, которая занимает своим делом 200 человек; за этою видите огромные каменные здания отца, живителя всех этих мануфактур, чугунно-литейного Александровского завода, который приготовляет между множеством другого и паровые машины и для этих мануфактур, и для морских пароходов. Там, на берегу Невы, шумит его лесопильная мельница, тоже парами движимая. Она обложена пирамидами бревен, из коих несколько десятков тысяч ежегодно распиливает на доски для Петербурга и для отпуска за море. На противном, правом берегу Невы, привлекают общее внимание две новые фабрики писчей бумаги и щегольских бумажных обоев.

«Вскоре затем приближаетесь к огромному зданию, совершенно нового в России заведения: для изготовления прядильных и ткацких станков, которые до сих пор выписывались к нам из Англии и Бельгии за дорогую цену денег и времени. Оно содержится частными лицами.

«Отсюда один шаг—и вы в сельце Покровском при возвышенном и крутом берегу Невы, с ее радостными видами и великих зданий, *и деятельного смышления образованного человечества* (курсив наш). Возле Покровского видите вы казенный Фарфоровый завод; там, далее глаз ваш любуется рядом красивых строений Александровской мануфактуры, которая произ-

водит многие разнообразные изделия для пользы, для щегольства и для забавы.

«Главный дом Покровского останавливает на себе ваше внимание. Он милой архитектуры, довольно велик и завлекает к себе глаз, особенно если глядишь на него с Невы. *Вы хотите и в нем искать мануфактуру* (курсив наш): так много вы их видели и видите вокруг себя. Но их в нем нет еще. Сад сельца Покровского вас занимает, он открыт для всех и каждого. Десять лет перед сим на землях Покровского почти все было дико и бесплодно. Нагулявшись по множеству тропин и излучин на пространстве 50 десятин и не видя конца землям Покровского, вы садитесь отдохнуть.

«Пораженные этою отменностью села Покровского посреди, так сказать, *молодого мануфактурного города* (курсив наш) вы вопрошаете первого встречного: *почему нет и здесь какого нибудь изделыственного заведения? Потому, что еще не успели этого сделать* (курсив наш), отвечает вам встречный. А местность Покровского удивительно для того выгодна; можно сказать, необыкновенно выгодна и по положению ее побережных земель на пространстве десятков десятин, и по тесной смежности ее с Литейным заводом и с заводом богатых станков прядильных и ткацких. Покровское имеет 200 десятин земли обработанной и самой плодородной. *Это единственное место для устройства жилищ нескольких тысяч ремесленников мануфактурных* (курсив мой). А побережные его десятки десятин могут принять на себя сорок и более фабрик, каких угодно званий, когда проведется из Невы в это пространство нешироκий сплавной канал, который может стоить до 25 т. р., на длину 500 сажень и благодетельно послужит тем многим фабрикам обильною Невскою водою и сплавом грузов. Позади же этого семейства мануфактур, движимых паровыми машинами, будет возвышаться городок, пожалуй в 20 тысяч мануфактуристов, на протяжении трех верст Покровских земель к стороне Царскосельской железной дороги. Постройка и переправление всех внутренних машин этих мануфактур будет под рукою и, можно сказать, мгновенное, на Александровском литейном заводе и на механическом заведении предприимчивого Гонзенбаха.

«*Да как, думаете и вопрошаете вы, возьмется этому начало? Вам тотчас и просто отвечает встречник: Хозяин Покровского человек просвещенный, готов за это взяться всею капитальностью своего поместия, если бы наши просвещенные и предприимчивые мануфактуристы обратились к нему с предложениями и советами* (курсив наш). Кажется, уже и были некоторые от них попытки с этим намерением. Разумеется было бы лучше, когда бы несколько достаточных и смышленных мануфактуристов для того из себя составили общество, в которое, вероятно бы, вошел и хозяин Покровского.

«Так наговорившись, а более наслушавшись от встречного, вы с ним расстаетесь и идете во все стороны побережных десятков десятин Покровского и вдоль их ручья и речки, спускаетесь в низменности, восходите на высоты, доходите до стены заведения станков г. Гонзенбаха, видите и слышите *огненное пышание* плавильных печей Александровского завода, приходите к самой Неве и любуетесь крутым и приглубым ее берегом, сквозь который вы видите, как легко канал может быть приведен в низменности, за несколько десяток сажень от него протекающих. В окрестностях Покровского второй встречник вам сказывает, что ни ближе к Петербургу, ни дале от него по берегу Невы нет ни тени подобного пространства и удобства мест свободных, особенно частного владения. А если б где-нибудь и нашлось небольшое и удобное место, то оно все-таки будет удалено от Литейного завода и от механического заведения г. Гонзенбаха и в то же время будет без поместительности жилья даже только нескольких сот работников.

«Вы, наконец, встречаетесь и с самим хозяином села Покровского, знакомитесь с ним и узнаете от него, сверх всего слышанного, что *Покровскими фабриками прядения и тканья может быть спрядена и соткана большая часть русских льнов и пеньки, ныне сплавляемых изнутри России к торговой пристани Петербурга, что ими же может быть спрядена вся хлопчатая бумага, ныне ввозимая из Америки к этой пристани; что ими же будет обделано множество шелков в различные ткани для надобностей всего населения России*, которое того и смотри, что будет простираться на сто миллионов человек и притом без малейшего подрыва москов-

ским шелковым тканям, ради необыкновенной быстроты и размножения народа Русского и его удивительного преуспеяния в промыслах и предприятиях, которым внутренние железные дороги дадут неисчислимую жизнь и расширение, когда по ним произведения Российских замосковных областей, за цены ничтожные и силою одной лошади будут приходить к Петербургу, например, от Саратова в 12 дней, между тем как они теперь на это водою употребляют два года.

«Далее вы узнаете от хозяина Покровского, что на землях мануфактурного пригорода Муравьева-Покровского могут соединиться *многочисленные изделъства* (курсив наш), одно другим успехом взаимно способствующие, и изделия волокон льна и пеньки соединились бы с изделиями волокон шелка и хлопчатой бумаги и тонких рун русских овец. Мастеровые и рабочие люди, тут нерассеянно живущие, сделались бы, по надобности и востребованию, спослужниками различных мануфактур под рукою находящихся, при Покровском канале проводка которого от одной мануфактуры до другой не стоила и двух тысяч рублей. Она снабдила бы каждую из них чистейшею свежею водою, как для действия паровых машин, так и для употребления человека и, в то же время грузами топлива для действия машин. С этим устройством Покровского уменьшилась бы и неизбежная надобность искать за высокие цены побережных мест Невы для того только, чтоб иметь обильную воду для действия паровых машин. Этим учреждением Покровского и другими подобными в окрестностях Петербурга сотни тысяч пудов русских необделанных произведений: пеньки, льна, шерсти а с ними и множество русского закавказского шелка, обрабатывались бы внутри самой России, ее железными дорогами и в чужие земли, Голландию, Англию, Францию, Америку, тысячами кораблей по водам Финского залива и Балтийского моря».

Прошло всего 25 лет между написанием приведенных выше отрывков, в которых так отрицательно относились к промышленности, считали её началом и оплотом всех бедствий, и этим дифирамбом той же самой промышленности. Развитие страны шло, экономическая необходимость выдвигала новые требования и то, что казалось и дико, и нѐнужно, стало так близко, так понятно. И нельзя не отметить, что этот проект,

только что нами приведенный, опять-таки заскочил лет на 50—100 вперед. Ведь он, конечно, не называя таких слов, говорит о достижениях будущего. Ведь сущность его заключается в том, что доказывается необходимость для России проведения, и быстрого (подобно подвигам Геркулеса, а известно, что Геркулес свои подвиги делал молниеносно) железных дорог, перерезывающих Россию, соединяющих Петербург с периферіями, затем необходимость соединения под Петербургом в удобных местах ряда больших мануфактурных учреждений, перерабатывающих, как указывал автор (мною это подчеркнуто курсивом) «большую часть льнов и пеньки ныне сплавляемых изнутри России, всю хлопчатую бумагу, ныне ввозимую из Америки, множество шелков в различные ткани». Тут доказывается необходимость такой концентрации производства, образование такого громадного треста, возникновение которого, конечно, вполне немыслимо было в 1839 году. Но появление таких рассуждений, таких проектов ясно свидетельствует о громадной эволюции, испытанной страною и, конечно, еще далеко не осознанной людьми.

Затем этот отрывок, извлеченный нами из «Северной Пчелы» 1839 года и перепечатанный в то время чуть ли не всеми журналами и газетами, интересен еще и в узком смысле для истории Петербургской промышленности. Он восстанавливает дату развития промышленности по Шлиссельбургскому тракту, причем указываются и причины устройства здесь этих новых промышленных учреждений: а причины эти следующие — проведение Обводного канала соединило эту местность с морем, с Кронштадтом, с нашим портом—английский уголь, американский хлопок может легче доставляться; берег Невы, во-первых, благоприятствует устройству паровых машин—(источник воды здесь же, не нужно проводить водопроводов), во-вторых, помощью той же самой Невы удобно доставлять необходимое топливо, и наконец та же самая Нева, как часть Мариинской системы, доставит извнутри России нужные для обработки полуфабрикаты и она же будет способствовать распространению уже изготовленных на этих фабриках продуктов по России.

Таким образом, развитие промышленных заведений по Шлиссельбургскому тракту было вполне естественно. Автор

статьи, нами цитированной высказал или вернее указал на новую мысль, на то явление, которое в его время зарождалось и значение которого он не вполне понимал. Ведь автор поехал и ходил по сельцу Муравьеву-Покровскому и рисовал перед собою картину как это сельцо, эта помещичья усадьба превратится в мануфактурный городок. Автор желает этого, автор приглашает к этому и владельца села, и «смышленных предприимчивых мануфактуристов»—но ведь это и должно было стать, ведь в этом и была дальнейшая эволюция развития Петербурга. Фабрика должна была отходить на ту окраину, которая была сперва дачею, пригородною усадьбою, а затем стала входить в состав города.

И здесь же, на этом тракту имеется разительный пример такой эволюции, пример настолько характерный и—можно сказать—красочный, что мимо него пройти невозможно—мы вспоминаем село Александровское, превратившееся в Обуховский сталелитейный завод.

«Вдовствующая княгиня Вяземская намерена принадлежащую ей мызу Александровку, которая находится на Шлиссельбургской дороге в 10 верстах от Санктпетербурга, продать всю вместе или особыми отделениями. Мыза сия заключает в себе 3 деревни, знатные леса, хлебородные поля, богатые сенокосы и притом огромное господское здание, многие по местоположению своему для заводов способные строения и большие и малые летние жилья с огородами» [3]).

Было барское имение. Вернее, впрочем, был кусок земли, почему-то называемый государственным имением и принадлежавший государству в лице его правителя. Этот кусок земли с живущими на нем крестьянами отдан был «за верную службу» одному из приближенных, вельможе. И вельможа строит здесь себе подгороднюю усадьбу. Этот вельможа прикован государственною службою к столице, он не может уезжать на лето в свои родовые имения. Возникает барский дом на берегу реки, дом в классическом стиле, с громадным порталом. Недалеко от господского дома строится церковь. А кругом этих зданий вдоль по берегу и на противоположной стороне Шлиссельбургского тракта в беспорядке раскидываются службы, флигеля, оранжереи—возникает как будто маленький городок, который оживает только летом.

Но вельможа умер. Умерла и его покровительница, дав-шая ему этот уют и поддерживавшая возможность пользоваться этим уютом, и «вдовствующая княгиня Вяземская» спешит про-дать эту пригородную усадьбу, которая, конечно, дохода не дает, но на содержание и поддержание требует значительных сумм. В об'явлении о продаже кн. Вяземской проглядывает уже но-вая нотка: оказывается, что «многие здания в этой усадьбе способны для заводов», уже чувствуется, что усадьба умирает, что должна народиться фабрика. Но такое положение, в каком находится кн. Вяземская, испытывают и другие вельможи, среди них нет охотников на покупку барского имения, а предприимчи-вых мануфактуристов еще не имеется, и на помощь должно, ко-нечно, притти государство, приобретя это имение или само, или чрез своих агентов.

На сцену является новое действующее лицо—аббат Оссов-ский. В 1798 году он подносит Павлу I проект введения в России незадолго до того изобретенного в Англии механического пря-дения бумаги, шерсти и льна, усилить нашу «мануфактурную про-мышленность», приблизить ее к России. Павел I одобрил этот проект, дал денег. Оссовский купил у княгини Вяземской про-дававшееся ее имение и хотел основать здесь Александровскую мануфактуру, но не успел привести свой проект в исполнение— в 1799 году он умер. Однако, идея его с ним не умерла, и во-плотить эту идею в жизнь должна была императрица Мария Федоровна и подчиненный ей Воспитательный Дом.

Всем известно, что для развития нашей промышленности в XVIII и первой половине XIX века самым большим тормозом служило неимение достаточного количества рабочих, так как население было крепостное и не могло «свободно» уходить на фабрику и предлагать свой «свободный» труд. И намереваясь ввести в российскую промышленность новое английское изобре-тение—механическое прядение бумаги, Оссовский предполагал для него найти и особых рабочих—рабочими должны были быть вос-питанники воспитательного дома, вот почему после смерти Оссовского его начинание должен был продолжать Воспитатель-ный дом. И в конце концов рабочий штат этой мануфактуры выразился следующим образом [4]): «Число людей, занимающихся работами на мануфактуре, простирается до 2700 человек. Не мно-

гие из них получают жалование за время, но большинство работает по задельной плате. Всего людей, принадлежащих к мануфактуре и живущих около нее, включая женщин и детей, считается до 4000 душ. Люди сии разделяются на шесть разрядов, а именно:

1) питомцы Воспитательного Дома, обоего пола, несовершеннолетние;

2) таковые же питомцы, оставшиеся по совершеннолетии своем на сроки;

3) такие же питомцы, выслужившие свои сроки и оставленные здесь по обоюдному соглашению, правления мануфактуры и их собственному;

4) казенные и приписные к мануфактуре мастеровые;

5) инвалиды из трех рот, расположенных здесь для содержания караулов и работы;

6) вольнонаемные, коих ныне (в 1831 году) бывает около 1000 человек, приходящие как из деревень, приписных к мануфактуре, так и из других мест.

«Несовершеннолетние воспитанники, коих находится ныне около 800 человек (до 600 мужского и 200 женского пола), получают от мануфактуры, кроме заработной платы, полное содержание пищею и платьем; обучаются чтению, письму и, смотря по способностям, другим высшим, но приличным их званию наукам, как-то: черчению, рисованию и проч. Прилежно смотрят за их поведением, чистотою и опрятностью: спальни у них просторные, светлые и отменно чистые. Всякий день в часы отдыха занимают их движением и играми, того требующими, в хорошую погоду — на дворе (у девушек есть для сего особый сад), а в ненастную и холодную в больших рекреационных залах. Кормят сытным, вкусным и здоровым кушаньем; обыкновенно подают две, а в праздник три перемены оного; в день обходится около 21 коп. на человека. Обедать и ужинать собираются все питомцы обоего пола в одну обширную столовую...

«Питомцев, занимающих при мануфактуре разные должности, как-то смотрителей, мастеров и пр., находится до 90 человек. Для занемогающих питомцев устроен при мануфактуре лазарет на 150 человек. При нем имеется аптека и два всегдаш-

них лекаря. Прачешная и кухня паровые, едва ли не первые по времени у нас в сем роде, замечательны по своей уютности.

«Для детей мастеровых и женатых воспитанников, живущих вне мануфактурной ограды, устроена особая школа в двух отделениях, из коих в одном мальчики, а в другом девочки обучаются чтению и письму по методе взаимного обучения.

«По заведенному с 1823 года порядку, откладывается ежемесячно половина (а кто хочет и более) из задельной платы от каждого питомца обоего пола, работающего на мануфактуре, кроме женатых и замужних. Сии вычитаемые деньги общею суммою отсылаются ежемесячно в сохранную казну Воспитательного дома для приращения из процентов. Каждому питомцу в его сумме ведется особый счет. Когда мужчина женится или девушка выходит замуж, или они перестают служить на мануфактуре, деньги их и с накопившимися процентами выдаются им по желанию. Таковых денег получают они от 100 до 1500 р., смотря по мере их жалования, и по продолжению времени работы. Общая сумма, обращающаяся беспрерывно в процентах, бывает около 85.000 рублей. С того времени выдано около 150.000 р.».

По этому описанию «Северной Пчелы» Александровская мануфактура была вторым Эльдорадо. Но на самом деле это был скверный рабочий дом, с работою из-под палки, с сильным принуждением, с работою кое-как, лишь бы сбыть заданный урок. И из приведенного выше разделения рабочего населения мануфактуры мы видим, что желание иметь фабрику с особыми своими специальными рабочими не удалось, на фабрике были и «приписанные» и «вольные», т. е. состав рабочих был такой же, как и на прочих фабриках, воспитанники Воспитательного дома были незначительным процентом, они служили как бы декорациею, их показывали, когда нужно было похвастаться.

Разрослась и сама фабрика. Во всех зданиях мануфактуры помещались следующие фабрики: 1) бумагопрядильня, на которой получалась почти половина бумажной пряжи, вырабатываемой в России; 2) льно- и пенько-прядильни; 3) ткацкая, в которой имелось 75 механических и 275 ручных станков и вырабатывалось парусное, фламское и других сортов полотно, до 600.000 аршин в год, цветные салфетки, узорчатое сто-

ловое белье; 4) чулочная; 5) обширная механическая, с присоединенными к ней бердной, кардной и кожевенной; 6) все машины мануфактуры приводились в действие паровыми машинами 223 лошадиных сил, первая машина была поставлена в 1805 году и явилась первой в Петербурге.

Таким образом Александровская мануфактура производила фабрикат, как тогда говорили, «отменной доброты», обучала работать, изготовляла опытных мастеров, подмастерьев и рабочих из питомцев Воспитательного дома, которые должны были наниматься на другие фабрики и распространять механическое прядение в России; для этого же ремонтная мастерская была расширена до небольшого машиностроительного завода, первого в России. Словом, Александровская мануфактура должна была стать образцом и примером для всей России. Но, конечно, она не сделалась таковою, она влачила жалкое существование, и как только произошла крестьянская реформа, закончила свое существование. В 1862 году началась распродажа товара и машин на Александровской мануфактуре.

Интересно об'яснение неудачи Александровской мануфактуры, которое давалось в то время.

В этом об'яснении, конечно, не говорится прямо о неудаче, наоборот, подчеркивается «блестящее состояние мануфактуры» и в то же время констатируется, что «если принять в рассуждение совершенство, до которого ныне доведено бумагопрядение, выгоду, доставляемую им ныне, по великому требованию у нас бумажной пряжи, прекрасный образец представляемый Александровскою мануфактурою, и удобство, с каким можно достать от нее мастеров и машины сего рода: *если рассудить, говорю, все сие, нельзя не удивляться, видя с какою медленностию распространяются в России бумагопрядильные заведения*». И далее: «Что касается до дешевизны, то в сем случае трудно еще сравняться с английскими прядильнями, по многим обстоятельствам сливающимся к их выгоде. Во-первых, праздничных дней имеется в Англии около 20 в году менее, нежели здесь, а в 20 дней на Александровской мануфактуре сделали бы 1500 пуд. пряжи за теми же расходами, кроме задельной платы. Сия выгода остается, таким образом, на стороне мануфактуриста английского. Во-вторых, англичанину не настоит

надобности содержать при своей фабрике помимо механического заведения для починки повредившихся старых и установки новых машин (на это обстоятельство, как мы увидим ниже, будут делать указание в шестидесятых годах). Он находит их во всякое время готовыми у механиков, около него живущих и занимающихся только деланием машин и машинных частей, какие заказываются. Здешний же фабрикант, не находя около себя ничего подобного, непременно должен содержать подобную мастерскую и отягощаться ею. В третьих, хлопчатая бумага свозится на английские рынки в таком великом количестве, что нигде нельзя выгоднее тамошнего запастись ею. Здешний же фабрикант принужден выписывать годовой запас бумаги почти в одно время».

Если в начале XIX века к промышленности, к рабочему вопросу относились только, так сказать, с философской точки зрения, обсуждали его теоретически, памятуя и будучи убежденными, что этот вопрос не имеет для нас практического отношения, то со средины XIX века от общих положений мало-по-малу переходят к практике жизни.

И таким знамением времени является любопытная книжка, вышедшая в свет в 1847 году в Петербурге.

Эта книжка, до сих пор ускользающая от внимания исследователей, насколько нам удалось установить, носила следующее заглавие: «Болезни рабочих с указанием предохранительных мер, описанные доктором медицины Александром Никитиным». Предисловие к этой книжке и так любопытно, и так ясно выявляет причины появления этой книжки, что мы считаем нужным привести его целиком [5]). Не забудем, что доктор медицины Александр Никитин не представлял из себя чего-либо из ряда вон выходящего, это очень трудолюбивый работник, в большинстве случаев компилятор, постоянный сотрудник «Северной Пчелы», словом—образец вполне благонадежного патриота средней руки. И вот что он писал:

«Жизнь наша в материальном и духовном отношениях тем приятнее и возвышеннее, чем сложнее и разнообразнее наши наслаждения. Но средства, доставляющие нам возможность пользоваться этими искусственными наслаждениями, нередко суть в то же время источниками болезни.

«Каждый шаг вперед, сделанный искусствами или промышленностию, удалял человека от первобытного простого образа жизни и возбуждал наши жизненные силы к деятельности, которая более или менее уклонялась от деятельности, указанной нам природою. Так, *каждое усовершенствование в искусствах и промышленности было куплено ценою телесного здоровья.* С тех пор, как люди начали жить иначе нежели как назначила им природа, с тех пор, как они обратились к промышленности и ремеслам, число болезнетворных причин и число самых болезней умножилось. Для каждого промысла необходимо одностороннее упражнение сил, что мешает развитию прочих телесных способностей. Кроме того, большая часть промыслов сопряжена с такими обстоятельствами, которые подвергают здоровье и даже жизнь промышленников многим опасностям, зависящим или от вредного свойства обрабатываемых веществ или от способа их обрабатывания.

«В общественном быту нашем всего опаснее для жизни и здоровья различные отрасли промышленности и искусств. Поэтому врач должен обращать также внимание на ремесла, чтобы познакомиться с болезнетворными причинами в них скрывающимися и быть в состоянии предотвращать влияние их на человеческое тело.

«Весьма трудно представить болезни рабочих в систематическом порядке, так, чтобы не было частого повторения об одном и том же предмете. Следующее разделение этих болезней на шесть классов казалось нам удобнее, а именно:

I) болезни, причиняемые животными испарениями;

II) болезни, причиняемые растительными испарениями;

III) болезни, причиняемые испарениями или частицами тел из трех царств природы в совокуплении;

IV) болезни, причиняемые способом отправления различных занятий и работ;

V) болезни, причиняемые металлическими частями;

VI) болезни, причиняемые удушливыми и ядовитыми газами.

«Болезни рабочих составляют столь важный предмет, что уже издавна занимали они знаменитых врачей, из коих довольно здесь назвать Эцил, Боллу, Фернели, Эттмюллера, Рамаццани, Фуркруа, Патиссье, Акермана и из новейших, Чальфорта.

«Но, к сожалению, доселе нет еще полных статистических таблиц смертности, происходящей от влияния ремесл, художеств и промышленности на состояние нашего здоровья. Эти таблицы послужили бы для нас большим пособием в выборе занятий, сообразных с телосложением, и облегчили бы нас в показании предохранительных мер.

«Желая сколько-нибудь познакомить наших промышленников, ремесленников и проч. с невыгодами, сопряженными с производством их занятий, и указать на меры предосторожности, зависящие собственно с их стороны, предлагаем краткое описание болезней, которые наичаще случаются у людей в ремесленном, мастеровом и промышленном быту. *Чтоб мастеровые сами могли пользоваться чтением нашей книги, мы старались написать ее слогом, понятным для каждого*» (курсив, как и раньше наш).

Конечно, классификация болезней, для современного понимания, довольно трудна: какая разница между «животными и растительными испарениями» и «удушливыми и ядовитыми газами», что надо понимать под «частицами тел из трех царств природы в совокупности» — конечно, ответить на эти вопросы сейчас трудно. И в дальнейшей своей классификации болезней автор допускает ряд странностей, конечно, с нашей точки зрения. Так, например, он начинает свое описание с «болезней работников, занимающихся чисткою отхожих мест» и ставит эти болезни в один класс с болезнями «поваров», «хожатых за больными», «повивальных бабок» и «изучающих анатомию на трупах»; далее, почему болезни парикмахеров суть болезни, причиняемые растительными испарениями и их надо соединить с болезнями «парфюмеров, конфетчиков и трубочистов»; наконец, принадлежит ли занятие «уличных крикунов» к занятиям ремесленным и почему уличных крикунов надо поставить в один ряд с «солдатами», точильщиками, игольщиками, типографщиками и портными? Но нельзя забывать, что эта книга написана в 1847 г. И этот год заставляет еще с бóльшим уважением отнестись к автору, стремившемуся писать таким слогом, чтобы книгу мог понять каждый мастеровой.

«В наше время — так начинает автор описание болезней табачных фабрикантов [6]) — употребление табаку, особенно кури-

тельного, весьма распространилось; ныне даже женщины курят табак. Составляя предмет роскоши, зелие это доставляет много выгод занимающимся его разведением и изготовлением. Но люди, возделывающие табак, подвергаются различным болезням (необходимо вспомнить эти описания ниже, когда будет речь о табачных фабриках). При развертывании и стряхивании листьев этого растения, свернутых на подобие веревки отделяется большое количество пыли, так что работники, не совсем привыкшие к этому роду занятий, претерпевают сильную боль и кружение головы, тошноту и беспрестанный насморк. Живущие близ табачной фабрики чувствуют неудобство этого соседства особенно летом и жалуются на тошноту. Одна девочка-еврейка, занимавшаяся в продолжение целого дня развертыванием табачных листьев, страдала рвотою и кровавым поносом. Лошади, употребляемые для приведения в движение табачной мельницы, чувствуют тошноту от острой табачной пыли, начинают кашлять, храпеть и качают головою. Люди, занимающиеся обрабатыванием табаку, вообще *тощи, бледны лицом, желты, страдают удушьем;* иные же не терпят никакого неудобства от этой работы и менее подвергаются гнилым горячкам, нежели не привыкшие к табаку. Для предохранения себя от действия табачной пыли, работники должны покрывать себе лицо кисеей, вдыхать чистый воздух, мыться свежею водою и полоскать себе рот водою, разведенною уксусом. Для уменьшения раздражения, производимого на дыхательные органы испарениями табаку, надо пить сыворотку, эмульсию дынных семян, ячный взвар. Иногда полезно рвотное, чтобы освободиться от проглоченной пыли.

«Каде Гассикур заметил, что те работники, которые мелют табак, охотно пьют водку, но не суть пьяницы.

«Все врачи соглашаются в том, что излишнее употребление табаку опасно, и многие факты, приводимые авторами, подтверждают это... Но известнейшие врачи утверждают, что табак имеет целительные свойства и помещают его между лекарствами. Само собою разумеется, что нельзя хвалить неумеренного употребления этого зелия...»

Как видно из приведенного отрывка, автор говорит не только о болезнях ремесленников, но и о вреде и пользе са-

мого производства, об его характерных особенностях, о потребителях, словом о многих вещах, не имеющих прямого касательства к разрабатываемой теме. Но такова была манера писать.

Приведем еще ряд отрывков. «Струнные мастера приготовляют кишки животных для различного употребления. Трудно описать запах, отделяющийся в мастерской, где производится эта работа; никто из посторонних не может долго переносить его; но работники, повидимому, не поражаются им. Однакож многие между ними бледны, тощи, имеют опухоль ног. Употребление растительной пищи, горьких кислых веществ, вина и водки наиприличнее этому классу рабочих. Все заведения, где отделяется отвратительный зловонный запах, должны быть устроены вне города». «Женщины, которые гладят белье, подвержены припадкам от угольных паров, действующих на них во время нагревания утюгов; если глажение производится в тесном покое, где воздух спертый, то нередко гладильщицы впадают в смертоподобие. Для избежания этого они должны работать у открытой форточки». И, наконец, «вообще от сидячей жизни делается перевес лимфатической системы над мышцами, нервами, кровеносными сосудами; от этого происходит бледность лица, золотуха, английская болезнь, засорение желутка, цынга, сухотка, нервные припадки, лишай, чесотка и другие сыпи. От работ, соединенных с сидячею жизнью, происходят страдание почек и геморроидальные припадки; женщины подвергаются белям и имеют неправильное месячное кровоочищение. Весьма трудно предупреждать и лечить эти болезни, потому что мастеровые так привыкают к сидячей жизни, что они не любят и даже боятся телодвижения. Впрочем, можно советовать им:

1) чтобы они держались, стоя или сидя, в прямом положении, сколько позволяют занятия, переменяли оное и прогуливались бы на свежем воздухе во время отдыха, вместо того, что они ходят в питейные дома и трактиры или забавляются какою-либо игрою в сидячем положении;

2) соблюдать опрятность, мыть руки и лицо несколько раз и ходить по временам в баню;

3) работать в саду, копать землю, сажать деревья, полоть в часы досуга».

Конечно, эти советы при 15—16 часовом рабочем дне «мастеровые» и «ремесленники» едва ли могли выполнять.

В 1853 году в Черниговских губернских Ведомостях появилась статейка Н. Р. «Выгодно ли нам употреблять паровые машины». По обыкновению того времени, эта статья была перепечатана большинством других губернских ведомостей. Эта статья очень характерна прежде всего тем, что, поставив вопрос, автор не дает на него прямого ответа Он заканчивает свою брошюрку так:

«Теперь я надеюсь, читатель, что Вы, конечно не затруднитесь, зная местную цену дров, сказать—сколько придется в данном месте платить паровой машине за силу обыкновенной лошади. Зная плату, которую от Вас потребует другой двигатель, Вам нечего будет колебаться, какому из них отдать предпочтение [7])».

Из этого места вполне ясно, что в России могут находиться такие местности, в которых цена топлива (дров) так велика, что будет дешевле применять не паровую машину, а обыкновенную лошадь. Говорить это прямо считалось уже неудобным, но поставить читателя в такое положение, что для него была бы ясна невыгодность употребления паровых машин, признавалось возможным. При этом значительная часть брошюры посвящена была «математически-механическим исчислениям», сравнению единицы силы паровой машины с единицею силы обыкновенной лошади.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Таблица движения петербургской промышленности с 1862 по 1914 год. — Анализ этой таблицы. — Табачная промышленность.—Синдицирование ее.—Табачный трест.—Как переместился центр петербургской промышленности.

Перед нами (стр. 114—115) таблица движения петербургской промышленности со времени реформы 19 февраля 1861 года по 1914 год, т. е. за то время, когда в России зарождалась и развивалась промышленность. В этой таблице приведены данные за 1862, 1868, 1879, 1884, 1890, 1895, 1903, 1909 и 1914 года, т. е. через пять лет (промежуток между 1868 и 1879 годами в десять лет) в каждом годе указываются три числа: 1) количество заводов и фабрик, 2) количество рабочих на них и 3) оборот в тысяч. руб. Все фабричные производства разбиты на 9 классов—1) обработка волокна, 2) дерева, 3) химических материалов, 4) сала, жира, 5) кожи, 6) минеральных веществ (кирпичное, гончарное, стеклянное, фарфоровое), 7) металлов, 8) пищевых продуктов, 9) табака. Конечно, первый вывод—значительный рост петербургской промышленности. С 234 фабрик и заводов с 19.324 рабочими и с 36.373 тысячами рублей оборота в 1862 году петербургская промышленность достигла в 1914 году 582 фабрик, 167,013 рабочих и 565.570 т. рублей оборота. Но рассмотрим приведенные цифры несколько подробнее и мы увидим:

число промышленных заведений увеличилось в два раза;
число рабочих почти в десять раз;
сумма оборота тоже в десять раз.

Эти соотношения цифр очень знаменательны, мы видим, что увеличивалось не только число фабрик, но увеличивалась сама фабрика или сам завод. Капитализация производства ясно видна из этого исчисления. Но для некоторых групп производств это положение подтверждается прямо с поразительным эффектом.

Табачное производство в 1862 году выражалось в 39 фабрик с 1795 рабочими и 2406 т. р. оборота, т. е. на одну фабрику падало около 43 рабочих, с 62 т. р. оборота. Эти цифры на самом деле были значительно меньше: так на двух-трех фабриках количество рабочих выражалось в сотнях, а на остальных даже не в десятках, а единицах, т. е. в большинстве случаев перед нами были не фабрики, а ремесленные заведения, обложенные только акцизом. В 1914 году число фабрик уменьшается до 7, или вернее до 6, так как две фабрики, сохранив свои прежние названия, стали принадлежать одной фирме, но количество рабочих, падающих на каждую фабрику, увеличилось до 1260 человек, а число оборота—до 4000 т. р. на каждую фабрику,— перед нами уже не маленькие ремесленные заведения, платящие акциз, а настоящая капиталистическая фабрика. Пройдет еще несколько лет, и тот процесс синдикации табачного производства, который только начинался в это время, вполне оформится. «Табаководство—писал Цыперович в своей работе «Синдикаты и Тресты в России»—в России совершенно не организовано и распылено по крестьянским хозяйствам или плантациям Закавказья, Крыма, Бессарабской, Харьковской и других губерний. Прежде, чем попасть в переработку, табак проходит через руки многочисленных посредников уже давно работающих «рингами» и оказывающих на мелких производителей давление, от которого они освободиться не могут, главным образом, благодаря своей распыленности. Вместе с тем посредники - спекулянты долгое время держали в своей зависимости и фабрикантов табачных изделий, перепродавая им сырье по значительно повышенным против закупки ценам. Первые попытки синдицирования табачного производства были направлены преимущественно против этого двустороннего паразитического посредничества, но в конце концов соглашения фабрикантов раздвинули свои рамки и поставили себе более широкие самостоятельные задачи. К началу войны организационная об'единительная работа крупных фабри-

Движение Петербургской промы

	1862 г.			1868 г.			1879 г.			1884 г.		
	Производство.	Рабочие.	Оборот.	Производство.	Рабочие.	Оборот.	Производство.	Рабочие.	Оборот.	Производство.	Рабочие.	Оборот.
Класс 1.												
Обработка волокон. . .	77	8477	12964	82	9901	15334	148	20672	36270	140	14189	35289
Класс 2.												
Обработка дерева . . .	14	423	392	12	444	338	60	1843	2255	56	2068	2181
Класс 3.												
Обработка химических веществ.	12	146	306	26	434	1561	37	824	2584	37	800	2931
Класс 4.												
Обработка сала, жира .	31	295	1823	20	631	3983	16	829	7908	13	698	7056
Класс 5.												
Обработка кожи	32	1021	2690	34	996	3371	53	2814	12239	42	2331	8587
Класс 6.												
Обработка минеральных веществ.	34	533	485	16	403	206	26	2680	1423	30	981	1002
Класс 7.												
Обработка металлов . .	60	5713	3416	62	6825	15340	127	22458	40278	124	16972	27914
Класс 8.												
Обработка питательных веществ.	25	1921	11891	27	1233	2573	75	4755	27692	74	4858	35006
Класс 9.												
Обработка табака . . .	39	1795	2406	36	1726	1001	23	6918	11534	19	8512	11614
	234	19324	36373	309	22593	43707	565	63793	142183	535	51409	141590

Обороты—в тысячах рубл.

шленности за 1862—1914 года.

1890 г.			1895 г.			1903 г.			1909 г.			1914 г.		
Производство.	Рабочие.	Оборот.	Производство.	Рабочие.	Оборот.	Производство.	Рабочие.	Оборот.	Производство.	Рабочие.	Оборот.	Производство.	Рабочие.	Оборот.
124	24279	49280	107	21505	55118	98	37919	69751	107	46321	94751	124	48017	125956
36	1805	1712	25	1284	2713	40	4046	5318	58	4264	8084	50	4501	10297
44	1170	3543	42	2117	9017	34	7655	28098	38	9888	49009	72	14777	117742
13	786	5658	15	939	5514	25	4511	18835	27	6924	28792	48	8255	39570
30	2408	5782	22	2949	7482									
32	1447	1772	29	1333	1623	27	2724	2864	25	1242	1766	25	2551	2158
123	20816	35088	73	15825	30383	155	49321	79650	176	38735	94641	266	69190	202255
70	5060	33026	36	5196	2294	47	5255	26827	84	11317	59305	90	12142	43577
14	7250	13536	11	8043	11058	9	7066	15210	9	6930	12810	7	7580	24025
486	61021	145639	360	64191	125202	435	118487	245953	499	119421	349158	582	167013	565570

кантов зашла так далеко, что у них появилась возможность, опираясь на содействие иностранных, преимущественно французских и английских, а также русских банков, сделать попытку организации у нас табачного треста. В 1912 году петербургская табачная фабрика «Лаферм» об'единилась с предприятиями товариществ «А. Н. Богданов и К°» и «Дукат». В 1914 году договор между ними был прекращен, так как в руки фирмы «Лаферм» перешло достаточное число паев «А. Н. Богданов и К°» и «Дукат», чтобы образовать настоящее слияние или трест этих трех предприятий. К началу войны табачный трест охватывал 14 крупнейших фабрик и контролировал до 70% всего производства табачных изделий, т. е. количество, гарантирующее ему почти полное господство на внутреннем рынке. Как и прочие аналогичные организации, табачный трест прежде всего повел беспощадную борьбу с посредниками, захватив в свои руки скупку сырья, а затем приступил к регулированию цен на внутреннем рынке. Результаты многократного повышения цен на табачные изделия за последние годы привели к тому, что предприятия, входившие в трест, повысили свою доходность за время войны на 70% слишком по сравнению с 1913 годом. Так, например, согласно отчетам фабрик Лаферм, Асмолова, Богданова, Шапошникова, Дукат, Стамболи, Шапшал и Габай за 1915 год, этими предприятиями было получено чистой прибыли 6.768.200 р., что составляет 24% на их основной капитал, тогда как в 1913 году этими же предприятиями было получено чистой прибыли 3.722.000 р., т. е. 14% на их основной капитал, равнявшийся 26.800.000 р. Следует отметить, что барыши участники треста получили благодаря повышению цен не только на более дорогие сорта, но и на дешевые, которыми обильно снабжалась русская армия».

Затем из нашей таблицы мы видим, как переместился центр петербургской промышленности. В 1862 году главной отраслью промышленности в Петербурге были фабрики, обрабатывающие волокно, их было 77, с 8477 рабочими и с 12964 т. рублей оборота; в 1914 году центром петербургской промышленности стали предприятия, обрабатывающие металл,—число их выразилось в 266 фабрик с 69.190 рабочими и с 202.255 т. оборота в то

время как текстильные заведения давали для того же 1914 года следующие цифры: 124 фабрики с 48.017 рабочими и с 125.956 т. р. оборота.

Как мы видели выше, обработка волокна особенно усиленно прививалась в Петербурге,—вспомним Александровскую мануфактуру. Но как только тормоз—крепостное право—задерживавший развитие нашей промышленности, лопнул, промышленность пошла не по тому пути, который ей указывался свыше различными предначертаниями, распоряжениями, циркулярами, а который соответствовал ее выгоде. Обработку же волокна было выгоднее производить не в Петербурге. Наоборот, железная промышленность, которая зависит главным образом от казенных заказов, как это мы достаточно осветим в следующей главе, которая не имела достаточного потребителя в гуще населения, передвигалась на периферию, так как тут было легче использовать всякие связи, всякие комбинации...

Любопытная мелочь. Все статистические пособия, указывающие число фабрик в России, издаваемые Министерством финансов, начинались с перечисления фабрик, обрабатывающих волокно—обработка хлопка, обработка шерсти и т. д., обработка металла указывалась на одном из последних мест—VII или VIII группа или класс. Но в списке фабрик, изданном Советом с'ездов представителей промышленности и торговли в 1914 г., на первом месте стоит горное дело, на втором обработка металлов, а обработка волокна только на 9 месте. Это мелочь, но она очень характерна, она с замечательною яркостью подтверждает взгляд, что бытие создает сознание...

За 1914 год, мы видим, что самые значительные текстильные фабрики с самым большим количеством рабочих и с самыми крупными оборотными средствами принадлежат уже не отдельным фабрикантам, а Акционерному Обществу Воронина, Лютш и Чешер,—они имели 6 текстильных фабрик в Петербурге с 4444 рабочими ($^1/_{11}$ часть всех рабочих) и с 20.500 т. р. оборота ($^1/_6$ часть оборота всех фабрик).

Общая схема развития российской промышленности находит полное обоснование в этой таблице. Эту таблицу нужно особенно не забывать тогда, когда мы будем рисовать себе картину положения рабочего по официальным сведениям.

II.

Издание книги к выставке в Чикаго.—Особенности русского рабочего.—Русский рабочий одновременно и землевладелец, и номад промышленности.—Пища рабочих.—Случай на кожевенном заводе Егорова.—Заводские магазины.—Квартирный вопрос в описании старшего фабричного инспектора.—Квартиры для рабочих.—Угловая квартира.—Общество для улучшения в С.-Петербурге жилищ рабочего и нуждающегося люда.—Комиссия об исследовании рабочих жилищ. — Эрисман. — Мнение Сан-Галли о рабочей колонии.—Значение, придаваемое этим колониям.—Чувство собственника.—Заработная плата.

Мы указывали, что фабриканты, техники и технические деятели в 1870 году публично заявили, что для большинства положение рабочего в России совершенно неизвестно, что необходимо поэтому приступить к изучению и выяснению этого положения.

Через 25 лет, когда мы готовились к Всемирной Колумбовой Выставке в Чикаго, пришли к убеждению, что необходимо дать европейцам возможность познакомиться как с положением русской промышленности, так и русского рабочего. И была издана книга «Фабрично-заводская промышленность и торговля России»—через три года, в 1896 году, эта книга была дополнена и переиздана. И вот, пользуясь ею, попробуем нарисовать картину положения рабочего, не забывая, что это официальное описание.

Из этого описания[2]) прежде всего «просвещенный европеец», а затем и «россиянин» узнавал, что «фабричный рабочий в России есть в то же время и «*землевладелец*» (курсив и кавычки мои), по крайней мере, в громаднейшем большинстве случаев; для него фабричный труд *обыкновенно* (курсив мой) не служит единственным средством существования, а только лишь подспорьем к труду земледельческому, является придатком к тому, что он получает от своего поземельного участка. Землю свою он любит, для фабрики неохотно ее покидает, с деревнею своею поддерживает постоянные сношения, отправляется туда ежегодно для свидания с родными, а чаще всего для полевых работ. Отсюда в русской фабричной жизни встречаются явления, которые *в*

других странах редки или которых совсем нельзя найти (курсив мой). Так, владея поземельною собственностью, русский рабочий может сохранить большую независимость при заключении договора с фабрикантом; может при этом больше запрашивать от него за свой труд, чем если бы он оставался совсем бездомным и безземельным. Правда (как великолепно и это «правда» и весь следующий за ним абзац!), своим относительно независимым в экономическом отношении положением русский рабочий не всегда пользуется, что происходит от многих, впрочем, большею частью временных и случайных причин и, между прочим, и от степени его благосостояния, как землевладельца. Тем не менее, при заключении с хозяином фабрики договора он постоянно имеет возможность в виду, в случае неудачи переговоров, вернуться в родную деревню, где он все-таки найдет себе и теплый угол, и кусок насущного хлеба».

И такие измышления писал старший фабричный инспектор, т. е. лицо вполне авторитетное, который, кроме теории, имел громадный опыт. И эти строки писались в 1896 году, а между тем ведь они—простой пересказ того, что в начале XIX века писал не фабричный инспектор, а просвещенный дворянин—владелец крепостных душ.

Далее этот же старший инспектор продолжал:

«Оставаясь в сущности земледельцем, считая земледельческий труд для себя главным, русский рабочий вообще мало заботится об усовершенствовании себя в той или иной отрасли промышленности, редко когда делает ее своею специальностью. Он часто переходит с одной фабрики на другую, иногда по характеру своего производства ничего общего с первою не имеющую: с бумагопрядильни, например, переходит на стеклянный завод и наоборот».

Говоря, что рабочий в большинстве случаев имеет землю, и она позволяет ему торговаться и не попадать в кабалу—фабричный инспектор подчеркивает, что нигде в свете нет такого заработка как в России и приводит цифры, действительно, поражающие своим размером; заработок рабочего колеблется от 88 р. 54 копеек до 606 рублей—наивысший, причем средний заработок петербургского рабочего — 232 рубля в год, при 288 днях в год и в дне—12 часов. Этот заработок, по мнению

ученого официального исследователя, достаточен, вследствие ряда причин. На первую причину (рабочий в то же время землевладелец) мы указали. Вторая причина—рабочий в России из получаемой им платы тратит относительно незначительную сумму на удовлетворение таких, например, потребностей, как пища, жилище, одежда в сравнении с тем, что мы видим в этих отношениях в других странах. Являясь на фабрику из деревни, рабочий приносит с собою оттуда и свои скромные потребности поселянина. Пища его простая: она состоит из щей с говядиной (суп с кислой капустой) и каши с маслом за обедом и ужином, а за завтраком и полдником (в 6 ч.) рабочие пьют чай с черным или белым хлебом. В постные дни говядину заменяет для них рыба и овощи, а напитком и притом любимым служит квас. (На какой же фабрике рабочий получает 4 передышки в день не указано, да и таких фабрик не было, на фабриках делался только обеденный перерыв). А дальнейшие рассуждения являются уже апогеем бесстыдства: «Стоимость такой пищи значительно удешевляется тем обстоятельством, что в России на фабриках известных производств харчевание рабочих хозяин часто берет на свой счет. Имея возможность покупать с'естные припасы из первых рук, оптом, и притом на наличные деньги, хозяин фабрики тем самым удешевляет значительно пищу рабочего, без ущерба однако же ее качеству»!!! И это писалось серьезно, писалось в ученом сочинении, редакторами которого были Менделеев, Ковалевский, Ланговой!

Конечно, на указание способа приготовления пищи хозяином можно привести целый ряд фактов, хотя бы подобных следующему [3]):

«Частный врач Васильевской части, с членами полиции произвел осмотр кожевенного завода купца Федора Егорова (Кожевенная линия № 33) и нашел следующее.

Отдельная артель рабочих финляндцев, состоящая из 12 человек, употребляет в пищу обрубки кож, привозимых на завод для выделки. Найденный при осмотре не с'еденный еще остаток приготовленного из них кушанья, весом около 2 фунтов, представляет темную изжаренную массу, состоящую из сала, хрящей, от ушей, обрезков кож с волосами, с значительною примесью сора и мочал. О степени гнилости и испорченности

составных частей этого явства трудно судить, так как оно сильно прожарено. Присутствие сора и мочал об'ясняется тем, что сырые кожи валяются по земле и грязным полам, без всякой заботливости об опрятности. Употребление в пищу подобных обрезков не может не быть признано вредным для здоровья и должно быть строго преследуемо хозяевами кожевенных заводов. Купец Егоров был уже предварен об этом».

Дело поступило в мировой суд и там представитель полиции показал, что 12 рабочих завода продолжают употреблять в пищу обрезки сырых кож, соскобленную с них мездру и жирные частицы... «Сырые кожи снимаются и с палого скота, следовательно обрезки их та же падаль».

Нарисовав «идиллию» с пищею, заготовляемой для рабочих фабрикантом, автор исследования начинает восхищаться и «фабричным» магазином:

«Имеются для рабочих магазины, по размеру своих оборотов, а также по многочисленности и разнообразию в них продаваемых товаров, не уступающие иногда столичным магазинам. Тут всякий рабочий может забирать в кредит, в счет заработка по рыночной цене, а иногда и дешевле все, что ему нужно для домашнего обихода, начиная от предметов первой необходимости до предметов роскоши (это при годовом заработке в 88 р. 54 к. покупать предметы роскоши!). Существование при фабрике магазина нисколько, однако, не мешает рабочему забирать товары и на стороне, там где он найдет для себя более удобным и выгодным, но рабочие этого избегают, как это можно видеть, между прочим, из того факта, что с открытием магазина при фабрике мелкие лавки, которые обыкновенно в большом количестве ютятся близ фабричных корпусов и в которых нередко недоброкачественность продуктов сопровождается и дороговизною, сами собою закрываются, потому что они не могут конкурировать с фабричной лавкой».

Этим не удовлетворяется фабричный инспектор и переходит к описанию «квартир». «Что же касается до квартирного— читаем мы—то русский рабочий и в этом отношении в большинстве случаев обеспечен. По установившемуся, в силу условий русского быта, обычаю при почти каждой крупной фабрике, находящейся вне густо населенной местности имеются спе-

циально построенные для жилья рабочих здания. В таких зданиях рабочие получают квартиры с отоплением, а часто и с освещением или бесплатно, или за плату, размер которой обусловливается типом здания, а также величиною и числом комнат в квартире. При русских фабриках существуют собственно три типа жилых помещений для рабочих: во 1-х, тип казарменного характера. В громадном многоэтажном корпусе устроен ряд просторных, светлых и хорошо вентилированных зал для общего жилья; каждая зала снабжена от хозяина или койками, или палатями с постелями (матрацом, подушками, набитыми соломою). Рабочие женатые, холостые, а также девушки и одинокие замужние женщины занимают обыкновенно особые залы. При здании устроена общая кухня и столовая. Во 2-х, здания с отдельными квартирами. Обыкновенно каждый этаж здания разделяется на две части коридором, по обеим сторонам которого расположены отдельные небольшие комнаты для семейств от 3-х до 5-ти человек. В зданиях такого типа отдельных столовых обыкновенно не бывает, а имеется в каждом этаже особая общая кухня и в ней громадных размеров печь, в виде башни, проходящей по всем этажам со множеством очагов для варки пищи. Тут же в кухне или в особом помещении находится куб с горячею водою для чая и для удовлетворения других нужд рабочих. В комнатах кровать с постелью и вообще мебель рабочие имеют свою собственную, точно также и освещение квартиры они должны брать на свой счет. На обязанности фабричной администрации лежит только отопление квартир и вообще освещение лестниц, коридоров, кухни. Наконец, третий тип жилых помещений и притом наиболее любимый русскими рабочими, но, к сожалению, недостаточно еще в России распространенный, это—отдельные каменные или деревянные домики с двумя или четырьмя квартирами, с отдельным ходом для каждой. При каждом домике имеется обыкновенно небольшой двор с необходимыми хозяйственными службами, садик и огород. Цена за квартиру, как сказано выше, бывает различная; в зданиях казарменного типа квартиры гораздо дешевле, чем в зданиях с комнатами или в отдельных домиках. Но вообще, квартира с отоплением рабочему обходится от 50 коп. до 3 рублей в месяц или от 6 до 36 р. в год.

«Квартирным довольствием от хозяина русский рабочий особенно дорожит. Не говоря уже об относительной дешевизне таких квартир, это избавляет его от последствий частого колебания цен при найме вольных квартир, а особенно на топливо—обстоятельство, которое при продолжительных и холодных русских зимах имеет для него большое экономическое значение. Часто случается, что именно в момент понижения на фабрике заработной платы, вследствие превышения предложения рабочих рук над спросом, возвышаются цены на вольные квартиры, которые при том же отличаются крайне антигигиеническою обстановкою. Поэтому из двух смежных фабрик, из которых при одной существуют жилые помещения для рабочих, а при другой их не имеется, рабочие обыкновенно предпочитают поступать на первую. Это хорошо знают и понимают русские фабриканты, а потому постройку жилых помещений для рабочих они считают необходимым условием производства, иначе они остались бы или без рабочих, или им пришлось бы довольствоваться плохим их составом».

Приведенный отрывок является характерным образцом официозных ученых изысканий. План их составления таков: выдвинуть на первый план все образцовое, конечно, не говоря, что выдвинутое—исключение, а наоборот—представить дело так, чтобы у читателя составилось мнение, что это вовсе не исключение, а обыденное явление; затем, избегать указаний на отрицательные стороны или обмолвиться такою фразою (но так обмолвиться ею, чтобы она не произвела впечатления!): «возвышаются цены на вольные квартиры, которые при том же отличаются крайне антигигиеническою обстановкою». Можно составить себе представление о антигигиеничной обстановке?—конечно, нет,—внимание было устремлено на описание фабричных жилищ, причем, конечно, не было указания, что эти фабричные жилища—исключение, страшно незначительный процент. И, конечно, в конце концов дать этому явлению об'яснение, которое совершенно не соответствует действительности.

В самом деле. Еще Шторх, экономист, преподаватель братьев Александра Первого, писал следующее о жилищах рабочего в Петербурге [4]): «Русский рабочий живет в подвальных этажах каменных домов или нанимает для себя бедные дере-

вянные хижины. Так как почти во всех домах столицы подвальные этажи, по итальянскому обычаю, бывают жилые, то эти люди находят себе жилище часто в самых лучших частях города, и притом на наем этих подвалов так много охотников, что часто подвалы бывают наполнены тогда, когда второй или третий этаж только что строится. Низкое положение, малое пространство, небольшая высота комнат и испарения сырых еще стен должны производить в разряде людей, здесь живущих, опустошения, которые, однако, нельзя исчислять по нашим смертным спискам».

Затем в 1848 году появилась статья К. Веселовского [5]), впоследствии академика, посвященная разбору данных переоценки недвижимых имуществ в С.-Петербурге в 1843—44 году. Здесь Веселовский описывает главным образом знаменитый Вяземский дом, служивший не только приютом для общественного низа Петербурга, но и квартирою для рядового рабочего.

Но эти описания относятся к очень отдаленному времени. Сделаем справку из более близкого, а именно 1897 г.—В обследовании города С.-Петербурга с точки зрения медицинской полиции имеется краткое сообщение [6]):

«Прибывшие рабочие в Спасской части расквартировались в 504 угловых квартирах, в которых было 10.358 жильцов», т. е. свыше 20 человек на квартиру. Но это лаконическое извещение заменяется более подробным описанием угловых квартир в Нарвской части: «Окна в этих квартирах запотевшие и грязные от насевшей пыли и копоти; подоконники постоянно мокры от стекающей с окон влаги; на полу и подоконниках валяется всякий хлам и остатки пищи; стены обиты в большинстве случаев изодранными обоями, испещренными узорами от раздавленных клопов, к которым обитатели углов, повидимому, относятся равнодушно; в комнатах, где только возможно, поставлены кровати, число которых доходит до 6 и более; самовары, если таковые имеются, повидимому не чистятся; убогая посуда: чайник, несколько чашек или кружек, две, три тарелки и миска стоят на столах или в маленьких стенных шкапчиках, как попало, с остатками бывшей трапезы.

«Воздух в этих квартирах тяжелый, удушливый. Происходит это, главным образом, от того, что квартиры не только

не вентилируются открытием форточек из боязни сильно охладить комнату или из-за того, что у окна помещается супружеская чета с малолетними и грудными детьми, но даже вентилятор и все щели усердно затыкаются тряпками. Одежда и постельные принадлежности самих жильцов, зачастую, зловонны; очень часто можно видеть целые ряды просушиваемых портянок, пеленок, мокрой одежды и т. п.

«Таким образом, доступ свежего воздуха возможен только через дверь, но и последняя зачастую выходит или в душную кухню, или в коридор, или же на площадку лестницы, где устроены простые отхожие места.

«Соблюдение опрятности не лежит ни на чьей прямой обязанности; изредка хозяйка подметет квартиру и выбросит негодные остатки трапезы своих жильцов; уборка же угла предоставляется самим жильцам, значительная часть которых принадлежит к фабричному, рабочему и т. п. люду. Большинство из них—люди холостые или женатые, но жены последних живут в деревне; они почти все время проводят на работе с раннего утра; домой же забегают пообедать, да поздно вечером на ночлег; таким образом, им в будние дни некогда заботиться о квартире, привыкнув же к известной обстановке, они и в свободное время (праздник) мало заботятся о порядке.

«Постельные принадлежности у семейных состоят обыкновенно из большой деревянной или железной кровати, соломенного или мочального матраса, изредка перины, ситцевого из разноцветных лоскутков одеяла, двух-трех подушек и цветных занавесок, отделяющих кровать с трех сторон. У холостых постельные принадлежности точно такие же, как у женатых, не имеется только занавесок. Нередко можно встретить, что у холостых и совсем не бывает постельных принадлежностей.

«Во всех угловых квартирах Нарвской части — квартир всего 1.391—живет 15.647 человек».

Это описание дополняется таковым же в Московской части. «Содержатся эти квартиры большею частью женщинами, изыскивающими из этого промысла заработок, дающий возможность безбедного существования. Платя за квартиру в 2 комнаты и кухню рублей 25—30, хозяйка помещает в этой квартире человек 15, обязывается отапливать квартиру, кроме

плиты, плита же отапливается в складчину лицами, имеющими нужду в этой плите для варки пищи или стирки белья. Пищу готовят дома только люди семейные, одинокие же продовольствуются в чайных, закусочных и мелочных лавках.

«Комнаты для семейных и одиноких общие; разница в том, что у семейных кровать пошире и ограждена со всех сторон ситцевой занавеской, укрепленной на палочках и веревочках, а кровати одиноких остаются открытыми. Часто случается, что за ситцевою перегородкою помещаются муж, жена и 2—3 детей. Кровати ставятся вдоль стен и расстояния между ними не полагается, так что ноги одного жильца упираются в ноги же или в голову другого. Имущество углового жильца за неимением места помещается под собственною кроватью; у более порядочных и семейных имеются деревянные шкапчики, приколоченные гвоздями к стене.

«Утром угловая квартира пустеет, остаются только хозяйки, маленькие дети и разного рода и пола прислуга в чаянии хорошего места или просто устраивающая себе отдых, пока не истощатся денежные запасы.

«Вечером, часам к 9—10 публика возвращается, за исключением тех, которые гуляют; вскоре становится душно, парно, окна покрываются росой, в воздухе носится запах онучей, промокшей одежды, просушиваемых пеленок, махорки и т. д. В такой комнате есть непременно и форточка, и вентилятор, но форточка не открывается, а вентилятор плотно, по всем щелям затыкается тряпками—тепла жаль.

«Если среди жильцов нет задорных и пьяных, то все укладываются мирно ко сну, не обращая никакого внимания друг на друга, в противном же случае начинаются ссоры с исходом легких и тяжелых повреждений (поранений и побоев). Чаще всего достается хозяйкам квартир из-за расчета с жильцами.

«Опаснее всего то, что угловой жилец не любит лечиться. Заболев, он лежит на своей койке по несколько дней, пока, помимо желания, его не отправят в больницу или, что также не редко бывает, спокойно умирает под рубрикою «скоропостижно скончался». Вскрытие такого «скоропостижного» обнаруживает обыкновенно чахотную, либо какую-нибудь острую инфекционную болезнь. Меры дезинфекции в таких случаях,

конечно, опаздывают, так как инфекционный яд имел уже достаточно времени посеять свои зародыши. Этим об'ясняется, что, несмотря на тщательную дезинфекцию и другие меры, принимаемые после каждого отдельного случая, известная заболеваемость упорно держится данного дома».

Наконец, дополним наши описания справкой из Александро-Невской части [9]):

«Год от году по Обводному каналу устраиваются все новые и новые заводы и фабрики, требующие тысячи рабочих. В виду этого во всей прилегающей местности скопилось столько рабочего люда, что теснота в домах переходит всякое вероятие, чердаки, подвалы и вообще множество квартир занято угловыми жильцами, число последних доходит до десятков тысяч в 600 угловых квартирах; кроме того, редкая семейная квартира не отделяет одну, две комнаты для постояльцев, между тем все дома и квартиры занятые угловыми жильцами, в санитарном отношении представляют верх безобразия. В виду большой тесноты нашелся предприниматель, который купил 5-ти этажный корпус заброшенной пяти-этажной фабрики, устроил 79 квартир, из которых 70 заняты угловыми жильцами».

Нельзя не согласиться, что описание, почерпнутое нами из работы полицейских врачей, резко отличается от той идиллии, которую пытался нарисовать для выставки в Чикаго старший фабричный инспектор, делая свой очерк «квартирных условий» русского работника.

Этот вопрос стал интересовать русское просвещенное общество, и в 1858 году в октябре в Петербурге образовалось акционерное общество под названием «Общество для улучшения в С.-Петербурге помещений рабочего и нуждающегося люда» [10]). Оно начало свои действия 9 мая 1859 года, к нему примкнула либеральствующая часть тогдащнего общества. По уставу общество, поставив себе целью доставление совершенно удобных и дешевых квартир рабочему классу С.-Петербурга и вообще людям недостаточного состояния, обязалось устроить дома, приспособленные к потребностям рабочих и других обывателей. Между тем, за 13-летнее свое существование [11]) общество устроило только один дом—«образцовый», угол Английского проспекта и Офицерской, занятый преимущественно отставными чиновниками

и вдовами лиц, состоявших на государственной службе; устроить же помещения собственно для рабочего класса общество не могло по неимению денежных средств.

Таким образом, не выполнив обязательства относительно устройства помещений для рабочего класса, составляющего главную цель общества, оно отступило от оснований, указанных в уставе, но его название давало возможность сказать, что и у нас в России забота о рабочих помещениях существует.

Об этом же свидетельствовали одна за другою возникающие комиссии по обследованию помещений рабочих. Так, журнал «Здоровье» в 1876 году [12]) извещал об учреждении при с.-петербургском врачебном управлении, с разрешения градоначальника комиссии для обследования помещений рабочего населения столицы в санитарном отношении. Результатом его появился замечательный труд доктора Эрисмана (доктор, положим, вскоре был признан неблагонадежным и должен был выехать из России) «Подвальные помещения Петербурга», рисующий мрачную картину помещений рабочего класса. — Кроме доктора Эрисмана, кипучую деятельность проявила женщина-врач Покровская, отдавшая всю свою жизнь на борьбу с этим страшным злом. — Таким образом, общественные силы стремились, если не бороться,—для борьбы не было средств, то хоть изучать, хоть выставлять на свет язвы русской жизни—но для известных сфер, как это ясно было видно из приводимых выше выдержек—эти данные были ничто, их игнорировали. На Шипке все должно было быть спокойно.

В своем curriculum vitae [13]) известный петербургский заводчик Сан-Галли писал: «когда товарищ министра внутренних дел князь Святополк-Мирский, пригласив меня к себе, спросил, отчего рабочие моего завода не волнуются, когда на других заводах забастовки и беспорядки, на это я ему ответил, что кроме других причин, например, *изолированность*, моя близкая связь, добрые отношения со старыми рабочими, осторожный выбор новых—«моя колония» действуют как бочка масла, вылитая на бушующее море—рабочие всегда близки к семействам своим, всегда с женами и детьми, которые их удерживают».

К этому надо добавить выдержку и из того медико-полицейского [14]) обследования Петербурга, которым мы уже и так

широко пользовались. «Рабочие, проживающие в общежитиях при фабриках и заводах, имеют за собою постоянный надзор со стороны администрации фабрик».

Вот эти-то факторы — изолированность, надзор и спасительное воздействие жилищ на рабочих во время политических забастовок и заставляли фабрикантов устраивать колонии и особенно по типу отдельных домиков с огородом. Сила «огорода» долго не понималась—но разрешая рабочему пользоваться огородом, разрешая ему с осени начать заняться подготовкою земли для огорода, каждую свободную минуту весною и летом покопаться на этой свежей земле, фабрикант укреплял связь рабочего с землею. Нарождалась иная психология, психология не рабочего класса, а какая-то половинчатая, самая скверная, самая опасная психология. Конечно, не могла появиться психология «собственника», какой-же он собственник, ведь квартира и огород не его, он пользуется ими от хозяина—но он в то же время хозяин огорода. И, следовательно, нужно поступать так, чтобы хозяин не лишил этого огорода. «Детишки все лето в зелени проводят»—вот аргумент, против которого невозможна борьба. Если хозяин выгонит меня с квартиры, я снова попаду на ту угловую квартиру (описания которой мы достаточно привели), и где же будут дети?—На помойной яме, на откосе Обводного канала, на каком нибудь третьем дворе... О, все это такие факторы, которые учитывали наиболее развитые, не близорукие «хозяева». Они понимали, что затратив некоторые суммы на постройку жилищ для рабочих, они с лихвою, с громадными процентами вернут себе эти затраты. И 8 сентября 1885 года заводчики и фабриканты Чекуш подняли вопрос о постройке общей колонии для рабочих на Косой и 26 линиях Васильевского Острова [15]), 4 марта 1897 года был срок на представление конкурсов колонии для рабочих Товарищества Российско-Американской резиновой мануфактуры [16]), а тот же самый Сан-Галли, устроивший первую колонию своих рабочих в закутке, за заводскими зданиями и между полотном железной дороги — помните, по полотну ходьба посторонним лицам воспрещается,— решил строить другую колонию на косе Петровского острова.

Все эти факты, конечно, были известны всем и каждому. Но об'яснения этим фактам давались в том духе, который ясно

виден из выдержки статьи Михайловского, и каждое начинание заводчика в жилищном вопросе вызывало гимн сочувствия и ликования, а сам заводчик очень часто начинал блистать, увенчанный какой-либо высочайшей наградою.

Конечно, с такой же идеалистической точки зрения рассматривались и другие вопросы рабочей жизни.

«В России,—писалось в разбираемом нами исследовании—рабочие получают плату или за результаты своего труда, точно в договоре определенные, причем время, какое следует на это употребить, предоставляется усмотрению рабочего, насколько, конечно, это согласно с установленными на фабрике правилами внутреннего распорядка или же за время, на какое он нанимается и в какое, по предложению предпринимателя, может быть им изготовлено потребное количество изделий или исполнена известная работа».—Это довольно таки туманное раз'яснение тотчас заменяется более простым, более понятным для русского уха, а именно: «в первом случае рабочие получают плату за работу *сдельную, на отряд* или *артелью* (курсив подлинника) а во втором—*поденно* или *помесячно*». Но такой обычной классификации мало, нельзя не забывать, что речь идет не о капиталистических странах, а о России, не об обыкновенном пролетарии рабочем, а о русском рабочем-землевладельце и отсюда: «но наиболее употребительным в России и наиболее соответствующим национальным особенностям русского рабочего способом определения заработанной платы является работа *сдельная*». Трудно даже представить себе, почему «сдельная плата» являлась национальной особенностью русского рабочего. Из этого утверждения естественный вывод, что на западе «сдельная плата» не употреблялась—но такого вывода не делали, а спешили перейти к описанию идеалистического положения русского рабочего в деле получения заработной платы.

Оказывается, что «действительно было время, когда в России рабочий фабричный получал вознаграждение за свой труд не в том размере, какой ему приходился по договору, вследствие разного рода злоупотреблений со стороны предпринимателя».—Но это время, мол, кануло в вечность. В 1886 г., оказывается, был издан особый закон «о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и о надзоре за заведениями фабричной промышленности»,

Закон издан, следовательно, все обстоит благополучно, следовательно—все параграфы закона введены в жизнь. И эта обычная увертка русской действительности в этом случае принимала характер особой убедительности потому, что «обязанность за исполнением закона 3 июня 1886 г. возложена на фабричную инспекцию и на присутствия по фабричным делам». Сейчас же указывается, что «фабричные присутствия имеют такой личный состав, который вполне гарантирует компетентность и беспристрастие при решении подлежащих им дел». Любопытствуем, что же это за состав компетентный и беспристрастный? И узнаем,—что «в состав каждого присутствия по фабричным делам входили: начальник губернии как председатель и члены: местный фабричный инспектор, прокурор окружного суда, начальник жандармского управления и два представителя фабричной промышленности»—состав, действительно вполне компетентный, чтобы гнуть рабочего в бараний рог.

Значит и в этом вопросе все обстояло благополучно. Конечно, точно также обстояло и с вопросом о рабочем дне. Здесь можно было подтвердить следующее:

«Что касается до числа рабочих часов в течение рабочего дня, то и в этом отношении русские промышленные учреждения представляют большое разнообразие. В то время, как на одних фабриках рабочие работают 15—14 часов, на других только 6, да и то с значительными перерывами в течение дня. Впрочем, заведения, в которых работа продолжается более двенадцати часов, в настоящее время составляют если не исключение, то меньшинство, в громадном же большинстве фабрик и заводов (80%) число рабочих часов не превышает 12-ти». В этом отношении фабричные заведения могут быть расположены в следующую таблицу:

36,8%	всех	фабрик	день	в	12	часов.
20,8%	»	»	»	»	11	»
18,1%	»	»	»	»	10	»
2,1%	»	»	»	»	9	»
1,6%	»	»	»	»	8	»

Из этой таблицы, конечно, ясно, что говорить о 8-ми часовом рабочем дне не приходилось, да и на самом деле не было и 12-ти часового, так как рабочие обязаны были быть на фа-

брике 13½ часов, из которых 1½ часа уходило на обед, завтрак и полдник.

Таково было положение рабочего на российской, и следовательно и петербургской фабрике в конце 90-ых годов прошлого столетия.

Приведем еще вычисленные тем же автором колебания заработной платы рабочего, занятого обработкой металла.

	Максимум.	Средний.	Минимум.
1. Чугуннолитейное и механическое производства.	604	321,74	180,60
2. Сталелитейное	524,28	—	—
3. Машиностроительное и вагонное.	393,45	300,84	253,8
4. Машиностроительное, судостр. и железопрокатное	462,5	337,91	297
5. Трубо-медно-прокатное и литейное	329,9	—	—
6. Телеграфно-строительное производство	522	517,14	507
7. Производство проволочное и подковных гвоздей.	354,5	325,46	275
8. Производство винтоделательное и металл. изделий	322	287,6	205
9. Производство худож.-слесарное, бронзовое и медное	365	322,3	315,25
10. Производство мельхиоровых изделий	374	346,10	296,10
11. Производство физических инструментов.	570,4	477,3	311,77
12. Производство десятичных весов.	475	419	312
13. Производство литогр. и типогр. машин.	412,4	—	—

Таким образом, максимум заработной платы достигает до 50 руб. в чугуннолитейном производстве, минимум там же до 15 руб. в месяц, и, наконец, средний заработок до 33 руб. в месяц.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Лекции о железной промышленности. — Ее недостатки. — Записка технического общества о необходимости принять меры к поднятию машиностроения в России.—С'езд фабрикантов 1870 года.—Детский вопрос.—Доклад научно-технической комиссии общества горных инженеров в 1903 году.—Железопромышленность и кризис 1900 года.—Синдикаты.

В 1863 году в Пассаже только что зозникающей общественной организацией «Общественная Польза» были организованы по целому ряду общественных вопросов публичные лекции, между ними были прочтены лекции В. А. Полетикою на тему: «О железной промышленности в России». Лектор, между прочим, сказал:

«В России, в настоящее время (1863 год) нет, быть может, ни одного сколько-нибудь образованного человека, который бы не был уверен, что все развитие нашей экономической жизни зависит от того, с каким успехом будем мы строить наши железные дороги, а, несмотря на это общее убеждение, устройство железных дорог у нас подвигается вперед весьма медленно, в противность тому, как это делается в остальной Европе, где проложение всякого нового железного пути, самым процессом его построения, возбуждает уже усиленную деятельность и оживляет коммерческие обороты; у нас всякий приступ к построению железных дорог в значительном об'еме весьма скоро истощает наши денежные средства и порождает застой в промышленных и торговых оборотах.

«Причины этому явлению очевидны: они заключаются в том, что все металлические принадлежности железных дорог, составляющие не менее 60% всей стоимости сооружения, мы должны купить за границею, по невозможности приготовить их дома.

«Два факта, мною представленные, доказаны с такою очевидностью опытом последних лет, что оспаривать их достоверность едва ли найдутся охотники в настоящее время, а признавая эти факты, мы едва ли можем отклонить заключение, что самостоятельное и широкое развитие нашей железной промышленности стало для нас положительно необходимым как для сохранения нашей политической независимости, так и для устроения и развития нашей экономической жизни» [1]). К этим общим положениям В. А. Полетика добавлял для большинства неизвестные сведения о потреблении и производстве чугуна, а именно [2]): «к 1859 году ежегодное всемирное производство чугуна выражалось следующими цифрами:

Англия произвела в год	233.600.000	пуд.
Франция	53.000.000	»
Соединенные Штаты	52.000.000	»
Пруссия	24.000.000	»
Австрия	20.000.000	»
Россия	18.560.037	»
Швеция	14.000.000	»
Мелкие германские государства	8.000.000	»
Все другие страны до	20.000.000	»

Распределяя это количество выплавляемого чугуна на душу народонаселения, видим, что приходится:

для Англии	7	пуд.	37	фун.	на	человека.
» Бельгии.	3	»	36	»	»	»
» Франции	1	»	17	»	»	»
» Пруссии	1	»	14	»	»	»
» России	—	»	10,3	»	»	»

Итак, по количеству выплавляемого чугуна на душу и следовательно по размеру всего железного производства соответственно населению, Россия занимала последнее место.

Этот вывод был тем прискорбнее, что он не являлся результатом исторической последовательности; мы не могли утешать себя тем, что по производительности чугуна не успели еще догнать передовых народов, но, напротив того историческая последовательность повсеместного возрастания железного производства должна нас убедить, что, догнав и даже перегнав одно время по железной промышленности многие из передовых наций европейских, мы отстали от них в самое последнее время и что

еще прискорбнее, отстали на такое далекое расстояние, что теперь даже для людей между нами наиболее энергичных трудно и помышлять о том, чтобы приблизиться в этом отношении к передовым народам даже в отдаленном будущем.

«В то время, как англичане, видя, куда может привести изобилие железа, напрягали свои силы, чтобы скорее расширить его производство, другие народы равнодушно относились к их успехам. Дурное качество английского железа, получаемого на каменном угле, долго служило всем достаточным, повидимому, предлогом, чтоб оправдать свое бездействие, и Англия, далеко ушедши вперед, заставила скоро других дорого поплатиться за усиленное невнимание к ее промышленным успехам.

«Мы, как водится, отстали более других и даже теперь, когда весь мир уже работает на каменном угле, когда нет ни одной промышленной страны, которая бы не увеличивала у себя производство железа на каменном угле, менее как на 5% ежегодно, у нас нет еще ни одной доменной печи, действующей на этом горючем материале».

Так было в самом начале 60-х годов. 5 октября 1866 года последовало повеление о прекращении на будущее время «с целью сокращения перевода денег за границу» казенных заказов на заграничных заводах как военного министерства и министерства путей сообщения, так и других ведомств внутри России, несмотря ни на какие затруднения и неудобства, которые это могло бы поставить на первых порах. Вытекавшая из этого повеления безусловная необходимость устройства внутри России паровозо- и вагоно-строительных и рельсопрокатных заводов побудила правительство привести в исполнение целый ряд мероприятий, преследовавших вышеупомянутую цель.

В 1867 году техническое общество в Петербурге выступило с большою запискою, рассматривавшею [4]): 1) важность развития машиностроения в России, 2) возможность у нас существования и развития механических заводов, 3) невыгоды, встречаемые у нас машинными заводами, и необходимость мер их поддержания и, наконец, размер тарифа.

В пользу важности развития машиностроения в России записка общества приводила несколько доказательств.

Беспошлинный привоз машин был допущен за неимением собственных машиностроительных заводов и, действительно, потребность в улучшенном и ускоренном механическом производстве распространилась повсеместно, так что ныне (1867 год) фабрики и заводы не столько нуждаются в машинах, сколько в починке их, а между тем у нас нет собственных механических заводов, и заводчики принуждены бывают вследствие этого заводить у себя собственные механические мастерские. Неимение собственных механических заводов ставит нас в критическое положение, в случае каких-либо замешательств на западе Европы, и во избежание этих-то случайностей, потребители механических заводов должны делать огромные запасы разных предметов.

Неимение собственных механических заводов невыгодно отражается на потребителях, которые, обращаясь с требованием за границу, не имеют возможности указать на некоторые изменения, обусловливаемые климатом и топливом, должны выписывать для сборки машин дорого стоющих и мастеров, и механиков и т. д.

«Между тем возможность постройки у нас машин не может подлежать никакому сомнению, что доказывается распространяющеюся все более и более потребностью на машины, обладанием всеми материалами для машиностроения и способностью наших рабочих и механиков к исполнению механических работ. Доказательством распространяющейся потребности в машинах служит то, что, несмотря на производство собственных механических заводов на сумму от 13 до $16^1/_2$ миллионов рублей, мы ежегодно выписывали средним числом на 8 миллионов, а способность наших рабочих и механиков к механическим работам высказалась в период 1853—1855 годов, когда частные петербургские заводы построили для флота 103 машины сложностью в 15.000 сил, и в период 1863—65 годов, когда было сооружено 11 мониторов и 2 плавучие батареи с механизмами, хотя броненосное судостроение тогда впервые предпринималось в России».

Невыгоды, встречаемые у нас машинными заводами, заключаются, по словам записки:

1) в отсутствии дробного труда и специализирования занятий заводов; 2) в дороговизне первых материалов для действия заводов; 3) в неимении хороших мастеров, подготовленных школами; 4) в допущении к беспошлинному привозу таких предметов, которые могли быть удобно производимы в России; 5) но главная задержка распространения машиностроительных заводов заключалась в тарифе, который не поощрял, а скорее не допускал производство машин.

Так, например, казенные заказы не всегда (обстоятельства заставляли общество говорить очень мягко «не всегда», приводимые дальше цифры свидетельствуют о совершенно ином отношении) выполняются в России, и из числа 32.362 сил нашего парового флота 16.558 сил (немного более $^1/_2$) приобретены за границею; сверх того иностранные локомотивные заводы имеют у нас заказов на 11 миллионов рублей.

Эти же вопросы были затронуты на бывшем в 1870 году с'езде фабрикантов, причем усиленное внимание и оживленные дебаты вызвали 17 и 18 вопросы программы с'езда [5]) — «какие меры могут быть приняты для содействия умственному и нравственному развитию нашего рабочего сословия» и «какие меры полезны для улучшения быта фабричных и заводских рабочих». Эти вопросы разбирались всего на всего 50 лет тому назад, но взгляды высказанные и лучшей частью интеллигенции того времени, и наиболее передовыми фабрикантами так любопытны, что заставляют остановиться на них.

Львов (бывший петрашевец, секретарь технического общества — в скобках делаются мною необходимые пояснения к тексту протоколов), основываясь на проекте, выработанном постоянною комиссиею по техническому образованию при Русском Техническом обществе, предложил отделению следующие меры для содействия умственному и нравственному развитию рабочего сословия:

1) учреждение представителями большой фабрично-мануфактурной и фабрично-заводской промышленности при своих фабриках и заводах низших технических школ с подготовлением учеников к действительной работе в своих мастерских;

2) открытие постоянных воскресных и вечерних курсов для рабочих земскими и городскими управлениями, в районе

которых значительно развиты известные отрасли кустарной промышленности;

3) обязательную плату с каждого ученика школы или посетителя воскресных и вечерних курсов, так как при этом только условии возможно, чтобы ученики и рабочие смотрели на обучение, как на дело для них самих полезное (этот пункт получает еще бо́льшую пикантность, когда прочтем следующий);

4) бесплатное обучение закона божия и правил христианской нравственности, устройство несколько раз в год бесед о практической пользе, приносимой рабочим хорошим поведением, порядочностию в обращении с другими и бережливостью, нравственно-воспитательное общение хозяев с рабочими (все это от того, что исходит от человека, безусловно желавшего пользы и искренно думающего о благе рабочего. Крайне любопытно, какой иезуитизм, если разбирать по существу, виден во всех этих предложениях).

Кайгородов предложил для поднятия морального благосостояния не допускать на фабричные работы детей, не достигших 14-ти летнего возраста, так как дети моложе этих лет, работающие на фабриках, не могут продолжать умственного образования и, находясь в среде взрослых рабочих начинают деморализоваться (это предложение, как будет видно ниже, вызвало целую бурю со стороны фабрикантов—как так можно воспретить детский труд?!). Затем, для образования детей фабричных он предложил меру, принятую Невшательским обществом социальных наук и состоящую в том, чтобы хозяева вместо одной смены детей имели двойную, из коих одна занималась бы работами, а другая находилась в школе.

Вреден, рассматривая вопрос с экономической точки зрения, доказывал, что допущение детей для работ на фабриках и заводах сильно влияет на заработную плату взрослых, потому что 2—3 мальчика, обходясь фабриканту дешевле одного взрослого, могут исполнить одну и ту же работу, а потому взрослые рабочие, не находя для себя работы, соглашаются поступить на фабрику за незначительную плату и вследствие того едва могут существовать. На этом основании профессор полагал, что относительно возрастных пределов для допущения к промышленному труду следует различать отнюдь не один, а несколько

периодов, например, до 12 лет малолетних не следует вовсе допускать к наемной работе, от 12 же до 17 или до 15, смотря по местным климатическим условиям, имеющим некоторое влияние на физическое развитие, допускать на работу только с сокращением, а с 15 или 17 лет принимать работника вполне взрослым. Во всяком случае от 12 лет и до совершеннолетия необходимо ограничить число рабочих дней в неделю и число рабочих часов в течение дня. Далее, принимая во внимание, что предприниматель получает огромную выгоду от подготовленности рабочих, и что выгода эта вполне экономического характера, необходимо признать справедливым—в виде возмездия за такую выгоду—возложить в известной соразмерности на предпринимателя часть расходов по содержанию технических школ, доставлению лечебных пособий и т. п., но к участию этому привлечь и самих рабочих. Образование рабочих должно ограничиваться грамотностью и обучением основным действиям арифметики (sic?!), дальнейшее же развитие необходимо облегчить устройством читален, библиотек, технических коллекций, промышленного музея в малом виде и т. п., и в устройстве последних предприниматель должен участвовать наравне и в одинаковой доле с рабочими. Относительно же нравственного образования и поднятия его уровня в рабочем сословии следует позаботиться об улучшении хозяйственной обстановки рабочего, чтобы предохранить его от бедности и нищеты, как наиболее действительного средства к предупреждению порочности и к укоренению добрых привычек и начал. Наконец, крайне необходимо, учредить при промышленных заведениях страховые кассы, посредством которых только и возможно предотвратить изнурительность и опасность занятий рабочего, и ответственность за состоятельность страховой кассы, в которой принимают участие и рабочие, должна быть возложена на хозяина.

Предложения Кайгородова заключались в следующем:

1) все меры, направленные исключительно к поднятию уровня нравственного и умственного развития рабочих, будут приносить только весьма малую и посильную пользу до тех пор, пока заводчики и фабриканты не обратят особого внимания и не пожалеют затрат на улучшение пищи и жилищ рабочих;

2) улучшению материального быта рабочих, кроме разных экономических мер, возможно способствовать постройкою при фабриках отдельных домиков с небольшим клочком земли для сада или огорода и продажею таковых рабочим в полную собственность или по рассрочке на несколько лет;

3) допущение детей для работ на фабриках и заводах должно быть ограничено известным возрастом и числом рабочих часов, при чем следует исключить некоторые заводы, производство которых сопряжено с большою опасностью и вредом для здоровья, куда малолетние не должны быть вовсе допускаемы положительным законом;

4) курс учения в школах, учреждаемых при фабриках и заводах, недостаточно ограничивать одною грамотностью, но необходимо, чтобы обучение заключало, хотя бы в самом сжатом об'еме небольшой, но законченный курс общего начального образования.

Шрейер предложил добавить к 4-му положению Кайгородова, чтобы при тех заводах, где представится возможность, рабочим были передаваемы сведения об основных государственных истинах (о капитале, сбережении, разделении труда и пр.), что и было принято большинством голосов.

Лоранский заявил, что в виду незнакомства с бытом рабочих в России нет возможности предлагать вполне действительные коренные меры для его улучшения, а потому он просил, чтобы с помощью правительства были предприняты исследования для изучения умственного, нравственного и материального положения рабочего класса в России. Кроме того, необходимо учреждение ссудо-сберегательных касс, цель которых бы заключалась в ссуде за проценты денег рабочим, в сбережении денег и наращении их процентами, а также в вспомоществовании рабочим и их семействам в случае смерти, увечья, несчастия и пр.

Сыромятников, возражая предшествовавшим ораторам по поводу их предложений, в заключение заявил, чтобы правительство обратило внимание на образование нашего, иногда полуграмотного купечества, в руках которого сосредоточены капиталы; с поднятием образования среди торгующего класса заведутся и школы, и больницы, и кассы.

Губин, сравнивая быт нашего рабочего с американским, настаивал, чтобы правительство отпускало большую сумму на элементарное образование народа и не представляло дело образования частной деятельности; затем для улучшения материального быта рабочих необходимо обязательное введение рабочих расчетных книжек, без которых рабочий может терять свой заработок; наконец, необходимо рабочим дать возможность посещать наши выставки, которые наглядно знакомили бы их с успехами нашей промышленности.

Из всех предложенных мер для содействия умственному, нравственному и материальному развитию рабочего сословия возбудило множество возражений предложение об ограничении возраста, необходимого для поступления на фабричные и заводские работы. Возражения эти главнейшим образом основывались на следующих доводах.

Дети, как известно, подобно женщинам, на фабриках и заводах исполняют самые легкие работы (sic?!). Семейства с большим числом подростков, не имея права посылать их на фабрики, будут отдавать своих детей к кустарным промышленникам, за которыми правительство не имеет возможности уследить, а следовательно закон не достигнет своей цели. Наконец, фабрика и завод должны считаться школою для образования впоследствии лучшего мастерового, и чем раньше начнется это практическое образование, тем лучше.

Приведенные нами данные, относящиеся к началу и концу 60-х годов, т. е. к тому времени, когда начинала возникать наша металлическая промышленность, обрисовывают ясно ту атмосферу и те взгляды, которые господствовали как в сферах, так и среди интеллигеции того времени.

И вот перед нами в высшей степени характерный доклад научно-технической комиссии общества горных инженеров с'езду, созванному в 1903 году. Доклад этот носит название «о рабочих русской железной промышленности». Прежде всего в этом докладе указывается, что «само собой понятно, что нельзя ожидать и требовать, чтобы настоящий с'езд смог бы обсудить все главнейшие причины, обусловливающие малое распространение железа в России», и дальше: «для русской промышленности, быстро развившейся за последние 15—20 лет, благодаря глав-

ным образом мерам широкого покровительства, применявшимся к ней русским правительством, одной из крупных и трудных задач являлось создание надлежащего кадра рабочих. Сложный процесс обособления специального класса промышленных рабочих должен был совершаться у нас в относительно короткое время и в исключительно тяжелых условиях. Ясно, что такое течение процесса должно было крайне неблагоприятно отразиться на всем строе промышленности. Бесспорно, что многие дефекты русской железной промышленности, тормозящие распространение изделий из железа, находятся в генетической связи с вопросом о рабочих, и лишь при соответственном вырешении этого вопроса могли бы быть устранены. При всех сравнениях современного положения русской железной промышленности с таковым же положением этой промышленности в других странах всегда приходится учитывать разницу в рабочих наших и иностранных и почти всегда эта разница оказывается не в нашу пользу... Очевидно наступило время серьезно заняться упорядочением основ нашей промышленности, а в том числе и рабочего вопроса».

Неправда ли—все это слишком знакомо, все это указывалось, конечно, в других выражениях и в 1831 и в 1864 годах,—через 40 лет повторяется констатирование тех же самых фактов. И в результативной части своего доклада комиссия 1903 года должна была прежде всего повторить уже высказанное в 1870 году и только над некоторыми вопросами, которые тогда только зарождались или по цензурным условиям не высказывались прямо, в 1903 году можно было поставить точку над i. В самом деле, приводим эту результативную часть целиком:

«Русская железная промышленность, быстро развившаяся, встала разом лицом к лицу со всеми трудностями рабочего вопроса. Она должна была в сравнительно короткий срок собрать и подготовить нужное ей количество рабочих. Большинство этих рабочих приходилось вербовать из земледельческой среды, совершенно чуждой условиям промышленности. Низкий уровень образования народных масс в России крайне вредно отражался на вновь возникающей промышленности, нуждающейся в рабочих сравнительно развитых. Между тем, большинство явившихся рабочих не обладало даже простой грамотностью.

Громадное влияние народного образования на успехи промышленности со всею рельефностью выступает в Германии и отмечается всеми исследователями экономического строя этой страны. К сожалению, в России, столь бедной интеллигентными силами, дело народного образования обставлено условиями далеко не способствующими широкому и быстрому развитию этого дела. При ограниченности сил и средств, имеющихся в распоряжении органов, ведающих народное образование, при затруднительности доступа к нему общественных сил и частной инициативы современное состояние дела народного образования далеко не отвечает запросам, пред'являемым экономической жизнью страны и нуждами русской промышленности. Недостаток у нас низшего профессионального и общего образования особенно ясно сознается именно теперь, когда русская железная промышленность стремится приспособить свое производство ко всему разнообразию требований, пред'явленных к ней различными отраслями народного хозяйства. С развитием техники растет применение более сложных устройств, требующих для ухода за ними подготовленных, развитых рабочих, а вместе с тем растут и затруднения, испытываемые русской железной промышленностью от низкого культурного уровня рабочих. Удовлетворение этой насущнейшей потребности является одной из важнейших задач настоящего исторического момента. Не менее трудные и неотложные задачи стоят перед русской железной промышленностью и в отношении улучшения жизненных условий занятых в ней рабочих. Упорядочение и устройство больничного, санитарного продовольственного и квартирного дела, создание рабочих организаций взаимопомощи, наконец, самое главное, создание обязательного государственного страхования рабочих, все это задачи — стоящие на первой очереди и требующие неотлагательного решения. Промышленность, работающая в исключительно тяжелой обстановке труда, обусловливающая большое число профессиональных несчастных случаев и заболеваний, лишь в том случае может расчитывать получить соответственный ее требованиям контингент рабочих, когда эти рабочие будут иметь хотя бы относительно сносные условия жизни и будут знать что они и их близкие хотя несколько обеспечены.

«Крупные затруднения встречает железная промышленность и со стороны неполноты и несоответствия требованиям времени нашего законодательства о рабочих. Выделившаяся группа промышленных рабочих не находит в настоящее время выработанных правовых форм, дающих ей возможность законным путем отстаивать свои интересы. Стремясь противопоставить свои групповые интересы интересам промышленников, рабочие неизбежно вступают в область запрещенных незаконных поступков и трактуются как нарушители законов. Даже такая форма коллективной самозащиты, как стачка, имеющая при отсутствии насилий, характер чисто экономического явления, рассматривается как преступление уголовное, приравниваемое к бунту. Почти полное отсутствие организации между рабочими не дает возможности установить более правильные отношения между предпринимателями и рабочими и приводит к крупным и нежелательным осложнениям. Одна из главных причин волнений среди рабочих на фабриках и заводах это—невозможность заявлять свои желания, требования о своих нуждах и вступать в те или другие отношения с заводоуправлением. До сих пор всякие сходбища и собрания рабочих для обсуждения своих нужд не разрешались. Коллективные заявления не принимаются. Одиночные же заявления не практикуются, ибо это всегда, так или иначе, опасно для рабочего. Все вышеуказанное всегда и всюду приводило рабочих к раздражению, результатом которого являлись стачки, сопровождавшиеся волнениями, бунтами, насильственными действиями и пр. Таким образом фактически существующие, созданные основными условиями промышленности, неизбежные общественные группы не признаются законом и не имеют для проявления своих нужд выработанных правовых мер. Ясно, что такое игнорирование характерных особенностей и требований промышленности должно крайне вредно отражаться на всей жизни последней. Между тем практика показывает, что при внимательном отношении администрации предприятий к заявлениям рабочих как коллективной единицы, при некотором приспособлении администрации и рабочих удается достигнуть крупных результатов и избежать сильных потрясений. Но все такие «приспособления» должны совершаться при современных условиях вне определенных юридических норм за риск и страх admini-

страции. Очевидно, что нельзя столь важный вопрос, затрагивающий массу интересов, разрешать на почве усмотрения отдельных лиц».

Это заявление обсуждалось на с'езде горных инженеров в 1903 году, и было признано необходимым решить его немедленно же.

При рассмотрении дальнейшего хода развития железоделательной промышленности в России нужно отметить, что период 1898—1912 годов знаменовался как бы усиленным развитием [7]), но это развитие было неестественно [8]). Для поощрения роста промышленности министерство финансов выдавало заказы еще не существующим заводам и при том под эти заказы выдавались авансы на постройки заводов. Такая политика вскружила голову разного рода предпринимателям. Казалось, что казенным заказам не будет конца, и заводы стали расти как грибы после дождя. Своего апогея это учредительство достигает в 1898—1899 годах. Заводы строятся в надежде на будущие дороги, на казенные заказы, и предприятия возникают на спех, без всякого хозяйственного расчета на почве самой откровенной спекуляции. Бывали случаи, когда $^4/_5$ акционерного капитала уходило на вознаграждение разного рода учредителей, комиссионеров и т. п. посредников. Подобные предприятия уже при самом своем возникновении не имели оборотных капиталов, но пока был под'ем, пока банки охотно давали деньги металлургическим предприятиям, последние казались прочными. Как только, однако, наступили первые стеснения в кредите, выразившиеся в повышении учетного % и в сокращении кредита банками в 1899 году, такие предприятия первые оказались несостоятельными—кризис рос и к концу 1900 года наступил общий промышленный кризис. Острота этого кризиса видна из количества ликвидированных акционерных металлургических предприятий: за период 1901—1904 года из 70 акционерных металлургических предприятий ликвидировалось 18 с капиталом в 55 мил. рублей, возникло только 1 предприятие (эти данные, конечно, относительно всей России, а не одного Петербурга). С 1903 года острые формы кризиса начали проходить, однако застой в железной промышленности продолжался, так как у правительства не было денег для нозых заказов, а покупательная способность населения не

обнаруживала никаких признаков к повышению и не могла вполне использовать производительной способности русских заводов. При общей бедности и нищете в нашей стране оказалось слишком много фабрик, слишком много заводов, слишком много производительных сил.

Промышленники России видели спасение в следующих трех средствах:

1) расширение внутреннего рынка, т. е., чтобы правительство попрежнему раздавало заказы;

2) организация синдикатов для устранения перепроизводства и взаимной конкуренции;

3) вывоз излишков за границу.

И синдикаты стали возникать в России с 1903 года. «Синдикаты,—говорилось в различных представлениях этого времени, — необходимы для упорядочения торговли металлами и металлическими изделиями. Одним из последствий неустойчивости цен является перенесение запасов железа из складов торговцев в заводские склады... Ненормальна также продажа южными заводами изделий на севере и северными тех же изделий на юге. Тратится масса денег, времени на лишние перевозы, и оба производителя несут убытки без всякой пользы для покупателя. Правильно поставленные синдикаты уничтожат эту несообразность и, нормируя производство и цены, дадут торговцу возможность увеличить склады без боязни, что дальнейшее падение цен заставит его нести убытки даже на дешево купленном товаре. Кроме того синдикаты могли бы повлиять на удешевление производства. Теперь каждый завод делает все. При правильном распределении заказов заводы могли бы более специализироваться, что, конечно, отзовется на их стоимости».

Результат этого движения, конечно, не был так блестящ, как его стремились изобразить. Заводчика синдикаты подчиняли себе тем, что, обезличивая его товар, отрывая его от непосредственной связи с рынком, с банками, вводя специализацию и районирование производства, они превратили его из самостоятельной единицы в часть одного синдикатского целого и тем самым прикрепили его к себе, а потребителя они подчинили себе своим монопольным положением на рынке. Но, под-

чинивши себе все железное производство, синдикаты не явились все-таки неограниченными господами на рынке: в конечном итоге цены устанавливались не ими, а рынком, одной из составных частей которого они являлись. Конечно, в борьбе спроса с предложением синдикаты пытались довести до возможного максимума свое влияние, но дальше известного предела итти не в состоянии. И эта черта определяется общим экономическим состоянием. Синдикаты не в состоянии превратить нищего крестьянина в богатого, как не в состоянии значительно увеличить потребление железа в России.

II.

Даты образования 25 механических заводов.—Распределение открытия заводов по годам.

Установим даты образования наиболее крупных наших заводов.

1. Завод бывший Франко-Русский	1792
2. Завод Красный Путиловец	1801
3. б. Александровский Механический . .	1825
4. б. Лесснер	1852
5. б. Сан-Галли	1853
6. б. Сименс и Гальске	1853
7. б. Балтийский	1857
8. б. Металлический.	1857
9. б. Невский судостроительный	1860
10. б. Нобеля	1862
11. б. Обуховский	1862
12. б. Феникс.	1868
13. б. Железопрокатный и плавильный . .	1873
14. б. Зигель	1877
15. б. Барановский	1877
16. б. Гейслер	1878
17. б. Лангензиппен	1878
18. б. Струк	1878
19. б. Александровский сталелитейный . .	1879
20. б. Розенкранц	1879
21. б. Поссель	1880
22. б. Дюфлон	1893
23. б. Тюдор	1897
24. б. Эриксон.	1897
25. б. Айваз	1898

Таким образом, для 25 крупнейших петербургских заводов даты основания могут быть вполне установлены. Теперь составим еще одну таблицу роста заводов по десятилетиям, причем счет этих десятилетий начнем с года крестьянской реформы.

	до 1861 г.	1861—1869 г.	1870—1880 г.	1880—1890 г.	1890—1900 г.	1900—1910 г.	1910—1914 г.
Количество заводов.	41	11	40	38	63	30	27

Если же сгруппировать по десятилетиям и данные до 1861 года, то получим:

	XVIII века.	1800—1809	1810—1819	1820—1829	1830—1839	1840—1849	1850—1859
Количество заводов.	2	2	—	5	4	13	15

Из этих таблиц, принимая во внимание и ту таблицу, где эти заводы расположены по годам, мы можем себе составить почти ясный ход развития этой промышленности в Петербурге. Теперь перейдем к описанию некоторых наиболее крупных фабрик и заводов, сведения о которых нам удалось найти; располагаем их не хронологически, а по степени имеющегося у нас материала.

III.

Красный Путиловец.—Кронштадтский чугунный завод.—Перевод его на 4 версту Петергофской першпективы.—Развитие чугунного завода.—Наводнение 7 ноября 1824 года.—Новый казенный чугунный завод.—Старый чугунный казенный завод.—Первые рельсы в России.—Завод Огарева.—Главные заказы.—Приобретение завода Путиловым.—Изготовление рельс.—Значение русского работника.—Эволюция владения заводом.—Синдикат.—Трест.—Развитие производств.—Рельсы.—Товарные вагоны.—Цистерны.—Пассажирские вагоны.—Котельная мастерская.—Паровозы.—Минные аппараты.—Миноносцы.—Долой патриотизм.—Снаряды.—Металлургическая деятельность.—Рабочие.—Рабочий день.—Управление заводом.—Его штаты.

«Красный Путиловец» не может себя назвать прирожденным петербуржцем, место его родины Кронштадт, где он появился как вспомогательная часть русского флота. Но настала сумасбродная эпоха Павла, мы хотели воевать с Англией. Английский флот мог овладеть Кронштадтом, мог быть взятым в плен и единственный наш машиностроительный и чугунный

завод, и 28 февраля 1801 года совершился перевод завода из Кронштадта на 4-ю версту от Калинкина моста по Петергофской дороге, на дачу директора заводов Карла Гаскайна.

Как мы сказали, завод был переведен на дачу директора завода К. Гаскайна. Дача лежала бесплодно, вызывала только расходы, отчего же не воспользоваться и не пристроить эту дачу—и кронштадтский завод очутился в 4-х верстах от Петербурга. 28 февраля 1801 года по зимнему пути, напрямик из Кронштадта в Питер, стали перевозить принадлежности завода, а 21 марта того же года, т. е. менее, чем через месяц, на заводе началась отливка снарядов—скорость перевозки и устройства поразительная даже и для павловского времени. До 1803 года завод изготовлял исключительно мелкие артиллерийские снаряды, а с этого года завод стали приспособлять к выполнению разных чугунных, медных и железных изделий, это переустройство тянулось 5 лет и закончилось 19 августа 1808 г. Но ремонт, новые постройки продолжались и впоследствии вплоть до 1824 года. Так в 1815 году было построено большое здание для чугунно-литейной. Но наводнение 7 ноября 1824 года перестроило все планы. Завод был окончательно разрушен, до 150 человек живших на заводе рабочих погибло в волнах, остальные лишились имущества. Местность, на которой находился завод, была признана неудобной для завода. 27 марта 1825 года казенный чугунный завод (таково было его официальное название) перенесли на Шлиссельбургский тракт, но несмотря на этот перевод, на признание этого места неудобным, все-таки завод не бросили, кое-что подправили, и он продолжал влачить жалкое существование, нося название: «старый чугунный литейный завод». Но в 1834 году существование двух казенных чугунно-литейных заводов нашли излишним для казны. Старый завод приостановили и решили его продать в частные руки. Покупателей не находилось, и завод стоял в бездействии, временами на нем возобновляли работу в случаях, не требующих отлагательств. Так, после пожара Зимнего дворца, когда спешно потребовалось изготовить стропила для дворца, «старый казенный завод» стал снова функционировать некоторое время и снова встал.

В 1842 году этот завод передали безвозмездно обществу русских горных заводов на все время сооружения Николаевской железной дороги, и здесь в 1844 году начались первые опыты по прокатке рельс в России. Проработав некоторое время, завод снова закрылся. Вновь назначили торги, но желающих торговаться не являлось—и 3 августа 1848 года завод был передан во временное пользование приближенному Николая I флигель-адьютанту, полковнику Огареву. К сожалению, нам не удалось установить, почему флигель-адьютант и полковник был признан годным для эксплоатирования чугуннолитейного завода, но так или иначе, полковник начал действовать. Прежде всего прорыли канал от самого завода до фарватера одного из рукавов Невы, проходившего между островами Гутуевским, Екатерингофским и Вольным, таким образом продукты, произведенные на заводе, можно было вывозить в море, в Кронштадт! Делалась возможность «импорта». Вся же заводская местность занимала пространство около 20-ти десятин и состояла из 3 частей, разделенных протоками и проливами. На первой из частей, прилегающих к петергофскому шоссе, находилась дача с садами и службами владельца и дом для управляющего. На второй, здания самого завода, большею частию каменные, часовня, все помещения для мастеров и рабочих и госпиталь. И на третьей—ручная кузница на 40 горнов, баня, прачешная, флигель для плотников, склады для материалов; остальная часть земли была под лугами и огородами.

Взяв в свое ведение завод, флигель-адьютант российского царя Н. А. Огарев гордо подчеркивал, что «цель владельца есть доставлять работу преимущественно русским».

Нельзя не обратить внимания на эту интересную подробность ведения промышленного дела в дореформенной Руси. Тогда никто, ни фабрикант, ни заводчик, ни помещик, словом, никто не заботился о собственных интересах, боже упаси, каждый имел намерение или «воспоспешествовать российской промышленности», «двинуть ее», «сделать какое-либо высокопатриотическое дело́» и т. д Точно также мы видим, что и Огарев берет завод исключительно или преимущественно желая дать работу только русским. И вот для этого на завод тратятся довольно большие средства. Но эти траты делают по русскому

обыкновению, бессистематично, руководствуясь главным образом российским правилом: «авось, небось и как-нибудь!» Но денег тратили много, и к началу 60-х годов завод из себя представлял: механические мастерские, делившиеся на две группы— четыре механические мастерские помещались в каменном двухэтажном корпусе, одна в деревянном, прилегающем к этому корпусу; еще две механические мастерские (прессы, механические ножницы, строгательные и болторезные станки) помещены в другом тоже двухэтажном здании, а к этому зданию пристроен 2-х этажный деревянный флигель, в котором внизу—сверлильные станки, а во втором этаже—склад моделей. Вблизи этих мастерских устроены три платформы и площадки, на которых делаются чертежи мостам и другим предметам в натуральную величину и производится самая сборка. Литейная расположена посредине завода в восьмигранном каменном корпусе в 3 света: в нишах здания помещаются 3 вагранки, отражательная печь и три сушильни, в средине же здания производится формировка вещей и для этой же цели пристроено к главному корпусу сбоку особое каменное строение в один свет. Для под'ема тяжестей в главной литейной находятся два крана, расположенных так, что отливка больших вещей может быть производима во всех пунктах литейной. Посре́дине устроен металлический чан, высотою 17 футов и диаметром 11 футов, для отливки орудий, больших труб и тому подобных предметов, требующих вертикальной отливки. Для отливки вещей из меди, цинка устроена тиглевая литейная в отдельном каменном здании. Для облегчения перевоза из литейной отлитых вещей устроена железная дорога, которая, начиная от центра литейной, проходит по всем мастерским. Для рабочих была устроена казарма на 500 человек. Количество рабочих в этот период времени видно из следующей таблицы:

в 1856	году	рабочих	было	от	500	до 700	человек.
» 1857	»	»	»	»	400	» 650	»
» 1858	»	»	»	»	450	» 700	»
» 1859	»	»	»	»	700	» 1500	»
» 1860	»	»	»	»	900	» 1800	»

Общее количество заказов за время владения заводом Огаревым выразилось в 3.530.847 р. и наиглавнейшими из них нужно считать:

1. Металлические части к цепному мосту через Великую в Острове.
2. Железно-дорожн. мост через Лугу, по Варшавск. жел. дороге.
3. Жел.-дорожн. мост через Обводный кан., по Никол. ж. д.
4. Балки для шпиля Петропавловской крепости.
5. Артиллерийские лафеты, морские станки, ядра, бомбы.

Таким образом, мы видим, что кроме случайных заказов—постройка петропавловского шпиля—главная масса заказов делится на две группы: 1) железнодорожные и 2) военного ведомства. Так было в 50—60-х годах, сейчас же после крестьянской реформы; положение нисколько не изменилось и перед последнею войною.

Мы видим, что казенный завод, устроенный казною, глохнет, у него нет дела, он не может работать. Чтоб спасти это начинание, его отдают в частные руки, думая этою передачею восстановить завод к работе. Но это не удается: Огарев прогорает, завод на короткий промежуток времени переходит в руки английской компании, но и эта последняя не может поправить дела, и завод снова бездействует.

Но в это время на сцену всплывает неожиданное обстоятельство: Крымская кампания с достаточною ясностью убедила нас, что без железных дорог мы существовать не можем, что нам нужно увеличивать сеть железных дорог, а для этого нужно подумать и о материалах для железных дорог: о рельсах и о паровозах.

Сознавая, что вместе с построением железных дорог рельс составляет первенствующий предмет в железном производстве (желая сохранить колорит того времени, мы приводим точную выдержку, она резко выделяется по стилю от современности), что на железных дорогах постоянно будет накопляться громадное количество старых рельсов, которым надобно открыть сбыт, Н. И. Путилов предложил правительству готовность заниматься приготовлением рельсов. Для рассмотрения сего предложения назначена была особая комиссия, посредством которой был заключен контракт с департаментом железных дорог от 15 июня 1867 года на поставку до 2.800.000 пудов рельсов в течение 7 лет, начиная поставку с 1870 года. Между тем, осенью 1867 года Николаевская дорога неожиданно осталась на зиму без запаса рельсов по причине необычайной по-

ломки английских и бельгийских рельсов. Чтобы пособить правительству в случае надобности по ремонту Николаевской железной дороги, Путилов в декабре предложил на себя принять поставку со дня утверждения заказа через 18 дней по 5.000 пудов рельсов в сутки, всего 600.000 пудов с тем, что он приобретет рельсовой завод Огарева, который два года перед тем закрыл свои действия по убыточности производства. Высочайшее повеление о предоставлении Путилову этого заказа состоялось 2 января 1868 года. 12 января того же года был куплен завод, а еще через неделю, 20 января, началась ежедневная поставка по 5 т. п. в день. Зная, что рельсы, изготовленные прежде на этом заводе, отличались очень мягкою головкою, Путилов предложил употреблять на головки вместо железа пудлинговую сталь. Предложение это было встречено общим недоверием к возможности сварки двух разнородных металлов, тем более, что за границею несколько раз пытались безуспешно разрешить эту трудную металлургическую задачу. Но Путилов ее удачно разрешил, и Путиловский завод стал изготовлять рельсы со стальною головкою. В 1880 году рельс было изготовлено до 12-ти миллионов пудов и окончание каждого миллиона всегда сопровождалось торжественным и многолюдным обедом.

Приведем для характеристики самого завода, его заводчика и той эпохи описание четвертого такого торжества, по случаю отливки 4 миллионов пудов. «К 2 часам пополудни приглашенные гости, в числе около 250 человек собрались к главному входу рельсового завода. Здесь встречал всех гостей с истинным русским радушием сам хозяин завода. После внесения фамилий гостей в книгу посетителей, начался осмотр завода под руководством специалистов. Проследив все отдельные производства, чрез которые проходят пришедшие в негодность рельсы для превращения их в рельсы со стальною головкою, гости провели около получаса в отделе, обращающем чугун в сталь, оттуда перешли в кузницу громадных размеров, составленную из рельсов. Здесь, в глубине, среди зелени и цветов, был уставлен ряд столов для приглашенных гостей, а по бокам, с обеих сторон были установлены столы для двух с половиною тысяч рабочих. Несколько часов протекло в дружеской

и роскошной трапезе. Идея труда производительного соединила всех в одну общую семью. Рабочие, видимо, возвысились до сознания этой истины. С деликатностью, встречающейся не всегда в среде более развитой, они вели себя с достоинством. Не менее трогательный вид представляла бесплатная раздача изящно переплетенных евангелий; раздачу производили дамы, бывшие в числе гостей. В заключение скажем, что празднество было завершено прогулкою ко взморью для промера глубины воды у предположенной против завода станции железной дороги «Путиловского Товарищества».

И на этом обеде, как и на других подобных, Путилов произнес речь: «Если бы вы были знакомы столько же, сколько случай привел мне познакомиться с русским рабочим людом, то каждый из вас мог бы сделать совершенно то же, что сделал и я. Я позволю себе при этом торжественном случае продиктовать во всеуслышание страницу будущему историку развития русской промышленности. Я расскажу вам о четырех фактах, бывших на моей практике, о таких фактах, которые поразительны по необычайности своей и о которых можно говорить лишь в присутствии тысячи свидетелей, очевидцев, моих рабочих. Факты эти доказывают изумительную способность русского народа к механическому и вообще к заводскому делу. Первый факт: в Крымской войне потребовалось до 100 паровых военных судов с 11.000 паровых сил. Для одновременного исполнения этих 11.000 сил, конечно, мастеров не имелось, потому что в то время у нас едва ли изготовлялось одновременно 500 сил. Следовательно, надо было увеличить в 20 раз число рабочих. Не оставалось ничего более сделать, как послать в Ржев за прядильщиками, которые остались во время войны без работы по случаю прекращения вывоза пряжи за границу. Привезли их, расписали по заводам, наименовали кому быть литейщиком, кому кузнецом, кому слесарем, кому молотобойцем. Новичкам дали на артель по одному старому мастеровому. Через неделю прядильщики принялись за дело. Это было в январе, а в мае, через 100 дней, 32 вооруженные канонерские лодки стояли уже в рядах сражавшихся против неприятеля. Затем постепенно спускались остальные суда, и машины были прядильщиками настолько сделаны удовлетворительно, что корветы и

клиперы после окончания войны заняли станции на Тихом океане, в Средиземном и Черном море, и на этих судах прядильщики пошли за старших машинистов. Во всем этом я ссылаюсь на свидетелей, здесь присутствующих, и спрашиваю: не доказывает ли это способность русского человека к механическому и заводскому делу вообще, и не следует ли этот факт занести на страницы истории развития русского заводского дела? Второй факт: в 1868 году Николаевская железная дорога осталась неожиданно без рельсов настолько, что грозила остановка движения. По этому случаю был куплен этот завод, был послан клич по губерниям—привезти свободный народ по железной дороге и на почтовых, и через 10 дней привезены были 1500 человек. Опять расписали кому быть литейщиком, кому—кузнецом и т. д.; опять дали на артель по одному старому мастеровому, и через 18 дней завод уже катал по 5000 пудов в сутки. Разве этот факт не доказывает вам способность русского народа к механическому делу и этот факт разве не заслуживает быть внесенным на страницы истории русского заводского дела?—Третий факт: в 1869 году приказано было машинистам и механикам-слесарям на 6 заводах переделать ружья на заряжающиеся с казенной части! Дан был только один образец на все 6 заводов и ни одного другого пособия! А через два месяца 10 тысяч винтовых ружей было сделано по новому образцу. Разве это не факт, доказывающий способность русского народа к механическому делу и разве, опять, не следует внести его на страницы истории развития русской заводской промышленности?—Наконец, четвертый факт: когда я начал строить эту кузницу, невольно явился вопрос: откуда взять для нее кузнецов? Ответ был прост. И, действительно, проходя со мною по этой кузнице, вы любовались работою этих молодцов и между ними едва 10 — 15 старых мастеров, остальные — все новобранцы. После этих четырех фактов, пожалуйста, не приписывайте мне много заслуг. Если я и заслужил что-нибудь, то только вследствие способности русского народа к механическому делу!»

Конечно, гости кричали браво, хлопали в ладоши, конечно Н. И. Путилова качали—восторг перед русским мужиком доходил до апогея—но это было на словах, на деле была та же

беззастенчивая, самая неудержимая эксплоатация. Быть может, и даже наверное, Н. И. Путилов сам не обижал своего рабочего, не стремился его эксплоатировать, так как Путилов был деятель большого масштаба, но сам по себе Путилов ничего не мог сделать, не мог изменить общий характер, и рабочий, высокохваленый русский рабочий, гений и самородок, оставался все еще исключительно черноземною силою!

Таким образом, старый казенный чугунно-литейный завод возродился 12 января 1868 года и возродился для того, чтобы дальше жить, развиваться и превратиться в один из самых могущественных гигантов машинного и механического дела в России!

Прежде всего проследим, как шла эволюция владения этим заводом. Купил его самостоятельно Н. И. Путилов, но расходы, потребные на завод, на необходимость его развития были так велики, что одному лицу не было возможности овладеть этим делом, и 24 октября 1872 года появился устав общества Путиловских заводов. Общество не сразу могло окрепнуть, встать на ноги, не малым ущербом послужила и смерть Н. Путилова— 18 апреля 1880 года; он похоронен при входе в Морской канал, стройный обелиск свидетельствует о памятнике тому, кто первый поднял голос о необходимости работать над Морским каналом. Таким образом, через четыре года большинство акций перешло к Государственному банку, который с этого времени стал фактическим владельцем завода. Но государство в 1877 г., конечно, не мечтало о национализации заводов, и в мае 1883 г. завод был куплен синдикатом Брянского и Варшавского сталелитейного завода, мечтавшим этою покупкою убить сильного конкурента, и, наконец, в 1885 году вновь образовалось общество, принявшее название Общество Путиловского завода и начавшее его эксплоатировать. 2 мая 1907 года в петербургской прессе крайнего правого направления появилась заметочка следующего содержания: «Английские капиталисты забирают в свои руки и Путиловский завод. Компания капиталистов вносит в завод 7 миллионов, завод расширяется и переустраивается».

Эта заметочка была расшифрована уже после войны Г. Цыперовичем: «Деятельность металлообрабатывающих заводов по

изготовлению брони для военных судов, по постройке последних, по выделке пушек, ружей, снарядов и т. д., также протекала до и во время войны «совершенно секретно». Тем не менее удалось все же установить, что такие влиятельнейшие предприятия по обслуживанию, а, точнее, по разрушению страны, как Путиловский, Сормовские, Коломенские, Николаевский судостроительный и т. д., давно уже были об'единены в негласный синдикат, состоявший до войны в самых интимных отношениях с аналогичными предприятиями в других странах, как «враждебных», так и «дружественных». Еще в 1904 году об'единенная группа немецко-австрийских предприятий по военному снаряжению, Крупп—Скода—вступили в тесную связь с русскими и французскими фирмами, особенно с фирмой Шнейдер-Крезо. Через них было заключено соглашение с Путиловскими заводами, а через последние с различными английскими фирмами по производству оружия. Германская фирма Леве до войны была тесно связана не только с оружейными заводами Бельгии, Франции, Италии,. Австрии, Китая и т. д., но и с русской оружейной компанией «Парабеллюм». Таким образом, в то время, как «Продамета», по свидетельству органа П. П. Рябушинского, систематически подготовляла внутри страны все условия, необходимые для ее поражения, господа Путиловы и К⁰ в тесном содружестве с немецкими, австрийскими и иных национальностей фирмами орудовали на всемирном рынке военного снабжения, выдавая военные секреты своим противникам и поставляя им те материалы, из которых вырабатывались орудия и снаряды, впоследствии уничтожавшие русских солдат во славу патриотического капитала».

Конечно, Г. Цыперович прежде всего политический деятель, а затем уже политико-экономом, историк. И понятно, нельзя серьезно относиться к его обвинениям Путилова и К⁰ в прямой измене. Конечно, таковой не было, да и не могло быть, потому что Путиловы и К⁰ имели дело с акциями, облигациями, конторскими книгами, отчетами, и в этой области не может быть прямой измены. Но заслуга и громадная Г. Цыперовича, что он впервые расшифровал дальнейшее развитие нашей промышленности, указав, что эта промышленность шла быстрыми

шагами к тресту и, что этот трест проникал в такие организации, которые казались вполне партиотическими.

Приведенный анализ в то же время служит заключительным аккордом к этой эволюции управления Путиловского завода, который мы начали. Конечно, не национализация уничтожила былой Путиловский завод, наоборот, национализация отнеслась очень бережно к большому былому труженику Путилову, но его завода, конечно, давным давно не было, этот завод был небольшою точкою во всемирном тресте и, как таковой, очень мало интересовал вершителей треста. Им не было никакого дела до того, что с этим Путиловским заводом связан ряд промышленных достижений в истории нашей эволюции. Все это было пустое, рассматривали лишь дивиденд, и с точки зрения такового завод мог существовать или должен был исчезнуть.

Перейдем теперь к более интересной стороне Путиловского завода, к развитию в нем производств.

Завод был создан для производства рельс, но специализироваться на этом деле он не мог, так как количество рельс, нужное для выработки, сократится, если уменьшится постройка железных дорог. И в 1874 году на заводе начинает образовываться вагоностроительное дело, а в 1881 году началось изготовление цистерн,—таким образом сначала деятельность растет по одному и тому же производству—железнодорожному. Это направление было вызвано, конечно, тем обстоятельством, что рельсовый завод имеет для безотлагательного ремонта часто бывающих поломок: литейную кузницу, механическую, модельную и котельную мастерские, снабженные разнообразными и массивными устройствами. Без этого рельсовый завод немыслим. Давая до 10 т. пуд. в день, он невольно считает остановки не днями, а часами и требует безотлагательной починки, несмотря ни на ночь, ни на праздник. Такие громадные ремонтные мастерские и такая дорогая рабочая механическая сила должны быть как бы дежурными при рельсовом заводе и иногда стоять 2, 3 недели без дела, в ожидании какой-либо случайной поломки в рельсовом заводе. Единственное средство вести выгодно рельсовое дело, это одновременно занять механические мастерские однообразным, неспешным механическим делом, которое могло бы снять обузу расходов с рельс и само содержать и свои

устройства, и свою рабочую силу, всегда готовую на помощь рельсовому заводу в случае поломки.

Так зародилось на Путиловском заводе вагоностроительное дело и ряд других производств, которые разрастались и требовали увеличения сил завода. Рос и сам завод.

Котельная мастерская, построенная лишь для ремонта заводских котлов и т. п., в 1892 г. выстроила для себя новое помещение и стала изготовлять части для самых разнообразных механических конструкций: паровые котлы разных типов, поворотные круга, мостовые краны, дымовые трубы, все клепальные части барбежных установок и прикрытия к ним для броненосцев.

После товарных вагонов, после цистерн завод в 1888 году начал выпускать и пассажирские вагоны. До конца 90-х годов завод выпустил вагонов товарных и цистерн 4827 штук, 3442 пассажирских вагона—средняя производительность завода в вагонном деле около 250 товарных и около 15 пассажирских вагонов.

В 1892 году приступили к постройке мастерских паровозного отдела, в 1893 году мастерские были готовы, принялись за паровозы, первый из которых был выпущен в сентябре 1894 г., а в 1897 году появился первый быстроходный паровоз.

Кроме того, с 1887 г. на заводе начинают расти отделы военные, к 1887 году относится начало изготовления минных аппаратов, сначала в виде опыта, а затем расширяясь, увеличиваясь, изготовляя, например, полное минное вооружение броненосца «Гангута», состоявшее из 6-ти судовых бронзовых и 3 катерных аппаратов, двух воздухонагнетательных насосов, а затем, весьма естественно, приступив и к работе миноносцев. Начало постройки было сделано в 1889 году: был построен деревянный эллинг, для спуска устроен искусственный бассейн, соединенный каналом со взморьем, для погрузки машин и котлов—установлен был на берегу сильный под'емный кран. Постройкой миноносцев Путиловский завод откликнулся на призыв правительства, желавшего быть независимым от заграничных заводов, но эта постройка происходила во время, когда и специальные заграничные заводы не выработали какого-нибудь установившегося и удовлетворительного типа, поэтому, при ограниченном

числе заказов завод должен был много затрачивать на производство различных опытов и испытаний и терпел большие убытки. А потому «патриотизм» был немножко забыт, стремление помочь правительству быть независимым от заграницы как-то забылось, и Путиловский завод в 1893 году прекратил постройку миноносцев, построив их всего шесть.

По начало 900-х годов Путиловский завод изготовил снарядов разных калибров и разных систем, по поручению сухопутного и морского ведомств 140.349 штук. Затем в 1890 году была оборудована лафетно-снарядная мастерская, в 1892 году сооружено стрельбище, и в 1892 году на Путиловском заводе появилась первая пушка, а затем стали строиться новые мастерские для сооружения особых пушек, и в 1895 году этими мастерскими были изготовлены 57 канонирных пушек Норденфельдт.

Таким образом, начав свою деятельность выделкою рельс—в 1898 году изготовление рельс было прекращено и заменено выпуском строительных балок,—завод развил громадную военную и машиностроительную деятельность. Но не надо забывать, что Путиловский завод был не только механическим, но и металлургическим и до 1887-88 года даже исключительно последним. Механический отдел стал развиваться последовательно. И имея свой металлургический отдел, завод прежде всего был совершенно независим и застрахован от разных случайностей, сопряженных с получением полуобработанных продуктов со стороны, а кроме того, он имел возможность, подбирая материал самостоятельно, удовлетворять самым разнообразным и трудным требованиям, пред'являемым техникою. Крупную статью производства металлургического отдела представляло фасонное стальное литье, затем Путиловский завод первый из частных заводов начал готовить инструментальную сталь, не уступающую заграничной.

Развитие завода получило некоторый тормоз в громадном пожаре 16 мая 1883 года—почти весь Путиловский завод был в огне, но акционерное общество сумело довольно быстро восстановить работы.

Продолжим уже приведенную нами таблицу рабочих:

в	1885	году	было	. . 1993	человек.
»	1886	»	»	. . 2006	»
»	1887	»	»	. . 2147	»
»	1888	»	»	. . 2097	»
»	1889	»	»	. . 2991	»
»	1890	»	»	. . 3250	»
»	1891	»	»	. . 3506	»
»	1892	»	»	. . 4419	»
»	1893	»	»	. . 5975	»
»	1894	»	»	. . 6926	»
»	1895	»	»	. . 8443	»
»	1896	»	»	. . 10175	»
»	1897	»	»	. . 11391	»
»	1898	»	»	. . 11780	»
»	1899	»	»	. . 11793	»
»	1900	»	»	. . 12441	»

Мы видим, что число рабочих год из года продолжало неукоснительно расти, и XX век Путиловский завод начал с 12.441 чел. рабочих. Работы производились в две смены; продолжительность рабочего дня в металлургических цехах и кузницах при всяких печах—12 часов, во всех остальных мастерских для дневной—10, для ночной—6, накануне праздников рабочий день сокращался на $2^1/_2$ часа. Все почти рабочие, за исключением чернорабочих, работали задельно или со штуки.

Заводосостав в 1901 году был следующий:

1) Правление завода, состоявшее из 5 директоров и 5 кандидатов;

2) дирекция завода—директор и 2 его помощника;

3) общая администрация, состоявшая из следующих отделов: секретариат, бухгалтерия, учетная контора, проходная контора, контора смотрителя, стол заказов, центральный магазин, экспедиция.

Количество служащих в общей администрации достигало 118 человек.

Мастерские завода делились на 8 отделов: 1) металлургический, 2) механический, 3) вагонный, 4) артиллерийский, 5) паровозный, 6) хозяйственный отдел, 7) заводские паровые котлы, 8) механическая лаборатория.

Приблизительный штат каждого отдела в свою очередь состоял из: 1) заведующий отделом, 2) его помощник, 3) начальник мастерской, 4) его помощник, 5) мастера, 6) их помощники, 7) старший рабочий (монтер), 8) мастеровые, 9) под-

ручные, 10) ученики, 11) чернорабочие, 12) машинисты, шорники, подметалы.

К этим отделам надо было присоединить железнодорожный строительный цех, который имел 50 верст железнодорожных путей, 18 паровозов, 350 вагонов, 4 под'емных крана, 1 ремонтное депо и до 800 рабочих.

IV.

Балтийский судостроительный завод.—Основание его.—Макферсон и Карр.—Образование Английского общества.—Русское судостроительное Балтийское общество. — Казенный завод.

Основание нынешнего Балтийского судостроительного и механического завода произошло следующим образом. В начале второй половины прошлого столетия на императорских яхтах служил вольнонаемным механиком великобританский подданный Марк Макферсон; кроме своей специальности, как механика, последний обладал весьма обширными техническими познаниями и в судостроительном деле, как по постройке корпусов судов, так и их машин. Когда при начале крымской компании из России были удалены все английские подданные, Макферсон, пользуясь личным доверием Николая I, был по высочайшему повелению оставлен в России; в это время Макферсон, кроме исполнения своих прямых обязанностей, уже обзавелся и небольшою собственною мастерскою на Васильевском острове, в которой и исполнял разные мелкие частные заказы на слесарные работы. Случай свел Макферсона с владельцем сахарного завода А. А. Карром: на этом заводе потребовалось построить под'емный кран, причем были вызваны на конкуренцию несколько частных фирм, между прочими и Макферсон. Предложение последнего и по цене, и по техническим данным оказалось самым выгодным, и Макферсон, получив заказ, весьма быстро и успешно справился с порученною ему работой. Между Карром и Макферсоном установились близкие отношения, в результате которых 1-го мая 1856 года они и образовали частный прокатно-литейный, механический и судостроительный завод, поставивший себе задачею исполнение как частных заказов, так и преимущественно заказов морского министерства. Компаньоны при-

обрели на Васильевском острове в Чекушах, по набережной Большой Невы и по Кожевенной линии участок земли в 8353 кв. с. за 24.400 р. (т. е. менее 3 р. за 1 кв. саж.). Согласно заключенного между Карром и Макферсоном контракта—второй из них был полным и независимым хозяином завода; он был главным руководителем работ, как при постройке и при дальнейшем расширении завода, так и при исполнении принимаемых на себя заводом заказов; на просмотр Карра представлялись только контракты по наиболее крупным заказам. Это единовластие и было верным залогом дальнейшего совершенствования и успехов завода.

Существовавший на участке каменный дом по Кожевенной линии, со стороны Невы имевший форму литеры Т, был расширен трехэтажною каменною пристройкой и в нем были устроены мастерские: механическая, сборочная, столярная, медницкая, малая кузница и модельная, а находившийся во дворе каменный флигель был приспособлен под литейную мастерскую. Постройка самих судов, вначале только малого размера производилась на открытом воздухе или в полуоткрытых сараях на берегу Невы и только 3 года спустя Макферсон построил деревянный эллинг и почти одновременно с ним на вытянутом длинном участке завода—железопрокатную мастерскую для прокатки железа для судов и котлов, строившихся по заказам морского ведомства. Рядом с прокатною мастерской были устроены: большая кузница, слесарная и разбивочные плазы, а в части прилегавшей к Кожевенной линии—2 полукаменные дома для заводской конторы и квартиры служащих.

В качестве мастеров Макферсон пригласил на завод почти исключительно иностранцев, рабочие были русские и получали поденную незначительную плату. В течение 15 лет, во время управления заводом Макферсоном были исполнены следующие важнейшие работы: мониторы «Броненосец» и «Латник», башенный фрегат «Адмирал Лазарев», ряд машин для военных судов, несколько частных судов и исполнялись заказы для министерства путей сообщения.

10 ноября 1871 года Макферсон и Карр подали в морское министерство заявление, что у них денежных средств не имеется и что через 10 дней они приостановят завод.

Макферсон и Карр таким образом сошли со сцены просветительства россиян на счет машиностроения. Это замечательно характерный случай в истории русских заводов. Маленький механик, сумевший как-то понравиться Николаю I неожиданно делается владельцем второго по величине судостроительного завода, а затем, когда, очевидно, капитала стало достаточно, когда можно отдохнуть на лаврах (потомки этого Макферсона вплоть до революции владели большими участками земли в Петербурге), об'являет; денег нет, делать ничего не могу. А на заводе у него — даже по официальным сведениям — множество крупных и мелких заказов,—строился железный фрегат «Александр Невский», каталась вся сталь для поковок, которые должны были строиться на Черном море, но что самое главное, самое существенное — делались механизмы новой царской яхты «Ливадия». Макферсон выбрал время подходящее.

Морскому министерству была поставлена дилемма: или немедленно согласиться на закрытие завода Макферсона и все данные ему заказы морского ведомства передать на другие частные заводы, или же принять на себя попечение и ответственность о дальнейшей деятельности завода. Министерство — как в то время говорили—не без колебания решилось на последнее, исходя из того вполне правильного положения, что кроме Макферсона у нас был только один удовлетворительно оборудованный судостроительный и механический завод—фирмы Берд—и естественно закрытие первого из них принудило бы министерство дать заводу Берда за окончание начатых Макферсоном работ ту цену, которую первый из них пожелает запросить. Поэтому в конце 1871 года морское министерство согласилось на назначение администрации по делам завода и Макферсона. Но в это время на сцене появился князь Ухтомский с инженером Ридом—главным инженером английского флота; они хотят купить этот находящийся у администрации завод. Рид, понимаете, Рид — главный инженер английского флота! да ведь можно захлебнуться от восторга — и, конечно, завод уступлен этой новой английской компании, но уже не под именем Макферсона, а как Балтийский судостроительный. Но в результате—оказалось, англичане не умеют даже вести бухгалтерию, и через год эта английская компания проваливается

торжественно—но очевидно, князь Ухтомский (и еще кто следует) условное вознаграждение получил,—какая-то, еще не понятная для нас афера была сделана. Завод опять закрыт и чтобы его спасти, 20 мая 1877 года учреждается «Русское Балтийское железоделательное и механическое общество». — Зачем был нужен этот секрет полишинеля, зачем было нужно это общество, мы не знаем, но из 10.000 акций общества 8405 принадлежали морскому министерству и, следовательно, последнее было хозяином этого завода. Но выбрали правление из трех директоров, один от морского министерства, отыскали энергичного талантливого управляющего, отставного капитана-лейтенанта Михаила Ильича Кази. Кази повел дело очень хорошо, постройки велись образцово, завод давал доход, но этот завод был заводом особого общества, и морское министерство, владея не всеми акциями предприятия, все же несло все расходы по поддержанию его деятельности, а частные лица, в руках которых оставалось, правда, очень небольшое число акций, не вносили в кассу общества никаких сумм, но получали дивиденд. Поэтому морское министерство, желая завод сделать совершенно казенным, но не желая даже временно прекращать его деятельность назначило особую ликвидационную комиссию, которая 1 июля 1894 года и передала завод в полную собственность морского министерства. Кази не пожелал оставаться управляющим казенного завода, вышел в отставку и на его место был назначен большой морской инженер С. К. Ратник. Деятельность Балтийского завода ясно выявится из приводимой таблицы:

	1874	1878	1884	1894	1904
Занимаемая заводом площадь	8.353	8.353	8.353	38.000	42.000
Стоимость завода . . .	812 т. р.	1.759 т. р.	1.899 т. р.	3.719 т. р.	10.143
Производительн. завода.	—	1.370 т. р.	1.821 т. р.	3.982 т. р.	13.764
Прибыль завода	—	202 т. р.	270 т. р.	593 т. р.	т. р. 2.689
Количество рабочих . .	—	1.011	1.198	2.763	6.868

V.

Положение Обуховского завода в 1912 году.—Открытие Обухова.—Участие Путилова.—Обуховский сталелитейный завод.—Положение о заводе.

Переходим к третьему казенному заводу в Петербурге, к Обуховскому.

В 1912 году завод имел следующие отделы и мастерские: 1) сталелитейная, 2) электро-сталелитейная, 3) меднолитейная, 4) чугуннолитейная, 5) молотовая, 6) прессовая, 7) прокатная, 8) котельная, 9) отжигательная, 10) снарядозакалочная, 11) пилозубная, 12) пулечно-отделочная (10 отделений и скрепляющая), 13) станочная, 14) снарядная, 15) оптико-механическая, 16) минная, 17) мастерская скорострельной артиллерии, 18) отделы: технический, 19) электрический (и газовый завод), 20) железнодорожно-пароходный отдел, 21) строительная часть, 22) ремонтная, 23) модельная, 24) кирпичная (и кирпичный завод), 25) артилерийско-минная техническая контора, 26) химическая и механическая лаборатории, 27) главная контора, 28) главная бухгалтерия, 29) главный магазин, 30) смотрительская часть, 31) больница.

Производства завода: 1) орудия всех калибров, 2) башечные установки, 3) станки, 4) лафеты, 5) учебные стволы, 6) стальные пружины, 7) самодвижущиеся мины, 8) приборы Обри, 9) оптические прицелы, трубы, панорамы, микрометры, бинокли, 10) всевозможных сортов высокого качества стальные, медные, чугунные отливки, 11) простые и фасонные посовки, 12) прокатные изделия, 13) огнеупорный кирпич, строительный кирпич, 14) полезные конструкции и разные клепальные изделия, а также 15) ремонт всех предметов артиллерийской техники.

Литейные средства Обуховского завода позволяют отлить в год орудийной стали до 2.500.000 пудов, при весе болванок до 4.000 пуд., фасонной стали до 100 т. п., при весе отливок до 2.700 пудов, медных отливок до 14.000 п.

Ковальные средства позволяют обковать 700.000 пудов стали.

Прокатные средства позволяют прокатать 1,5 мил. пудов.

С основания по 1-ое июля 1912 года Обуховский завод изготовил и сдал 13.203 орудия; станочная мастерская может выпустить изделий на сумму 1,5 мил. руб., снарядная выше 2 мил. руб., минная может выпустить до 220 мин в год.

Перевозочные средства Обуховского завода позволяли транспортировать до 420.000.000 пудов в год.

Электрическая станция обладает машинами в 6.750 лош. сил, в самом заводе 158 паровых котлов с поверхностью нагрева 13.900 кв. саж. и 190 под'емными кранами.

Административный и технический персонал около 400 чел., мастеровых свыше 5.000 человек, общая производительность завода от 12 до 13 миллионов в год.

Занимаемая заводом площадь земли—135 десятин, 369,5 кв. сажен.

11 июня 1861 года русский инженер П. М. Обухов начал в России сталепушечное дело. Первые опыты производились на Урале, там же был открыт и первый завод. Но 6 мая 1862 года особый комитет при военном министерстве постановил построить около Петербурга завод, на котором сосредоточить изготовление орудий по только что изобретенному П. М. Обуховым способу. Но несмотря на такое постановление комитета, завод едва ли был бы открыт, так как у Обухова не было средств, а получить ассигновки от военного ведомства было более чем затруднительно. Но в дело вмешался уже упомянутый нами Путилов. 4 мая 1863 года Путилов, Обухов и богатый финансист Кудрявцев заключили с морским министерством контракт об устройстве завода, 31 мая того же года под этот завод была отдана земля бывшей Александровской мануфактуры, 9 июня начат фундамент под 35-титонный молот,—известный в то время архитектор Р. Генрихсен перестраивал старые здания Александровской мануфактуры и производил новые постройки, и 15 апреля 1864 года была произведена отливка первой пушки на Обуховском заводе, а 15 февраля 1865 года появилось и первое положение об управлении Обуховским заводом.

Таким путем образовался один из самых крупных наших заводов; положение его с самого начала было какое-то двойственное—его чуть ли не единственный заказчик была казна,

а содержался этот завод частными лицами. По крайней мере в законоположении об отводе под Обуховский завод земли говорилось: предприятие это, в случае успеха, должно иметь государственное значение относительно вооружения крепостей и постройки броненосных судов. Далее, техника сталелитейного дела делала громадные успехи, чуть ли не в корень изменяла прежние способы и приспособления. Вес орудий увеличивался чрезвычайно быстро, конструкция усложнялась, что требовало новых и новых затрат. У товарищества Путилов, Обухов, Кудрявцев не доставало денег: ссуды, полученные от морского министерства, были недостаточны. Затем двое учредителей товарищества Обухов и Кудрявцев умерли, Путилов занимался своим собственным делом, и Обуховский завод, находясь de facto в ведении морского министерства, de jure был собственностью особого товарищества на паях. Тогда в 1881 году был передан морскому министерству на обсуждение особого юридического совещания из представителей министерства финансов, юстиции, военного, морского и государственного контроля вопрос о правах, принадлежащих в этом предприятии казне и частным лицам. Означенное совещание пришло к заключению, что за казною может быть признано не право собственности на завод и не основанное на том праве участие в прибылях предприятия, а только право кредитора в той мере, в какой делались заводу ссуды, еще не пополненные поставленными им изделиями. В виду этого, в целях более твердого основания юридических отношений казны к заводу, управляющий морским министерством в ноябре 1882 г. вошел в комитет министров с представлением о покупке у Кудрявцевой ее прав, представлявших третью часть паев. 21 января 1883 года покупка была разрешена и все права, принадлежащие в предприятии Кудрявцевой, перешли к казне за 900 т. р.

В 1883 году комитет министров постановил:

1) Приступить к исполнению высочайшего повеления 8 июня 1868 года (ровно через 15 лет приступили к исполнению!!), к подробной разработке положения о будущем порядке управления заводом, который бы наиболее отвечал видам правительства относительно его предприятия с ближайшим определением как отношений, в коих этот завод должен находиться к мор-

скому министерству, так и того участия, которое по существу означенных отношений может быть впредь сохранено за правопреемниками частных учредителей помянутого предприятия, и

2) образовать для выработки этого положения особую комиссию.

Комиссия выяснила, что для дальнейшего существования Обуховского завода нет надобности ни в непосредственном участии частных лиц в управлении заводом, ни в их капиталах, а потому завод должен быть сделан казенным, но с сохранением тех начал ведения дела, которые применялись на нем до сего времени и которые имеют характер и формы частного предприятия.

Это постановление комиссии и послужило основанием для положения управления Обуховским заводом, суть которого заключалась в следующем: управление заводом было вверено правлению и начальнику завода, правление состояло из председателя, двух членов от морского министерства, начальника завода и представителя контроля. Обязанности правления заключались в составлении предварительных смет доходов и расходов, рассмотрении и утверждении условий казенных и частных нарядов, заведывании всеми денежными оборотами и суммами завода и т. п. Начальник завода распоряжается вполне независимо от правления. На его ответственности лежит постоянное улучшение технических сил и средств, заготовка материалов, привлечение заказов. Никаких кредитов на содержание и действие Обуховского завода по финансовым сметам правительственных учреждений не назначается. Заводские же расходы покрываются из платежей по заказам.

Это положение по существу оставалось без изменения.

VI.

Завод Нобеля.—Его работа в военном деле.—Производство паровых машин, бандажей, колес, колосников, насосов, сепараторов.—Нобель и дизель.—Нобель и нефть.

Одним из характерных образцов частного механического завода в Петербурге является завод Нобеля. Если рассматривать завод Нобеля исторически, то мы увидим, что было два завода Нобеля—ранний и более поздний.

Ранний завод был открыт Эд. Нобелем в 1846 году по поручению русского правительства для изготовления подводных мин. Но так как на эти одни работы завод не мог существовать, то было присоединено и производство винтовых механизмов для судов. Завод развил усиленную деятельность во время Крымской кампании, когда в течение $2^1/_2$ лет построил 42 паровых машины в 3150 лошадиных сил. Это обстоятельство побудило Нобеля составить устав общества Сампсониевской механической мануфактуры, которое должно было соединять «пароходство», перевозку грузов и пассажиров с механическим заводом. Соединяя операции механического производства с пароходством, общество будет иметь возможность употреблять машинистов и рабочих с пароходов, остающихся зимнее время праздными, на заводе для постройки и таким образом, иметь постоянно лучших мастеровых и машинистов. Расчеты, казалось, были верны и правильны, но и образование Сампсониевской мануфактуры не помогло, так как казенные заказы прекратились. Нобель об'явил себя в 1858 году банкротом, его завод закрылся, и он уехал к себе на родину в Швецию, где продолжал главную свою работу—работу со взрывчатыми веществами. В России, в Петербурге, остался старший сын Нобеля, который 1 октября 1862 года приобрел на Выборгской стороне небольшой завод Имервуда и превратил его в «чугунно-медно-сталелитейный и котельный завод Людвига Нобеля». Первые 15 лет деятельности завод Нобеля работал в области военного дела. Нобель был пионером дела вооружения русских войск в России—раньше воинские припасы заказывались за границею, и Нобель был инициатором целого ряда новых производств, дотоле у нас не существовавших. Нельзя забывать, что, например, для изготовления ружейной коробки, кроме ковки, необходимо до 56 операций, и так как некоторые из них производятся на нескольких станках, то для одной коробки нужно было более 75 станков. Уже этот пример показывает ясно сложность техники военного сооружения. Большинство станков приходилось выписывать из-за границы, они стоили дорого, так как на них были взяты патенты. Но завод Нобеля не только выписывал станки, он их переделывал, улучшал, выдумывал новые.

Деятельность завода Нобеля в военном деле выразилась в изготовлении:

снарядов, обыкновенных чугунных . . .	912.692	штук.
» закаленных	7.750	»
» стальных	90.000	»
лафетов	2.141	»
скорострельных пушек	180	»
переделка 6 мил. ружей	100.000	»
ружей бердана	453.000	»
скорострельных пушек	80.000	»
минных аппаратов	112	»
воздушных нагнетательных насосов . .	40	»

Затем завод Нобеля переходит и к мирной деятельности, и за 25-летие с 1879 по 1904 год выпущено 600 паровых машин в 36.000 лош. сил. Еще раньше завод специализировался на изготовлении бандажей и колес; в 1880—1881 начали выделываться колосники Нобеля для горения мазута; с 1882 по 1901 г. Нобель выпустил 1.200 насосов системы Блэке и Ворпингтона; в 1888 году перешли на выделку сепараторов; в 1892 году паровые двигатели заступают место керосиновых, и в 1894 году завод Нобеля одновременно с заграничными заводами приступает к изготовлению только что появившихся быстроходных скальчатых насосов и вводит у себя изготовление дизелей. Предугадывая большое распространение дизелей, Нобель имел в виду привлечь к этому делу и другие русские заводы, но ни один не откликнулся, и в 1899 году дизеля стали выпускаться заводом. Выделка дизелей послужила толчком к разработке идеи теплоходов и с 1904 года завод прекратил у себя выделку паровых машин.

Безусловно, большую поддержку заводу Нобеля оказало то обстоятельство, что Нобель встал во главе нефтяного дела—заменить живую силу для перевозки нефти с промыслов на завод трубою и паровым насосом, организовать перевозку готовых нефтяных продуктов по Каспию и Волге в наливных железных пароходах и баржах, а по железным дорогам в вагонах-цистернах, заменить прежние земляные ямы для склада нефти в бочках—железными резервуарами, втянуть все железные линии в сферу распространения русского керосина—вот

был план Нобеля, который он неуклонно, настойчиво вводил в жизнь.

В 1900-х годах выстроена для служащих завода особая колония. В 1901 году открылись при заводе школа и зал для народных чтений, лекций, спектаклей, в 1902 году отменены обыски при выходе с завода; в 1906 года при заводе открылась библиотека.

Завод Нобеля принадлежал к числу тех немногочисленных частных заводов, которые просуществовали более 50 лет, не испытывая при этом краха, постепенно переходя от производства к производству, следя за последним словом техники.

VII.

Завод Семянникова.—Невский судостроительный завод.—Производство паровозов. — 3000-ный паровоз.

Почти одновременно с Нобелем был основан Невский судостроительный завод, а именно, 10 июля 1860 года, более известный первое время как завод Семянникова, по фамилии одного из основателей этого завода.

В 1860 году англичанин Томсон построил на участке, выходившем на Неву и на Шлиссельбургский тракт, небольшой чугуннолитейный завод, в 1863 году Семянников и Полетика приобрели завод Томсона, преобразовав его в «Невский железоделательный, механический и корабельный завод», который за пятилетие 1863—1868 изготовил для морского министерства броненосцы «Кремль», «Адмирал Свиридов» и «Адмирал Чичагов», а в 1869 году на заводе был изготовлен первый пробный паровоз. Таким образом, завод расширял производство и ему пришлось увеличить свою территорию: в 1870 году был прикуплен участок, находившийся на правой стороне Шлиссельбургского тракта, где была ткацкая и шелковая фабрика. На этом участке был выстроен ряд мастерских и устроен соединительный путь с Николаевской железной дорогой. Направление завода вполне определилось—исполнение заказов для министерств морского и путей сообщения. Но это направление деятельности завода предопределило и его финансовую судьбу: оба

вышеуказанные министерства давали сравнительно мало заказов, поддержать завод не могли, несмотря на его высокую технику, и частные лица, заведшие завод, сдали его акционерной компании, которая также обанкротилась, появилась еще новая и в конце концов акции были скуплены государственным банком, который стал хозяином завода de facto, но не хотел им стать de jure и оставил завод принадлежащим частной компании. За 50-летнее свое существование завод выпустил 3000 паровозов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Распорядок работ на фабрике Василия Жукова. — Фабрика К. и П. Петровых.—Описание фабрики Богданова.—Несколько слов о фабрике Шапошникова.—Болезни рабочих на фабриках табака.—Зарождение табачной фабрики.

У нас имеется ряд описаний распорядка на петербургских табачных фабриках, причем первое из таких описаний относится к знаменитейшей петербургской фабрике 30—40-х годов прошлого столетия Василия Жукова.

Дм. Ахшарумов, известный петрашевец, писал в своих записках о пребывании в Петропавловской крепости—«просил его купить мне какую-нибудь трубку—тогда папирос еще не было, и Жукова табаку. Желание это было исполнено в тот же день: не помню я, какая трубка у меня была, но 1/4 фунтовую, в синей бумаге, пачку знаменитого желтого «Жукова кюстеру» едва ли кто из куривших его в прежние времена может забыть»...

Так вот каков был порядок работы на этой знаменитой фабрике,—порядок, описанный самим хозяином в 1840 году:

«Обращаясь к порядку производства работ, я должен предуведомить, что в этом отношении особенное внимание мое обращено к тому, чтобы всякий рабочий, определенный к известной части производства изделий, каждый день возвращался к одному и тому же занятию, и хотя вообще табачная фабрикация не представляет слишком сложной искусственности, тем не менее, при надлежащем распределении труда, вследствие полезной привычки к известной работе производство ее идет гораздо успешнее и в количестве, и в качестве (как видим, «русский самородок» прекрасно понимал разделение труда).

«Следуя этому внушенному мне не теориями, но опытом, правилу, я распределил рабочих моих со всевозможною в табачном производстве удобностию, таким образом:

«Мальчики и женщины под надзором опытного мастера занимаются непрерывно разборкою табачных листов по сортам предполагаемого к выделке табаку.

Одни из рабочих мочат и варят американские табачные стебельки.

Другие пластят эти стебельки между цилиндрами.

Третьи занимаются резкою этих стебельков на особо устроенных для того машинах.

Четвертые режут листы на машинах, подобных же пред'идущим.

Пятые просушивают на печах особого устройства изрезанный табак и стебельки.

Шестые, большею частью под собственным моим наблюдением, мешают табак,-окончательно приводя его в сорты.

Седьмые разрезывают и мочат бумагу, приготовляя ее к печатанию фирмы.

Восьмые на трех типографских станах печатают фирмы для обертки картузов.

Девятые, также мальчики, складывают печатную бумагу, подготовляя ее к обертке.

Десятые навертывают бумагу на жестяные формы картузов, припечатывают картузы снизу и передают их набивальщикам.

Одиннадцатые набивают картузы и печатают их сверху.

Двенадцатые прикладывают сбоку каждого картуза сургучную печать моего имени и фамилии, причем одни намазывают сургуч, другие кладут печать.

Тринадцатые погружают табачные картузы для отправления в деревянные ящики и ставят на них клеймо.

Четырнадцатые обшивают эти ящики рогожами и означают тюки сокращенными знаками имени и фамилии фабриканта, а также имени и фамилии лица, к которому товар отправляется.

Пятнадцатые—последние, наблюдают за освещением фабрики, они чистят, наливают и хранят лампы.

«При сем разделении каждый отдел работ имеет своего мастера, отмечающего на особой черной дощечке мелом количество произведенной работы, считая ее от утра до завтрака, от завтрака до обеда, а от послеобеденного отдыха до вечернего прекращения работ. Из этих отметок по окончании работ каждый день составляется главным приказчиком краткая рапортичка о количестве принятого в тот день на фабрику и изрезанного листового табаку и стебельков, число набитых картузов и самой выручки денег по магазинам за дневную продажу табаку. В этой рапортичке включается также и сделанный по какому-либо требованию значительный отпуск с означением лица требователя и подрядчика, также и известие о всяком необыкновенном на фабрике случае. Рапортичка сия каждый день вечером доставляется мне, живу ли я зимою в доме, где находится фабрика, или летом на даче в Екатерингофе. В последнем случае, кроме вечерней, доставляется ко мне еще и рапортичка утренняя собственно о благосостоянии дома и фабрики. Таким образом, движение фабрикации и состояние фабрики каждый день известны мне во всей их подробности и не может произойти никакого неустройства, противу которого не предстояло бы скорой возможности.

«Во время производства работы, старший, прохаживаясь по всей фабрике, находится в ней безотлучно, наблюдая, чтобы с одной стороны, работы не останавливались без основательной причины, а с другой чтобы не происходило между рабочими никакого крику, празднословия и препирательства.

«Работы вообще начинаются всеобщею в 6 часов утра молитвою и продолжаются до 8 часов; 9-ый час употребляется для завтрака, 10, 11, 12 продолжается работа; для обеда и отдыха назначено 2 часа; с 2-х до 8 часов вечера работы опять продолжаются, оканчиваясь молитвою и пением какого-либо церковного песнопения или народного гимна о здравии и долгоденствии государя императора».

«Таким образом, сохраняя молчание и изредка прерывая его, по желанию хозяина или почетного посетителя какою-нибудь пристойною русскою песнею, рабочие состоят на работе 11 часов в сутки. 11 часовой труд, несмотря на упомянутое

выше разделение занятий, облегчается для рабочих следующим образом.

«Как во всяком производстве нельзя избежать, чтобы одна часть труда не была тяжелее другой, то и в табачной фабрикации резка табаку и стебельков оказывается требующею большего по сравнению с другими работами напряжения сил, а потому для облегчения резальщиков с одной стороны существует в сутки две перемены рабочих, с другой—занимающиеся резкою пользуются некоторым отдохновением при натачивании ножей. Промежуток времени, занимаемый сказанными посторонними от резки занятиями, мог быть устранен дальнейшим подразделением работ, но оставлен мною именно для того, чтобы облегчить резальщиков, если не полным отдыхом, то, по крайней мере, трудом гораздо легчайшим.

«Точно такой же порядок, исключая смены, соблюдается во отношении и ко всем прочим работам, т. е. каждая пара, сделав известную часть своей работы, убирает произведение оной и относит по назначению, принимает новый материал для работы, располагает его и опять продолжает работать, переменяя только по взаимному согласию часть труда, лежащего отдельно на каждой паре, например, набивать картузы труднее, нежели подвертывать их, а потому подвертыватель и набойщик взаимно сменяют один другого в общей их работе».

К этому «распорядку» надо добавить еще и правила дозора, правила наблюдения над рабочими.

«Достигнув с моими рабочими—писал Жуков—того со стороны их ко мне отношения, которое заставляет стыдиться всякого известного мне их поступка, я не имел более надобности для поддержания их во всегдашнем послушании употреблять мер строгости; у меня не было никогда ни тюрьмы, допущенной на многих иностранных фабриках и необходимой там по причине буйства рабочих, ни штрафов, которые, будучи для бедняков разорительны, унижают и ожесточают их, ни телесных наказаний, ни даже жалоб в полицию (очевидно, все это практиковалось на других русских фабриках, ибо ссылка на иностранные фабрики сделана лишь для пущей важности): все эти меры столько же неприятные, сколько почти бесполезные, заменяются на моей фабрике бдительным надзором, который де-

лает мне известным всякий добрый и худой поступок каждого моего рабочего. Для этого надзора и вместе для содержания внутри фабрики чистоты и осторожности от огня учреждены мною дневальные. День и ночь исполняя свою обязанность, они извещают ныне особо учрежденного старшего, а прежде конторщика утром и вечером обо всем, что происходило на фабрике с полным убеждением, что утайка истины будет причиною непременного исключения из фабрики самого дневального. С этих словесных донесений прежде конторщик, а ныне старший, из заслуженных и украшенных крестами и медалями отставной унтер-офицер делает отметки в особом реестре о поведении каждого рабочего.

«Говоря здесь о старшем, нужным считаю заметить, что к учреждению сей должности и избранию в оную унтер-офицера руководила меня та причина, что люди этого звания, прослужившие с похвалою и отличием узаконенный срок по привычке к строгой субординации и точности в исполнении приказаний, особенно способны к надзору, управлению крестьянами, которые по уважению к заслугам, отличиям и опытности старых воинов, людей одного с ними происхождения, гораздо охотнее повинуются им, нежели другим, всякого рода приставникам.

«Не менее того принятая мною система надзора обеспечена учреждением постоянных часовых у ворот, определенных к этой должности также из отставных военных, которые обязаны видеть, отмечать в тетрадке и доносить прямо мне о несвоевременной отлучке со двора каждого рабочего, не препятствуя впрочем их выходу без особенного на чье-либо лицо приказания. Такие же отметки делаются ими на счет позднего возвращения рабочих в квартиру, небытности в ней во время ночи и нетрезвого состояния возвращающегося. Кроме того, они наблюдают, чтобы ничто, принадлежащее хозяину и живущим в его доме, не было выносимо за ворота и ничто не принадлежащее к дому в них не вносилось, особенно же вино, исключая дней праздничных и свободных от работы, с отношением к лицу рабочего по мере доверенности, которою он пользуется, чтобы иметь право послать за вином.

«Означенные меры надзора дополняются окончательно безусловным убеждением каждого рабочего: 1) что за сокрытие в

товарище своем буйства, непотребства и похищения, сокрыватель непременно увольняется вместе с сокрываемым и что 2) открытие одного из подобных поступков непременно вознаграждается или единовременною выдачею суммы, соразмерно важности открытия, или прибавкою жалования.

«О сказанных преступлениях как старший, так часовые и всякий рабочий имеют обязанность доносить мне немедленно, о прочих же менее важных проступках старший и часовой представляют мне письменные замечания свои в присутствии провинившихся ежемесячно при выдаче жалования. При сем нужным считаю дополнить, что для поддержания взаимного согласия между рабочими, доносители, кроме старшего и часового и дневальных, остаются неизвестными».

Церемониал раздачи жалования тоже замечателен: «Выдача жалования производится каждый месяц в первый после 1-го числа воскресный или праздничный день, вечером, непременно в моем присутствии. В это время рабочие, призываемые по списку, входят в контору по одиночке. При сем случае я вменяю себе в обязанность: 1-е осведомиться от каждого вновь принятого рабочего о его состоянии, семействе, прошедших занятиях, причинах, побудивших оставить дом или какую-либо прежнюю по найму службу, также не имеет ли новопринятый каких-нибудь особых сведений в ремесле и искусствах или же телесных недугов. И это об'яснение служит мне верным средством не только полезному для рабочих личному с ними знакомству, но и к возможному определению, с первого раза, умственных способностей, характера и нравственных направлений каждого из моих рабочих. Сверх того, новопринятый получает от меня всевозможное ободрительное наставление с указанием на тех из рабочих моих, примеру которых он должен следовать для достижения собственной пользы, а чаще всего указанием на меня самого, как прежде бывшего работника, сделавшегося хозяином посредством труда, честности и послушания старшим; 2-е в отношении к тем, которые находятся на фабрике моей уже в продолжение некоторого времени, обязанности мои состоят в том, что при входе получателя жалования тотчас делается справка по книгам старшего, часовых и моей о его в течение прошедшего месяца поведении и, судя по

взятым за тот месяц деньгам, наводится справка и о самых издержках его. В это время, не ограничиваясь строгим выговором за всякий проступок для исправления проступившегося, я назначаю одну из следующих мер пресечения к проступкам, например, человека, замеченного в наклонности к неумеренному употреблению вина, запрещается часовым выпускать некоторое время со двора; кроме того, из числа следующего выдается ему только столовый вклад, а остальные деньги удерживаются до следующего месяца в кассе с тем, чтобы вручить ему по удостоверении в исправлении или отослать их прямо через старосту для доставления его семейству, или же поручается старосте купить неполучившему в собственном его присутствии какие-либо нужные ему вещи, как-то кафтан, шапку, сапоги и пр. Сверх того, призывается один из доверенных земляков провинившегося и ему поручается непрерывный за ним надзор с тем, чтобы при случае выхода со двора к обедне он выходил и приходил обратно с тем, кому об нем сделано поручение. Такие же меры применяются к исправлению рабочих, наклонных к мотовству и излишеству в щегольстве. Проводящие ночь вне дома лишаются права выходить на некоторое время со двора, а потом отпускаются с провожатыми, ленивые назначаются в черные работы, которыми занимаются обыкновенно вновь поступающие, и потом, смотря по радению, переводятся к занятиям более и более чистым; 3-е в то же время рабочие хорошего поведения и отличившиеся особою ревностью к труду, кроме словесного ободрения, получают или единовременную награду или прибавку к жалованию».

Самое ужасное в этих правилах то, что они были не только написаны, но они неуклонно проводились в жизнь, и рабочий превращался таким образом в автомат, в часть громадной машины. И так как эти правила были напечатаны во всеобщее сведение, то, конечно, они принимались для руководства и на других фабриках.

В 1897 году появилось описание самых больших табачных фабрик в Петербурге, а именно: фабрик К. и П. Петровых, Богданова и Шапошникова.

Фабрика К. и П. Петровых помещалась на углу Театральной площади и Екатерининского канала № 109/8 и занимала

три этажа каменного дома и 4 этажа двух каменных флигелей; фабрика занималась выделкой как русского, так и иностранного табака и папирос (махорка на фабрике не перерабатывалась). В первом этаже находились: прихожая, точильная, расчетная, сушильня в 4 комнатах, в которых 3 большие широкие изразцовые печи, напоминающие саркофаги, для просушки табака; возле сушильного отделения мастерские, где стоят табако-резальные, гильзовые и другие машины, и газомотор; тут же устроены набойные для каждого сорта табака в отдельности, гардеробная, комната главного мастера, фабричный магазин с выходом на набережную Екатерининского канала, дворницкая и 6 кладовых для листового табака русского и иностранного, крошенного табака, бумаги и табака 3 сорта. В гардеробных и набойных для 2-го и 3-го сорта имеются весы. Во втором этаже прихожая, кабинет управляющего, бухгалтерия, комната для акцизных чиновников, контора фабрики и мастерские: бумаго-резальная в 2-х комнатах, сортовальня в 5-ти, далее две комнаты, где работали женщины над приготовлением папирос, упаковочная, клеельная табака 1 сорта, комнаты для записи работ папиросниц и выдачи табака мастерам, помещение для упаковки обандероленных изделий, 2 кладовые для хранения упакованных и неупакованных изделий 1-го сорта, столовая для рабочих и щипальная, где занимаются разборкою пачек листового табака (так называемых папуш). В 3-ем этаже в 12 комнатах занимаются выделкой, в 1-ой—насыпкой папирос, 2 кладовые для упакованных, но еще необандероленных изделий, кладовая для хранения бумаги и 3 кладовые для хранения этикетов и коробок. Здесь же находится лазарет (приемный покой).

Во всех окнах первого этажа, а также в выходящих из 2-го и 3-го этажа на лестницу плотно вделаны проволочные сетки.

Что же касается до самого производства, то оно сравнительно очень несложно, а именно: табак русского и иностранного сорта, получающийся из складов и плантаций, предварительно разбирается и режется для получения табаку различной крошки и вкуса. Из приготовленного уже табаку делаются пачки в $^1/_8$, $^1/_4$, $^1/_2$ и 1 фунт и папиросы.

Несмотря на то, что в § 7 обязательных постановлений об условиях устройства и содержания табачных фабрик в СПБ требуется, чтобы об'ем воздуха в мастерских был не менее 1/2 куба на рабочего, когда число рабочих доходило до 1700 человек, то на каждого рабочего приходилось не более 1/4 куба. Затем, постепенно, вследствие введения машин, число рабочих сокращалось и в 1896 году достигло 637 человек—количество воздуха на рабочего стало почти нормально.

Воздух в комнатах, за исключением сушильного отделения был более или менее удовлетворителен. В сушильне воздух содержал в значительной степени табачную пыль, а потому имелись респираторы и губки, но рабочие неохотно прибегали к ним.

Служащих на фабрике в 1896 году было 637—60 мужчин, 550 женщин, 12 мальчиков и 15 девочек. Сортировщики и укладчики папирос вырабатывали от 4 до 7 рублей в неделю, получая с 1000 штук, причем за укладку по десяткам в коробку полагается по 2 к. с тысячи, а по 25 штук — 1 1/2 коп. Набойщики и резальщики получали в неделю по 5 рублей независимо от того больше или меньше они сделают в неделю, женщины-папиросницы получают от 45 до 75 к. за 1000 штук, щипалки же, занимающиеся отделением листов табака 35 к. с пуда. Рабочий день 12 час.—от 7 утра до 7 веч., хотя хозяин имеет право задержать и до 9 часов.

Табачная фабрика Богданова находилась по Кабинетской улице и занимала большой 4-х этажный каменный дом с 3-мя таковыми же надворными флигелями; отдельно, внутри двора имелось небольшое каменное здание паровых машин.

На фабрике состояло 257 мужчин, 2405 женщин, малолетние не принимались, плата задельная: от 35 до 60 копеек за тысячу крученых папирос и 50 копеек за развеску табаку, ящик в 50 ф.

Крошильщики табака получали месячное жалование до 30 р. Средний заработок мужчины в день равнялся 90, женщины—55 копеек. Для работающих поштучно число рабочих часов не определено, хотя, конечно, и штучники работали те же 11½ часов, как и месячники. Постоянных рабочих на фабрике 75% из них работавших более 5 лет 15%, а более 10 лет 5%.

Из работавших поштучно больше всего женщин и притом семейных. Такая работница является на фабрику в $7^1/_2$ часов утра и работает до 11—$11^1/_2$ часов дня, затем отправлялась домой приготовлять пищу для мужа и детей, и возвратившись через несколько часов, работала до закрытия фабрики. Заработок таких тружениц ничтожный — 25, 30 коп. в день. Вообще работающие на табачных фабриках женщины имели характерный вид, все они за немногими исключениями, апатичны, малокровны и дурно упитаны. Сидя рядами у своих тесных станков, они быстро двигают руками, сосредоточивая все свое внимание на работе, ни общего разговора, ни смеха не слыхать. Если с такой работницею заговорить, то она отвечает урывками, неохотно и ни на секунду не оставляет своего занятия.

Комнаты, в которых производится работа, большие и имеют установленную высоту, с расчетом $^3/_4$ куба на человека, но воздух в комнатах, особенно к вечеру спертый, душный, вентиляция крайне несовершенна — оконные форточки и вытяжные трубы.

Ко всяким машинным нововведениям рабочие относились очень недружелюбно, в 1894 году было сильное брожение по поводу установки машин для механического производства гильз.

Вторая по величине фабрика Шапошникова имела 125 мужчин, 7 мальчиков, 825 женщин и 17 девочек. Условия работы таковы, как и на фабрике Богданова, заработок детей от 2 до 3 рублей в неделю, работа детей—оклейка бандеролью пакетов или присмотр за механическими станками, выделывающими гильзы.

И здесь, на фабрике Шапошникова, как и на других фабриках, имелись постоянные и временные рабочие, к первым относятся папиросницы и резальщики, ко вторым — остальные. Самыми непостоянными считались оклейщики и упаковщики, они работали дня 3-4.

При всех табачных фабриках имелись приемные покои с небольшою аптечкою и постоянный фельдшер, врач обыкновенно являлся на прием раз или несколько раз в неделю.

Затем при каждой фабрике имелись просторные кухни с громадною плитою и кубом кипятку. Здесь рабочие могли заваривать себе чай.

Большинство табачных фабрик до нельзя примитивны и невозможны. Всюду тучи табачной пыли,—на полу, на потолке и на самих рабочих. Акцизное ведомство, на котором лежит обязанность контролировать производство, не вмешивается ни в санитарное, ни в строительное дело данной постройки, которую думают обратить в табачную фабрику. Закон не идет далее требования известного числа дверей, оконных решеток и пр. О вентиляции, отводе пыли, способе сжигания—не забудем, что речь идет о конце 80-ых и начале 90-ых годов прошлого столетия—и вообще уничтожении отбросов нигде не говорится ни слова. Все помещение шло обыкновенно без остатка под мастерские и зачастую не оставалось даже никакого уголка ни для отдыха, ни для приема пищи. Даже кухни, где бы рабочий мог разогреть принесенную из дому пищу, почти нигде не имелось. Поэтому-то неудивительно, что на большей части табачных фабрик рабочие ели тут же в мастерских, переполненных табачною пылью, и тут же—иногда на тюках табачных листьев—ложились отдыхать после обеда. Вентиляции были всюду самого примитивного характера — форточки, да и те функционировали лишь на случай приезда начальства. Зимою их боятся открывать в виду простуды, а летом опасаются слишком сильного высыхания табака, который выдавался рабочим по весу. Оттого, почти всюду в мастерских, воздух до такой степени душен и сперт, что с непривычки свежий человек мог почувствовать дурноту.

Рабочий день начинался не особенно рано, именно с 6 — 7 часов утра, затем в 12 или 1 ч. дня делался перерыв на час или полтора и потом снова продолжали работу до 7 или до 8 часов вечера. Таким образом, нормальный день колебался на табачных фабриках между 10 — 12 часами. Ночной работы никогда не бывало и не потому, конечно, чтобы владельцы табачных фабрик имели что-либо против такой работы, а потому, что нужен отдых акцизному чиновнику, следящему за производством; по той же причине здесь никогда не работали также по праздникам. Контролер запирал вход, даже запечатывал его и до следующего утра никто не мог проникнуть в помещения фабрики. Но если акцизное ведомство и не разрешало ночной работы, то оно довольно охотно давало согласие на продолжен-

ную дневную работу, причем рабочий день оканчивался не в 7—8 часов вечера, а в 12 или в час ночи, и тогда продолжительность рабочего дня достигала до 16 — 17 часов. Освещение фабрик повсюду крайне плохое. В большинстве случаев мастерские освещались или небольшими керосиновыми лампочками без стекол, распространявшими отвратительную копоть, или в лучшем случае свечами. Заработная плата во всех главных категориях труда сдельная, т. е. с пуда крошеного табака, с тысячи приготовленных папирос и т. п. Средняя плата среди мужчин 15 — 20 рублей в месяц, средний заработок женщин не превышал 8 — 10 рублей, а заработок ребенка колебался между 2 — 4 1/2 р.

Женщины и дети — главные рабочие на табачных фабриках, в сортировочном отделении работали исключительно женщины, в папиросном—женщины и дети. Мужчины были заняты главным образом в крошильной, хотя и здесь было не мало женщин.

Техника работы — в самых общих чертах — делилась на две категории: первая категория обнимала собой обработку и вообще манипуляцию с табачным листом; во вторую категорию входят операции, имеющие целью придать табаку такую форму, в какой он является в руках потребителя.

Операция 1-ой категории делится на три главные фазы — распаковка, разборка полученных тюков, сортировка листов табака, отделение от них пыли, грязи, черешков и крупных жилок, и затем некоторая обработка табачных листов, предупреждающая их гниение и придающая им более ароматный запах.

Операции 2-ой категории делятся на четыре вида: крошение или крошка, обжаривание, сушка и упаковка. Ужаснее всего третий вид — сушка. Табак сушили в особого рода сушильных печах, нагреваемых приблизительно в 16 или 20° Цельзия. Рабочему приходилось входить самому в сушильную комнату, и нередко, спустя четверть часа, такого рабочего вытаскивали из сушильни в глубоком обмороке. При входе в такие сушильни дух захватывало почти в такой же мере, как при входе в то помещение химического завода, где добывалась соляная кислота. В этих помещениях не имелось никаких приспособлений, и ра-

бочие сами туго обвязывали себе рот и нос тряпками, заменявшими респираторы.

Такова была обстановка наших табачных фабрик. В конце 80-ых годов было произведено исследование здоровья рабочих и вот какие были получены результаты:

1) Вес рабочих и особенно малолетних сильно падает и на вид малолетние рабочие буквально поражали своей худобой, тщедушностью и вообще жалким видом. Это несчастные создания—рахитичные, анемичные, истощенные, хотя в большинстве случаев ни на что не жалующиеся.

2) Все рабочие имели окружность груди несколько даже меньшую половины роста, т. е. весьма незначительный об'ем грудных клеток рабочих, что и вызывало общее страдание—одышку.

3) Табак издавна считали средством неиндифферентным для половой сферы и, по французским наблюдениям, влияние фабрики на работницу выражалось в частых выкидышах, изменении молока и плохом здоровьи детей табачных работниц. Произведенное у нас в России исследование влияния табака на работницу не подтвердило французского вывода о выкидышах, но указало, что табачные работницы начинают менструировать довольно рано и не только вообще раньше женщин европейской России, но даже собственно и французской женщины.

4) И хотя из расспросов матерей в то время было, разумеется, трудно точно выяснить, какие собственно болезни вели к поразительно высокой смертности среди детей табачных работниц, но все же более половины их единогласно показали, что причиной смерти был «родимчик», очевидно, дети не переносили никотина принимаемого с молоком матери и гибли от заболеваний мозга и его оболочек.

5) Всем новичкам-работникам и работницам на табачных фабриках приходилось испытывать серьезную борьбу, прежде чем они приспособлялись к своей профессии. Некоторым из них — весьма, впрочем не часто — так и не удается свыкнуться с табачною атмосферою и приходится покинуть фабрику. На первых порах у нового рабочего развивается кроветечение из носу, головная боль, тошнота, рвота, понос, при этом иногда бессонница, отсутствие аппетита, а также головокружение. Но

затем, спустя несколько дней, а для некоторых суб'ектов спустя даже несколько недель, эти тягостные симптомы исчезают и рабочий, повидимому, привыкает к табачной атмосфере, приспособляется, так сказать, к своей работе. Но это именно только *повидимому*. С течением времени, более или менее продолжительного, в зависимости, вероятно, как от способности самой организации рабочего противодействовать вообще вредным влияниям, так и от других условий, например, чисто гигиенических, начинает мало-по-малу, постепенно и прогрессивно развиваться картина нервных расстройств, картина хронического отравления никотином. Нередко эта картина наблюдается в своей резко выраженной форме, спустя много лет работы на табачной фабрике, но уже в большинстве случаев даже и через $^1/_2$ года у табачных работников можно наблюдать некоторые нервные расстройства, а именно: 1) расширение зрачков, 2) дрожание конечностей, верхних членов, дрожание языка и даже всего тела— дрожание чаще всего наблюдается в руках, у малолетних рабочих вытянутые костлявые ручки с расставленными пальцами обнаруживают это явление весьма быстро по поступлении их на табачную фабрику, 3) затем вообще у рабочих табачных фабрик развивается некоторое предрасположение к заболеваниям судорожными формами, 4) при явлениях отравления никотином являются сердечные неврозы, повышенная сердечная деятельность, 5) и сильное развитие одышки.

И, наконец, общий вывод наблюдения над здоровьем рабочих табачных фабрик следующий:

«Если хроническое отравление табаком и не влечет за собою многих болезней, констатируемых у табачных рабочих авторами, а также не обусловливает по моим наблюдениям развития каких-либо определенных форм нервных страданий, то все же вредное влияние злоупотребления табаком, на мой взгляд, сказывается в весьма неутешительных результатах. Не говоря уже о том, что явления резкой одышки и серцебиения при упорных головных болях нередко способны совершенно лишать суб'екта возможности работать, не говоря также о полном и явном разрушении здоровья детского организма на табачных фабриках, о невероятно высокой смертности новорожденных от табачных работниц и возможности (что я допускаю

теоретически) частых выкидышей у них, можно притти к тому заключению, что работа на табачных фабриках является располагающим моментом для всяких заболеваний, именно, ведет к уменьшению способности организма сопротивляться вообще вредным влияниям. А отсюда вывод — весьма короткая средняя продолжительность жизни рабочих на табачных фабриках. Если же суб'ект не сошел преждевременно в могилу от какой-либо болезни, которую при прочих равных неблагоприятных условиях схватить ему легче, нежели людям, организм которых вообще способен сильнее противодействовать вредным влияниям, то в конце концов получается весьма неутешительная картина— рабочий становится инвалидом, он сам не может добывать средств к существованию».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Таблица движения производств по обработке хлопка, шерсти, шелка, льна и пеньки.—Хронология открытия фабрик.—Памятные книжки для подмастерий.

Из ряда производств, обыкновенно соединяемых в рубрику «обработка волокнистых веществ», мы взяли 4 группы, а именно:

1) обработка хлопка,
2) обработка шерсти,
3) обработка шелка,
4) обработка льна и пеньки

и разложили эти производства в таблицы хронологически по времени открытия фабрик. При этом выяснились даты всех фабрик, существовавших перед войною. К сожалению, для ряда фабрик этих дат пока не удалось найти, но большинство этих фабрик давно закрылись и интерес к ним исключительно исторический. Таким образом у нас собрались сведения о 56 фабриках хлопка, из них 41 фабрика имеет даты об открытии и 15 фабрик без дат, 14 фабрик, обрабатывающих сукно, из них 10 с датами и 4 без дат, 17 шелковых фабрик, 8 с датами, 9 без дат и 14 фабрик обрабатывающих лен и пеньку, 8 с датами и 6 без дат. Таким образом из 101 фабрики, зарегистрированных нами — 67 т. е. более 50% имеют даты.

Просматривая первую группу — обработку хлопка — мы увидим у некоторых фабрик второе название,—это указывает, что существовавшая самостоятельно фабрика слилась в синдикат с другими. Образование синдикатов в этой области было ярко заметно: Акционерное общество Воронин, Лютш и Чешер

соединило в себе 6 наиболее крупных фирм, и этот синдикат в 1914 году имел 4774 рабочих с 20.500 т. р. оборота. Точно также одна из самых старых мануфактур Российская мануфактура—соединила в себе тоже две крупных фирмы как Кениг и Гергарди.

Процесс концентрации наблюдался и в текстильной отрасли, и текстильная наша промышленность развивалась так же, как в самой образцовой капиталистической стране. Специфического русского духа, конечно, здесь не было.

Приводим в заключение таблицу открытия фабрик по десятилетиям.

	XVIII век и первая четверть XIX.	30-ые.	40-ые.	50-ые.	60-ые.	70-ые.	80-ые.	90-ые.	900-ые.
Хлопок . . .	1	5	3	5	7	5	7	7	1
Шерсть . . .	—	—	2	1	1	3	3	—	—
Шелк	—	1	2	—	—	—	2	2	2
Лен, пенька. .	3	—	—	1	1	1	1	1	—
Итого . . .	4	6	7	7	9	9	13	9	3

Самое большое количество фабрик падает на 80-ые годы.

Касаясь табачной промышленности, мы указали на распорядок работ на фабрике Жукова. К области текстильной промышленности относятся маленькие книжки, издававшиеся еще в 1916 г., под общим заглавием «Памятные книжки для подмастерий».

В предисловии к этим книжкам говорилось, что «в нашей русской и вообще небогатой технической литературе еще есть специальные сочинения и руководства для хозяев, директоров, мастеров и инженеров, до студентов включительно, излагающие суть или детали прядильно-ткацкого производства; но в ней почти нет того, что—намеченное как потребность, самой жизнью стран с более развитым промышленным строем—необходимо, как

правило ведения работы ближайшими руководителями рабочих— подмастерьями, нет им советов, как исполнять свои обязанности с административной стороны.

«У нас на большинстве фабрик говорят человеку при назначении на работу: *ты* (курсив мой) будешь подмастерьем,— *ты* — смазывальщиком, а ты — прядильщиком, холстовщиком, сновальщицей и т. д., а что этот «ты» должен делать и чего не делать — толком и умело, приспособляясь к его пониманию, об'ясняется крайне редко».

Вот этот-то пробел чисто административных указаний, а попутно технических советов, и пополнен в указанных брошюрках.

И в них, в 1916 году, за несколько месяцев до революции, были правила «о наблюдении за народом», и четвертый параграф гласил:

«Обращаться с народом со строгой справедливостью, требуя неуклонного исполнения установленных правил, но понуждая к тому увещанием, а *не бранью или дракой* (курсив мой), ослушников представлять старшим, а в случае драки рабочих между собою — разнять и удалить виновных в табельную или вывести при помощи сторожей из фабрики».

А параграф 9 воспрещал «собрания в отхожих местах»...

«Нанятый» (как говорилось в этих правилах) народ—скоро ответил на подобные раз'яснения.

ПРИМЕЧАНИЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

I.

1. Статистические сведения о С.-Петербурге 1836 г., стр. XXVII.—2. Русский Архив 1872, стр. 14, 17.—3. Полное собрание законов № 2721.—4. Зодчий 1879, стр. 101.—5. Материалы по истории русского флота III, стр. 560.—6. Там же том IV, стр. 383.—7. С.-Петербургские Ведомости, 1742 г., стр. 150.—8. Тоже 1763 г., № 49.—9. Тоже 1766 г., № 15.—10. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии X, стр. 70.—11. С.-Петербургские Ведомости 1769, № 49. — 12. Тоже 1770, № 98. — 13. Тоже 1708, № 3, 1769, № 22; 1785, стр. 176 — 14. Тоже 1780, стр. 499.—15. Тоже 1795, стр. 10. — 16. Тоже 1775 № 70.—17. Тоже 1792, стр. 1802.—18. Общий архив бывшего Министерства Двора, опись 73/187, картон 8433, д. № 82, л. 844. — 19. С.Петербургские Ведомости 1792, стр.21. — 20. Тоже 1743, стр. 674.—21. Тоже 1756, № 33.—22. Тоже 1745,стр. 568.—23. Тоже 1750, стр. 173; 1769, № 16 и 37; 1772, № 93; 1775, № 80. — 24. Тоже 1741, стр. 206; 1747, стр. 807; 1749, стр. 182, 243; 1756, № 83; 1761, № 102; 1764, № 78; 1767, № 40; 1770, № 1; 1775, № 59; 1779, стр. 6; 1782, стр. 533; 1784, стр. 557.—25. Тоже 1749, стр. 243.—26. Тоже 1792, стр. 58.—27. Тоже 1756, № 67.—28. Тоже, 1766 № 48.—29. Тоже 1767, № 71.—30. Тоже 1759, стр. 528. — 31. Полное Собрание Законов № 7343.—32. Тоже, № 10672.—33. С.-Петербургские ведомости 1757, № 5. — 34. Тоже № 59.—35. Полное Собрание Законов № 3992.—36. Архив бывший Морского Министерства, дело гр. Апраксина № 73, л. 221.—37. С.-Петербургские Ведомости 1739, стр. 118.—38. Полное Собрание Законов, № 7073 и 7319.

II.

39) Материалы по Истории Русского флота IV, стр. 367.—40) там же, стр. 372.—41) Архив бывшего Морского Министерства, Дело Адмиралтейской Коллегии 1719 г., № 7, л. 10.—42) Материалы по Истории русского флота т. IV, стр. 406.—43) тоже, 425 стр.—44) Полное собрание законов № 7874.—45) С.-Петербургские Ведомости 1746, стр. 175.—46) тоже 1748 г., стр. 355.—47) тоже 1760, № 42.—48) тоже 1771, № 75.—49) тоже 1778, № 30.—50) тоже 1778, г. № 50.—51) тоже 1746, стр. 578.—52) тоже 1755, № 100.—53) Опись сенатских указов Баранова № 10713.—54) С.-Петербургские Ведомости 1761, № 6.—55) тоже 1771 г., № 87.—56) тоже 1775 г., № 8.—57) тоже 1769 № 103.—58) тоже 1791 г. ст. 55.—59) тоже 1771, № 82.—60) Единственный экземпляр этого описания хранится в Публичной библиотеке, шифр книги 18. 100. 2. 58.—61) Журнал Мануфактуры и Промышлен-

ности 1864 г., т. IV, стр. 12.—62) Правительственный Вестник, 1875. № 164.—63) Опись сенатских указов Баранова, № 10713.—64) там же, № 11300.—65) там же, 11302.—66) *Петров*, История С.-Петербурга, стр. 748.—67) С.-Петербургские Ведомости 1789, стр. 1512.—68) там же, 1790, стр. 163.—69) там же 1799, стр. 225.—70) там же 1801, стр. 2264.—71) Зодчий 1842, стр. 113.—72) Высоч. утв. Калинкинское пиво-медоваренное товарищество в С.-Петербурге. Шифр книги 18. 250. 4. 21.

III.

73) *Петров*. История Петербурга, стр. 595.—74) С.-Петербургские Ведомости, 1756 г., № 32.—75) Там же, 1764, № 37.—76) *Геофи*, стр. 229.—77) С.-Петербургские Ведомости, 1789, № 19, стр. 284.—78) Там же, 1793, стр. 431. — 79) Там же, 1794, стр. 1089. — 80) Там же, 1802 г., стр. 1283.—82) С.-Петерб. ведомости, 1829 г., стр. 685.—83) Фабр.-заводская промышленность СПБ. 1896, стр. 166 и след. — 84) С.-Петерб. Ведомости, 1822, стр. 911.— 85) Там же, 1751, стр. 578; 1765, № 39; 1766, № 17.—86) Там же, 1775, № 46.—87) Ведомости С.-Петер. полиции 1842 г., стр. 141.—88) Зодчий 1872 г., стр. 113.—89) *Орлов*. Сахаро-рафинадный завод Кенига в С.-Петербурге.—90) Вечерняя Газета, 1870, № 208.—91) С.-Петербургские Ведомости, 1741 г., стр. 430.—92) Там же, 1743, стр. 382, 390.—93) Там же, стр. 578.—94) Тамже, стр. 695.

IV.

95. *Каменев*. Историческое описание Охтенского порохового завода. Период первый, стр. 8—9.—96) то же, стр. 60—61.— 97) то же, стр. 200.—98) Вечерняя газета, 1877 г., № 244.—99) *Каменев*, стр. 207.—100) Вечерняя газета, 1877 г., № 178.—101) тоже, 1878 г., № 253.—102) *Плеханов*. Русский рабочий, стр. 35.—103) *Родзевич*. Историческое описание С.-Петербургского арсенала, стр. 65.

V.

104. *Родзевич*. Историч. описание Арсенала, стр. 111—112. 105) Материалы по истории Русского флота, том I, стр. 178. 106) *Н. Дмитриев* и *Н. Колпычев*. Иностранные судостр. заводы и проч. (Морской Сборник 1907, 1908, 1909 года). 107) *Б. Мансуров*. Охтенские Адмир. селения. 1855.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

1. *А. Титов*. Дополнение к описанию Петербурга, стр. 126—127. 2) *Геофи*. Описание Петербурга, стр. 223—224. 3) Полное собрание законов, № 10914. 4) С.-Петерб. Ведомости, 1738 г., стр. 711. 5) Тоже, 1774, № 6. 6) Тоже, 1765, № 45. 7) Тоже, 1756, № 49. 8) Тоже, 1753, стр. 227. 9) Полное собрание законов. № 11, 689. 10) Тоже, № 18962.

II.

11) Русский архив, 1872 г., стр. 1105. — 12) С.-Петер. Ведомости, 1784, стр. 1447.—13) Там же, 1759, стр. 792. — 14) Там же, 1761, № 43. — 15) Там же, 1762, № 58. — 16) Там же, 1768, № 32. — 17) Там же, 1769, № 67. — 18) Там же, 1780 г., стр. 1078. — 19) Там же, 1754, стр. 135. — 20) Там же, 1770, № 20.—21) Там же, 1773, № 78.—22) Там же 1773, № 101.—23) Там же, 1774, № 37.—24) Там же, 1778, стр. 1287.—25) Там же, 1776, № 63.—26) Там же, 1781, стр. 285.—27) Там же, 1784, стр. 585.—28) Там же, 1794, стр. 1115.—29) Там же, 1794, стр. 1490.—30) Там же, 1795, стр. 220.—31) Опись сенатских указов Баранова, № 507. — 32) Там же, № 8078. —

33) Там же, № 8961.—34) Полное Собрание Законов, № 9694, 10440, 11218, 16781, 17275.—35) С.-Петербургские Ведомости, 1787, стр. 50.—36) Там же, 1791, № 81, стр. 1632. — 37. Сборник Исторического Общества, т. 114, стр. 311, 404, 520, 532, 535. — 38) Опись сенатских указов Баранова, № 5118.—39) С.-Петерб. Ведомости, 1791, № 41.—40) Ист. Стат. Сведения о С.-Петер. Епархии, т. VI, стр. 19.—41) С.-Петерб. Ведомости, 1794, № 94, стр. 2173.—42) Там же. 1817, стр. 523.—43) Там же, 1798, № 41.—44) Там же, 1760, № 61.—45) Там же, 1786, стр. 423.—46) Там же, 1792, стр. 1132.—47) Там же, 1794, № 41, стр. 966.—48) Там же, 1797, № 59, стр. 1290. — 49) Там же, 1799, стр. 521.—50) Там же, 1800, стр. 1672.—51) Там же, 1801, стр. 1896.—52) Там же, 1802, стр. 119.—53) Там же, 1805, стр. 807.—54) Там же, 1808, стр. 1152.—55) Полное Собрание Законов, № 5168.—56) С.-Петерб. Ведомости, 1743, стр. 363.—57) Там же, 1744, стр. 255.—58) Там же, 1765, № 43.—59) Там же, 1797, стр. 1958.—60) Там же, 1798, стр. 938.—61) Историко-стат. сведения о С.Петерб. епархии, т. VIII, стр. 277.—62) С.-Петерб. Ведомости, 1700, № 66.—63) Там же, 1762, № 3, 1763, № 3. — 64) Там же, 1773, стр. 1236.—65) *Мансуров,* Адмиралт. охтенские слободки, стр. 114.—66) С.-Петерб. Ведомости, 1382, стр. 538. — 67) Там же, 1824, стр. 93. — 68) Северная Почта, 1809, № 4.—69) Там же, 1810, № 89.— 70) С.-Петерб. Ведомости, 1820, стр. 358.—71) Северная Почта, 1810, № 100.—72) С.-Петерб. Ведомости, 1822, стр. 947.—73) Материалы по Истории русского флота, т. III, стр. 419.—74) Архив Морского Министерства, дело Крюйса, № 8, л.л. 64 и 65.—75) Опись сенатского архива, т. I, № 136.—76) Там же, № 138.—77) Архив Морского Министерства, дело Крюйса, № 33, л.л. 97, 138.—78) Там же, т. IV, стр. 422.—79) Там же, т. III, стр. 567.—80) Архив Морского Министерства, дело Адмиралтейской Коллегии 1719, № 4, л.л. 430, 457, 479—481.—81) Дневник Берхгольца, т. III, стр. 45.—82) С.-Петерб. Ведомости, 1791, стр. 442.—83) Там же, 1743, стр. 15.—84) Там же, 1744, стр. 135.—85) Там же, 1769 № 6.—86) Статистические сведения о петерб. промышленности, 1861, стр. 6.—87) Ведомости С.-Петерб. полиции, 1841, стр. 236.—88) *Петров,* История Петербурга, стр. 142.—89) Полное Собрание Законов, № 3053.—90) Художеств. сокровища России, 1903, стр. 232.—91) *Богданов.* Описание С.-Петербурга, стр. 133.—92) Художеств. сокровища России, 1903, стр. 249.—93) С.-Петерб. Ведомости, 1756, стр. 50.—94) Там же, 1762, № 29. — 95) Там же, 1763, № 55. — 96) Там же, 1785, № 35, стр. 593.—97) Архив Министерства Морского. Указы Адмиралт. коллегии 50 (I), л.л. 696—726.—98) С.-Петерб. Ведомости, 1769, № 55.—99) Смотри мою работу: «В царстве фижм, мушек и кринолинов».

III.

100) С.-Петербургские Ведомости, 1794—1844; — 101) Там же, 1800, стр. 435—102) Архив Морского Министерства. Дела комитета образования флота, 1804 г., № 17.—103) С.-Петербургские Ведомости, 1778 г., стр. 156, 124; 1779, стр. 619; 1781, стр. 89; 1772 г., стр. 613; 1784 г , стр. 650; 1791 г., стр. 89—104) Там же, 1782 г., № 49 стр. 308.—105) Полное Собрание Законов, № 16789.—106) С.-Петербургские Ведомости, 1768, № 58. 107) Там же, 1794, стр. 1160—108) Там же, 1760, № 66.

IV.

109) Опись сенатских указов Баранова, № 476.—110) С.-Петерб. Ведомости, 1728, № 27, стр. 111.—111) Там же, 1808, стр. 108.—112) Там же, 1784, стр. 799.—113) Там же, 1753, стр. 256.—114) Там же, 1797, стр. 549.—115) Там же, 1798, стр. 679.—116) *Селиверстов,* стр. 92.—117) С.-Петерб. Ведомости, 1744, стр. 295.—118) Полное собрание законов, № 3449.—119) Общий архив министерства двора, опись 127/361, дело 998, л. 107.—120) С.-Петерб. Ведомости, 1792, стр. 989.—121) Общий архив ми-

нистерства двора, опись 127/561, дело 998, л. 159, дело 32, л. 32 и 66.—122) С.-Петерб. Ведомости, 1781, стр. 427.—123) Там же, 1791, стр. 405.—124) Там же, 1798, № 15, стр. 317.—125) Там же, 1788, стр. 133. 126) Там же, 1791, № 85, стр. 1718.—127) Там же, 1795, стр. 1118.—128) Архив министерства народного просвещения, опись 81/19, дело № 9128.

V.

127) С.-Петерб. Ведомости, 1818, стр. 679.—128) Там же, 1796, № 31, стр. 677.—129) Там же, № 40, стр. 852. 130) Там же, 1799, стр. 31.—131) Там же, 1759, № 84.—132) Там же, 1792, стр. 27.—133) Там же, 1802.—134) Там же, 1810, стр. 309.—135) Там же, 1810, стр. 359.—136) Там же, 1820, стр. 815.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1) *Туган-Барановский.* Русская фабрика.—2) Северная Пчела, 1839, № 274.—3) С.-Петербургские Ведомости, 1798, № 17, стр. 350.—4) Северная Пчела, 1831, № 109—113.—5) *Никитин*, V—VIII.—6) Там же, стр. 62, 63, 64.—7) Выгодно ли нам употреблять паровые машины, стр. 7.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1) *Цыперович.* Синдикаты, стр. 82—83.—2) О заработной плате и продолжительности рабочего времени на русских фабриках и заводах, статья бывшего главного фабричного инспектора *Я. Т. Михайловского.*—3) Вечерняя газета, 1871 г. № 26.—4) *Балабанов*, Очерки, стр. 110.—5) Отечественные записки, т. 57, стр. 1—27.—6) Город С.-Петербург с точки медицинской полиции, стр. 313.—7) Там же, стр. 459.—8) Там же, стр. 485.—9) Там же, стр. 547—548.—10) Отчет правления общества за первые 8 месяцев своих действий, т. е. 9 мая 1859 и 1 января 1860 г. (шифр Пуб. Биб. 18, 19, 1, 33).—11) Вечерняя газета 1871 г. № 321.—12) Там же, 1876 г., № 152.—13) Curriculum vitae Сан-Галли, стр. 65.—14) Петербург с точки зрения медицинской полиции, 631 стр.—15) Неделя строителя, 1875 г., № 36.—16) Там же, 1897 г., стр. 47.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

1) *В. А. Полетика.* Железная промышленность в России стр. 1—3.—2) Там же, стр. 49, 50, 51.—3) *М. Новицкий.* К истории развития паровозо- и вагоно-строения в России стр. 2.—4) Материалы, собранные Импер. Техн. Обществом, стр. 68, 69, 70.—5) Там же, 99 и сл.—6) О рабочих русской железной промышленности, стр. 2, 3, 10, 11, 12, 14, 15.—7) *Г. Каспер*ович. Железоделательная промышленность России за последнее десятилетие.—8) *Кафенгауз, Л. Б.* Синдикаты в русской железной промышленности, стр. 66, 68, 72, 175.

III.

Левицкий М. Путиловский сталелитейный, железоделательный и механический завод. Кронштадт. 1898. — Механический, железопрокатный, железоковательный и литейный завод генерал-ад'ютанта Николая Александровича Огарева. Спб., 1861. — Заводы Н. Путилова 1851—1870. Спб. 1870.—Положение о железной дороге Путиловского товарищества. Спб. 1874.—Путиловский завод в С.-Петербурге. Краткое описание и каталог изделий и образцов завода. Спб. 1896.—Северная Пчела,

1828, № 109. Там же, 1845, стр. 630. Иллюстрированная газета, 1868, № 45, тоже, 1870, №№ 24. 26, 30. Голос, 1870, №№ 154, 157, 164, 165. Иллюстрированная газета, 1871, № 2, 43. Голос, 1871, № 12, 13, 296. Тоже Голос, 1773, № 5. Правительственный Вестник, 1876, № 272.—Петербургская Газета, 1882, № 103, 114.—Театр и Жизнь, 1889, № 425.—Неделя Строителя, 1891, № 18, 1893, стр. 47, 1895, № 38.

IV.

1. Иностранные и судостроительные заводы в связи с вопросом о переустройстве заводов Морского ведомства в С.-Петербурге.—2. Балтийский судостроительный и механический завод. Спб. 1908.

V.

1) *Н. Каптерев.* Обуховский сталелитейный завод. — 2) *Колчак.* История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники.—3) *А. Коленко.* 30-ти летие Обуховского сталелитейного завода.

VI.

Механический завод Людвиг Нобель, с 1862 по 1912 г.г.Спб. 1912 г.

VII.

Невский судостроительный и механический завод, 1910 г., к выпуску 3000 паровозов с основания завода. С.-Петербург, 1910 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1) О внутреннем устройстве и управлении табачной фабрики В. Г. Жукова. Журнал Мануфактур и Торговли 1840 г. ч. I, стр. 135, отдел IV.—2) Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции. Спб. 1897.—3) Очерк 25-летней деятельности табачной фабрики А. Н. Шапошникова, Спб. 1898.—4) *М. К. Валицкая.* Исследование здоровья рабочих на табачных фабриках. Спб. 1889.

СОДЕРЖАНИЕ.

Введение.

I. Как надо смотреть на предлагаемую вниманию читателя работу.—Затруднения, испытываемые автором.—Российская статистика и российские статистические пособия.—Материалы для работы.—Их скудость и трудность получения.—Классификация производств.--Общие положения.--Петербург—крепость и порт.—Появление и образование столицы и административного центра.—Особенность петербургской промышленности.—Ее искусственность.—Разница между «заводом» и «фабрикою».—Схема развития петербургской промышленности. 3

Глава первая.

I. Кирпичное производство.—Монополизация его государством.—Переход в частные руки.—Вторичное появление «казенных» заводов.—Описание частного кирпичного завода.—Невские кирпичные заводы.—Цены обжига кирпича.—Продажные цены 1000 кирпичей.—Контроль над кирпичным производством.—Изготовление черепицы. — Характерные особенности производства строительных материалов в XVIII веке.—Строительные заводы в Петербурге в 1909 году. 13

II. Варение пива при Петре.—Устройство казенных пивоварен.—Ввозное в Петербург пиво: шведское, английское.—Местное пивоварение. — Громадное количество пивоварен в Петербурге. — Завод Крона и Даниельсона. — Калинкинский завод.—Его состояние в 1896 году.—Даты открытия петербургских пивоварен. — Производительность пивных заводов Петербурга 27

III. Появление сахарных фабрик. — Первые сахарные фабрики.—Статистика сахарного производства в Петербурге в 1812 г.—Свекловица и свекловичный сахар.—Уменьшение сахарного производства в Петербурге.—Завод Кенига 37

IV. Военная промышленность в Петербурге.—Пороховые заводы.—Взрывы на снаряжательных заводах.—Заработок на них.—Условия работы.—Жертвы Василеостровского патронного завода.—Артиллерийские учреждения. 42

V. Первый указ о величине рабочего дня, о штрафах и наказаниях.—Развитие казенного судостроительства.—Отличительная черта его.—Новое адмиралтейство.—Его описание.—Неудобство в техническом отношении.—Охтенское адмиралтейство.—Судьба охтенских плотников.—Надзор за ними.—Инструкции.—Выводы о казенном судостроительстве.—Заработная плата у нас и за границею.—Бюрократизм отечественного судостроения. 47

Глава вторая.

I. Описание промышленности в 1762 и 1794 годах.—Богданов и Георги. — Воспрещение устройства новых фабрик в 1759, 1762 и 1799 г.г.—Стеклянные заводы. 59
II. Материал для описания промышленности XVIII в.—Территориальное расположение заводов. — Чулочные фабрики.—Фабрика Меллера и гр. Ягужинского.—Монополия чулочного производства.—Фабрика Ягужинского.—Шелковая промышленность в Петербурге.—Проект «компании шелкового производства» в 1754 году.—Шелковые фабрики.—Детский труд на шелковых фабриках. — Законодательство о роскоши.—Фабрика Я. Меллера и Рихтера.—Фабрика Роговикова.—Ленточные, тесемочные и басонные фабрики.—Указ о лентах 1798 г.—Ситцевые фабрики.—Фабрика Броувера.—Полотняная фабрика в Екатерингофе, на Охте.—Полотняная фабрика Удельного ведомства.—Суконные фабрики.—Канатное производство.—Канаты в Адмиралтействе.—Производство канатов с 1862 по 1914 год.—Даты открытия канатных фабрик.—Шпалерная мануфактура.—Обои.—Обойные фабрики 1862 и 1914 г.г. 66
III. Чугунные и металлические заводы XVIII века.—Пантотический Институт. — Бронзовая фабрика. — Слесарная фабрика.—Жестяное производство.—Фабрика часов. 84
IV. Фарфоровый казенный завод.—Фарфоровые частные фабрики.—Фарфоровое производство с 1862 по 1914 год.—Восковой завод. — Парфюмерное производство. — Выделка сургуча. — Карточное производство.—Шоколад. 86
V. Рабочий вопрос. 91

Глава третья.

Взгляд первой четверти XIX столетия на промышленность, мануфактуру.—Сравнение рабочего с земледельцем.—Путешествие по Шлиссельбургскому тракту.—Мануфактурный городок.—Призыв к образованию промышленного центра.—Изменение общего взгляда на промышленность.—Александровская мануфактура.—Эволюция барского пригородного имения в фабрику.—Специальное исследование о болезнях рабочих 1847 г.—Книжка «Выгодно ли нам употребление паровых машин?» 93

Глава четвертая

I. Таблица движения петербургской промышленности с 1862 по 1914 год. — Анализ этой таблицы. — Табачная промышленность. — Синдицирование ее.—Табачный трест.—Как переместился центр петербургской промышленности 112
II. Издание книги к выставке в Чикаго.—Особенности русского рабочего.—Русский рабочий одновременно и землевладелец, и номад промышленности.—Пища рабочих.— Случай на кожевенном заводе Егорова.—Заводские магазины.—Квартирный вопрос в описании старшего фабричного инспектора.—Квартиры для рабочих.—Угловая квартира.—Общество для улучшения в С.-Петербурге жилищ рабочего и нуждающегося люда.—Комиссия об исследовании рабочих жилищ.—Эрисман.—Мнение Сан-Галли о рабочей колонии.—Значение, придаваемое этим колониям.—Чувство собственника.—Заработная плата. 118

Глава пятая.

1. Лекции о железной промышленности.—Ее недостатки.—Записка технического общества о необходимости принять меры к поднятию машиностроения в России.—С'езд фабрикантов 1870 года.—Детский вопрос.—Доклад научно-технической комиссии общества горных инженеров в 1903 году.—Железопромышленность и кризис 1900 года.—Синдикаты 133

II. Даты образования 25 механических заводов.—Распределение открытия заводов по годам. 147

III. Красный Путиловец.—Кронштадтский чугунный завод.—Перевод его на 4 версту Петергофской першпективы.—Развитие чугунного завода.—Наводнение 7 ноября 1824 года.—Новый казенный чугунный завод.—Старый чугунный казенный завод.—Первые рельсы в России.—Завод Огарева.—Главные заказы.—Приобретение завода Путиловым.—Изготовление рельс.—Значение русского работника.—Эволюция владения заводом.—Синдикат.—Трест.—Развитие производств.—Рельсы.—Товарные вагоны.—Цистерны.—Пассажирские вагоны.—Котельная мастерская.—Паровозы.—Минные аппараты.—Миноносцы.—Долой патриотизм.—Снаряды.—Металлургическая деятельность.—Рабочие.—Рабочий день.—Управление заводом.—Его штаты. 148

IV. Балтийский судостроительный завод.—Основание его.—Макферсон и Карр.—Образование Английского общества.—Русское судостроительное Балтийское общество.—Казенный завод. 162

V. Положение Обуховского завода в 1912 году.—Открытие Обухова.—Участие Путилова.—Обуховский сталелитейный завод.—Положение о заводе. 166

VI. Завод Нобеля.—Его работа в военном деле.—Производство паровых машин, бандажей, колес, колосников, насосов, сепараторов.—Нобель и дизель.—Нобель и нефть. . . . 169

VII. Завод Семянникова.—Невский судостроительный завод.—Производство паровозов.—3000-ный паровоз 172

Глава шестая

Распорядок работ на фабрике Василия Жукова.—Фабрика К. и П. Петровых.—Описание фабрики Богданова.—Несколько слов о фабрике Шапошникова.—Болезни рабочих на фабриках табака 174

Глава седьмая.

Таблица движения производств по обработке хлопка, шерсти, шелка, льна и пеньки.—Хронология открытия фабрик.—Памятные книжки для подмастерий. 189

Примечания 192

ИЗДАНИЯ

Ленинградского Губернского Совета Профессиональных Союзов

Редакционно - Издательский Отдел. Бульвар Профес. Союзов, д. № 21, 1-й этаж. Телефон № 6-25-62.

Малая энциклопедия профессионального движения и труда.

Н. Ленин.—Профессиональное движение. 2-ое изд.

Ю. Гессен и Э. Гершензон — Хрестоматия по истории рабочего класса и профессионального движения. Том I и II.

И. Майский.—Професс. движение на Западе. Основные типы.

В. В. Святловский.—История професс. движения в России. 2-ое изд.

М. Гордон.—Наглядная таблица мирового професс. движения. 2-ое изд.

А. Гастев.—Професс. союзы и организация труда.

Н. Глебов (Авилов). — Професс. союзы и Советское государство.

Его же.—Петроградские проф. союзы на страже интересов рабочих. (Распродано).

Э. Гершензон.—Пролетарские кассы взаимопомощи.

С. Левман и М. Лейзеров.—Формы и методы профессион. программы.

Сборник руководящих материалов по союзной работе. Цена 25 к.

Макс Гордон.—Очерк экономич. борьбы рабочих в России (3-ье изд.).

П. Столпянский.—Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования.

Л. М. Клейнборт.—Русский рабочий-читатель.

Л. М. Василевский.—Гигиена женского труда.

Его же.—Пылевые профессии.

Его же.—Гигиена труда металлиста.

С. Карташов.—Хронометраж.

Н. Подкопаев.—Основы физиологии в применении к научной организации труда. 2-ое изд.

А. Никитин.—Производств. труд. и социальная гигиена.

Г. Хейнман. — Очерки научной организации труда в производстве.

Я. А. Канторович.—Коллективный договор. 2-ое изд.

К. Пажитнов.—Из истории рабочих артелей на Западе и в России. От утопистов до наших дней. (Распродано).

Н. Королев.—Основы физической культуры мужчины и женщины.

М. Пейсин.—Легкая атлетика для начинающих. (Распродано).

Д. Крадман и М. Собецкий.—Физическая культура зимой.

К. Гальт.—Легкая атлетика.

Е. Крживинский.—Теннис.

А. Мендельсон.—На пьяном фронте.

С. Лозинский.—Из истории классовой борьбы. Греция и Рим.

Г. Вейнберг.—Что такое тарифное соглашение, тарифная ставка, товарный рубль и тарифная сетка. Второе издание. (Распродано).

И. М. Кулишер.—Очерк истории русской промышленности. (Распрод.).

Л. Н. Михалевский.—Основы экономики труда. Фабричный рабочий и его бюджет. (Распродано).

М. Солодникова.—Рабочий в свете статистики. (Распродано).

Д-р П. Вакс.—Труд и отдых рабочих. Обеденный перерыв. (Распрод.).

Гос. Центр. Историческая Библиотека